А.Н. МАЛЬЦЕВ

РОССИЯ и БЕЛОРУССИЯ в середине XVII века

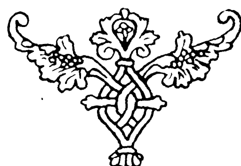

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1974

А.Н. МАЛЬЦЕВ

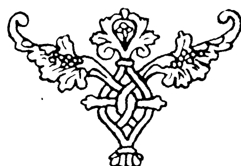
РОССИЯ и БЕЛОРУССИЯ в середине XVII века

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1974

А.Н. МАЛЬЦЕВ

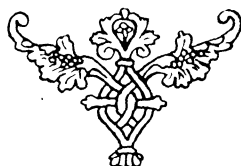
РОССИЯ и БЕЛОРУССИЯ в середине XVII века

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1974

А.Н. МАЛЬЦЕВ

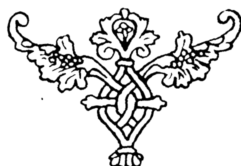
РОССИЯ и БЕЛОРУССИЯ в середине XVII века

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1974

А.Н. МАЛЬЦЕВ

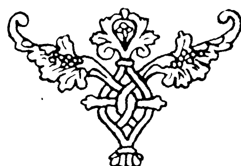
РОССИЯ и БЕЛОРУССИЯ в середине XVII века

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1974

А.Н. МАЛЬЦЕВ

РОССИЯ и БЕЛОРУССИЯ в середине XVII века

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1974

Белоруссию, приблизительно до лета 1657 г., уделял главное внимание операциям русских войск в Белоруссии, но совершенно не затрагивал вопроса о том, какое значение для освобождения Украины имели действия русских войск в Белоруссии, не описывал совместных операций русских войск и казацких полков в 1654—1655 гг. и не выявил значения и объема помощи русских войск украинскому народу зимой 1655 г. С. М. Соловьев не дал характеристики политики русского правительства по отношению к отдельным слоям населения на занятой территории, ничего не говорил о социальной направленности этой политики. Крестьянское движение в Белоруссии с начала 1655 г., носившее антифеодальный характер, выпадало из поля зрения автора. С. М. Соловьев и его последователи трактовали борьбу украинского и белорусского народов только лишь как борьбу против религиозного и национального гнета Речи Посполитой, игнорируя тот факт, что эта борьба широких народных масс носила ярко выраженный антифеодальный характер. Тем не менее труд С. М. Соловьева и до настоящего времени является наиболее ценным и значительным из того, что было написано по этому вопросу.

Н. И. Костомаров, говоря в своей монографии «Богдан Хмельницкий» о военных действиях на Украине в 1654—1655 гг., не только допускает много фактических ошибок и неточностей, но и совершенно умалчивает о той решающей помощи, которую оказала Россия украинскому народу, в частности своими военными действиями в Белоруссии [2].

Во II томе работы Н. И. Павлищева «Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину» [3] имеются главы, в которых автор пытается показать ход войны в Белоруссии. Несмотря на то что Н. И. Павлищев написал свой труд уже после появления книги С. М. Соловьева, освещение событий 1654—1655 гг. у него совершенно не удовлетворительно.

Д. И. Иловайский в V томе «Истории России» дает только отрывочное изложение хода войны. Так же как и его предшественники, он в своем труде почти совсем не уделяет внимания внутренней политике русского правительства на присоединенной территории. Положительной стороной работы Иловайского является то, что он в некоторой степени показывает международное положение Польши в это время и увязывает события войны между Россией и Речью Посполитой, с одной стороны, и Речью Посполитой и Швецией — с другой.

К специальным статьям, относящимся к вопросу о борьбе за Белоруссию в 1654—1667 гг., следует отнести статью М. Богословского «Приказы Великого Княжества Литовского и Княже-

---

[2] См. Н. Костомаров. Исторические монографии и исследования, т. X. СПб., 1904, стр. 573—574.

[3] См. Н. И. Павлищев. Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину, изд. 2, тт. I—III. СПб., 1887.

ства Смоленского в Московском государстве»[4]. Автор указывает, что в первое время войны не создавалось никаких специальных учреждений для управления занятой территорией. По мере продвижения русских войск в занятых городах сажались русские воеводы, получавшие указания на первых порах из главной квартиры царя, когда он находился в походе, а по возвращении царя в Москву — из соответствующих приказов. Параллельно с непосредственным управлением из царской квартиры занятые области управлялись также из московских приказов[5]. Разряду принадлежало преимущественное значение в управлении сравнительно с другими приказами, так как управление местностью, служившей театром военных действий, естественно, должно было сосредоточиться в приказе, ведавшем основными военными силами. Разряд назначал городовых воевод, ведал и управлял судьбой шляхты, ведал поземельными ее делами. Но такое значение Разряд имел лишь во время войны[6]. Русское правительство не нарушало административной целостности присоединенных областей Смоленщины, Белоруссии и Литвы и продолжало сохранять название Великого княжества Литовского; для их управления был образован особый Приказ Великого княжества Литовского под руководством боярина С. Л. Стрешнева (не ранее конца 1656 г.)[7]. Работа Богословского дает много ценного для уяснения структуры русского управления на занятой территории Белоруссии и Смоленска.

Особенно искажены характер и значение совместной борьбы русского, украинского и белорусского народов украинской буржуазно-националистической литературой. М. С. Грушевский всячески старался опорочить союз русского и украинского народов, замалчивал или искажал характер помощи русского народа украинскому народу.

В советской историографии появилось несколько работ, в которых рассматривается вопрос о войне за Украину и Белоруссию. В работе И. Ф. Лочмеля имеется глава, где рассматривается вопрос о войне за Белоруссию в 1654—1667 гг.[8]. Автор почти не останавливается на истории самой войны, а если и говорит о ней, то допускает серьезные ошибки (например, о взятии русскими Белостока и Бреста)[9].

И. Ф. Лочмель уделяет главное внимание движению белорусских крестьян против шляхты, но материал, приводимый им по этому вопросу, немногочислен, относится только к 1654 г. и известен по ранее опубликованным работам. Ценно стремление ав-

---

[4] См. М. Богословский. Приказы Великого Княжества Литовского и Княжества Смоленского в Московском государстве. «Журнал Министерства Народного просвещения», 1906, август.

[5] Там же, стр. 222.

[6] Там же, стр. 223.

[7] Там же, стр. 225—242.

[8] См. И. Ф. Лочмель. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов. М., 1940.

[9] Там же, стр. 59.

тора сделать ряд обобщающих выводов, но, к сожалению, эти выводы не подтверждаются фактическим материалом. Автор не замечает того, что переходившая на сторону России в первый период войны белорусская шляхта видела в московском правительстве силу, которая была способна, по ее мнению, обуздать антифеодальное движение белорусских крестьян. С другой стороны, автор в активных действиях белорусских крестьян видит только борьбу против польской шляхты, а не вообще борьбу против крепостнического строя.

Интересное, но спорное положение выдвинуто в статье Н. Л. Рубинштейна [10]. Автор пишет, что «украинская старшина имела давние виды на присоединение Белоруссии и поднимала вопрос о наступлении на Белоруссию еще в переговорах с Москвой в 1651 г. Присоединение Белоруссии должно было укрепить ее политическое положение и дать ей значительные экономические выгоды, открыв ей самостоятельный выход на Запад. Но Москва сейчас же наложила свою руку на завоеванные белорусские земли и, удалив украинские воинские части, поставила в завоеванных городах свои гарнизоны и своих воевод» [11]. С этими положениями трудно согласиться, так как украинская старшина не могла не отдавать себе отчета в том, что русское правительство в случае успеха русских войск никогда не отдало бы Белоруссию под ее власть. Кроме того, вряд ли можно говорить о том, что украинская старшина претендовала на всю Белоруссию. Речь могла идти только о юго-западных районах Белоруссии, примыкающих к Украине. Удаляя украинские воинские части из ряда белорусских городов, московское правительство тем самым шло прежде всего навстречу требованиям верхушки городского населения и шляхты занятой территории.

Более поздняя работа А. А. Савича представляет собой определенный сдвиг в изучении вопроса [12]. Автору удалось относительно точно показать ход военных действий в Белоруссии в 1654 г. Однако и здесь ряд существенных моментов пропущен. Например, ничего не говорится об операциях русских войск в 1654 г. в Лифляндском воеводстве. Не показано движение армии А. Н. Трубецкого. Ничего не говорится о взятии Мстиславля, Рославля, Шклова и т. д. Военные действия в Белоруссии в 1655 г. освещены совершенно недостаточно, в результате чего нельзя получить четкого представления о движении отдельных русских армий и т. д.

Не ставит А. А. Савич и вопроса о взаимопомощи русского и украинского народов во время войны между Россией и Речью

---

[10] См. Н. Л. Рубинштейн. Классовая борьба на Украине в XVII веке. «Борьба классов», 1936, № 4.

[11] Н. Л. Рубинштейн. Ук. соч., стр. 44.

[12] См. А. А. Савич. Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 годах (из истории русско-польских отношений второй половины XVII в.). «Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина», т. II. Кафедра истории СССР, 1947, вып. 2.

Посполитой за освобождение Украины и Белоруссии; очень кратко говорит о совместных действиях русского войска и казацких полков, опуская ряд существенных моментов. Вне поля зрения автора остался и вопрос о значении операции русских войск в Белоруссии для освобождения Украины. Политике русского правительства на занятой территории Белоруссии уделено мало внимания. Говорится о сохранении за белорусскими городами магдебургского права, о пожалованиях шляхте, однако ничего не сказано о классовом характере политики русского правительства. Совершенно не отражено крестьянское движение в Белоруссии в 1655 г. и последующие годы.

Следует обратить внимание и на статью О. Вайнштейна — «Русско-шведская война 1655—1660 годов» [13]. Автор совершенно справедливо отмечает, что «удар главных русских сил был направлен не на Украину, а на Литву и Белоруссию» [14].

Очень суммарна характеристика событий 1654—1656 гг. в статье Л. С. Абецедарского, посвященной борьбе белорусского народа за воссоединение с Россией. Основана она исключительно на опубликованных источниках [15].

Крестьянское восстание в Белоруссии 1656—1657 гг. под предводительством Дениса Мурашки рассмотрено на основании печатных источников А. П. Пьянковым [16].

Отдельные вопросы, касающиеся боевого содружества русского, белорусского и украинского народов в годы борьбы за воссоединение Украины и Белоруссии середины XVII в., затрагиваются в работах Ф. П. Шевченко, И. П. Крипъякевича, А. К. Касименко и В. А. Голобуцкого [17].

●

Источники, использованные в настоящей работе, можно делить на две большие группы: 1) печатные источники и 2) архивные материалы. К первой группе источников относятся: Акты Южной и

---

[13] См. О. Вайнштейн. Русско-шведская война 1655—1660 годов (историографический обзор). «Вопросы истории», 1947, № 3, стр. 53.

[14] О. Вайнштейн. Ук. соч., стр. 71.

[15] См. Л. С. Абецедарский. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией в середине XVII в. В сб.: «Воссоединение Украины с Россией 1654 — 300 лет — 1954». М., Изд-во АН СССР, 1954.

[16] См. А. П. Пьянков. Восстание Дениса Мурашки. «Известия Академии наук БССР», 1949, № 1, стр. 43—50.

[17] І. П. Крипъякевич. Богдан Хмельницкий. Київ, 1954; О. К. Касіменко. Російське-українські взаемовідносини 1648 — початку 1651. Київ, 1955; В. Голобуцкий. Дипломатическая история освободительной борьбы украинского народа 1648—1654. Киев, 1962; Ф. П. Шевченко. Політичні та экономічні зв″язки України з Росією в средині XVII ст. Київ, 1959; см. рец.: М. Н. Тихомиров и А. Н. Мальцев. Новый труд по истории освободительной войны на Украине в середине XVII в. «Вопросы истории», 1962, № 1, стр. 148—153.

тора сделать ряд обобщающих выводов, но, к сожалению, эти выводы не подтверждаются фактическим материалом. Автор не замечает того, что переходившая на сторону России в первый период войны белорусская шляхта видела в московском правительстве силу, которая была способна, по ее мнению, обуздать антифеодальное движение белорусских крестьян. С другой стороны, автор в активных действиях белорусских крестьян видит только борьбу против польской шляхты, а не вообще борьбу против крепостнического строя.

Интересное, но спорное положение выдвинуто в статье Н. Л. Рубинштейна[10]. Автор пишет, что «украинская старшина имела давние виды на присоединение Белоруссии и поднимала вопрос о наступлении на Белоруссию еще в переговорах с Москвой в 1651 г. Присоединение Белоруссии должно было укрепить ее политическое положение и дать ей значительные экономические выгоды, открыв ей самостоятельный выход на Запад. Но Москва сейчас же наложила свою руку на завоеванные белорусские земли и, удалив украинские воинские части, поставила в завоеванных городах свои гарнизоны и своих воевод»[11]. С этими положениями трудно согласиться, так как украинская старшина не могла не отдавать себе отчета в том, что русское правительство в случае успеха русских войск никогда не отдало бы Белоруссию под ее власть. Кроме того, вряд ли можно говорить о том, что украинская старшина претендовала на всю Белоруссию. Речь могла идти только о юго-западных районах Белоруссии, примыкающих к Украине. Удаляя украинские воинские части из ряда белорусских городов, московское правительство тем самым шло прежде всего навстречу требованиям верхушки городского населения и шляхты занятой территории.

Более поздняя работа А. А. Савича представляет собой определенный сдвиг в изучении вопроса[12]. Автору удалось относительно точно показать ход военных действий в Белоруссии в 1654 г. Однако и здесь ряд существенных моментов пропущен. Например, ничего не говорится об операциях русских войск в 1654 г. в Лифляндском воеводстве. Не показано движение армии А. Н. Трубецкого. Ничего не говорится о взятии Мстиславля, Рославля, Шклова и т. д. Военные действия в Белоруссии в 1655 г. освещены совершенно недостаточно, в результате чего нельзя получить четкого представления о движении отдельных русских армий и т. д.

Не ставит А. А. Савич и вопроса о взаимопомощи русского и украинского народов во время войны между Россией и Речью

---

[10] См. Н. Л. Рубинштейн. Классовая борьба на Украине в XVII веке. «Борьба классов», 1936, № 4.

[11] Н. Л. Рубинштейн. Ук. соч., стр. 44.

[12] См. А. А. Савич. Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 годах (из истории русско-польских отношений второй половины XVII в.). «Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина», т. II. Кафедра истории СССР, 1947, вып. 2.

тора сделать ряд обобщающих выводов, но, к сожалению, эти выводы не подтверждаются фактическим материалом. Автор не замечает того, что переходившая на сторону России в первый период войны белорусская шляхта видела в московском правительстве силу, которая была способна, по ее мнению, обуздать антифеодальное движение белорусских крестьян. С другой стороны, автор в активных действиях белорусских крестьян видит только борьбу против польской шляхты, а не вообще борьбу против крепостнического строя.

Интересное, но спорное положение выдвинуто в статье Н. Л. Рубинштейна[10]. Автор пишет, что «украинская старшина имела давние виды на присоединение Белоруссии и поднимала вопрос о наступлении на Белоруссию еще в переговорах с Москвой в 1651 г. Присоединение Белоруссии должно было укрепить ее политическое положение и дать ей значительные экономические выгоды, открыв ей самостоятельный выход на Запад. Но Москва сейчас же наложила свою руку на завоеванные белорусские земли и, удалив украинские воинские части, поставила в завоеванных городах свои гарнизоны и своих воевод»[11]. С этими положениями трудно согласиться, так как украинская старшина не могла не отдавать себе отчета в том, что русское правительство в случае успеха русских войск никогда не отдало бы Белоруссию под ее власть. Кроме того, вряд ли можно говорить о том, что украинская старшина претендовала на всю Белоруссию. Речь могла идти только о юго-западных районах Белоруссии, примыкающих к Украине. Удаляя украинские воинские части из ряда белорусских городов, московское правительство тем самым шло прежде всего навстречу требованиям верхушки городского населения и шляхты занятой территории.

Более поздняя работа А. А. Савича представляет собой определенный сдвиг в изучении вопроса[12]. Автору удалось относительно точно показать ход военных действий в Белоруссии в 1654 г. Однако и здесь ряд существенных моментов пропущен. Например, ничего не говорится об операциях русских войск в 1654 г. в Лифляндском воеводстве. Не показано движение армии А. Н. Трубецкого. Ничего не говорится о взятии Мстиславля, Рославля, Шклова и т. д. Военные действия в Белоруссии в 1655 г. освещены совершенно недостаточно, в результате чего нельзя получить четкого представления о движении отдельных русских армий и т. д.

Не ставит А. А. Савич и вопроса о взаимопомощи русского и украинского народов во время войны между Россией и Речью

---

[10] См. Н. Л. Рубинштейн. Классовая борьба на Украине в XVII веке. «Борьба классов», 1936, № 4.

[11] Н. Л. Рубинштейн. Ук. соч., стр. 44.

[12] См. А. А. Савич. Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 годах (из истории русско-польских отношений второй половины XVII в.). «Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина», т. II. Кафедра истории СССР, 1947, вып. 2.

тора сделать ряд обобщающих выводов, но, к сожалению, эти выводы не подтверждаются фактическим материалом. Автор не замечает того, что переходившая на сторону России в первый период войны белорусская шляхта видела в московском правительстве силу, которая была способна, по ее мнению, обуздать антифеодальное движение белорусских крестьян. С другой стороны, автор в активных действиях белорусских крестьян видит только борьбу против польской шляхты, а не вообще борьбу против крепостнического строя.

Интересное, но спорное положение выдвинуто в статье Н. Л. Рубинштейна [10]. Автор пишет, что «украинская старшина имела давние виды на присоединение Белоруссии и поднимала вопрос о наступлении на Белоруссию еще в переговорах с Москвой в 1651 г. Присоединение Белоруссии должно было укрепить ее политическое положение и дать ей значительные экономические выгоды, открыв ей самостоятельный выход на Запад. Но Москва сейчас же наложила свою руку на завоеванные белорусские земли и, удалив украинские воинские части, поставила в завоеванных городах свои гарнизоны и своих воевод» [11]. С этими положениями трудно согласиться, так как украинская старшина не могла не отдавать себе отчета в том, что русское правительство в случае успеха русских войск никогда не отдало бы Белоруссию под ее власть. Кроме того, вряд ли можно говорить о том, что украинская старшина претендовала на всю Белоруссию. Речь могла идти только о юго-западных районах Белоруссии, примыкающих к Украине. Удаляя украинские воинские части из ряда белорусских городов, московское правительство тем самым шло прежде всего навстречу требованиям верхушки городского населения и шляхты занятой территории.

Более поздняя работа А. А. Савича представляет собой определенный сдвиг в изучении вопроса [12]. Автору удалось относительно точно показать ход военных действий в Белоруссии в 1654 г. Однако и здесь ряд существенных моментов пропущен. Например, ничего не говорится об операциях русских войск в 1654 г. в Лифляндском воеводстве. Не показано движение армии А. Н. Трубецкого. Ничего не говорится о взятии Мстиславля, Рославля, Шклова и т. д. Военные действия в Белоруссии в 1655 г. освещены совершенно недостаточно, в результате чего нельзя получить четкого представления о движении отдельных русских армий и т. д.

Не ставит А. А. Савич и вопроса о взаимопомощи русского и украинского народов во время войны между Россией и Речью

---

[10] См. Н. Л. Рубинштейн. Классовая борьба на Украине в XVII веке. «Борьба классов», 1936, № 4.

[11] Н. Л. Рубинштейн. Ук. соч., стр. 44.

[12] См. А. А. Савич. Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 годах (из истории русско-польских отношений второй половины XVII в.). «Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина», т. II. Кафедра истории СССР, 1947, вып. 2.

тора сделать ряд обобщающих выводов, но, к сожалению, эти выводы не подтверждаются фактическим материалом. Автор не замечает того, что переходившая на сторону России в первый период войны белорусская шляхта видела в московском правительстве силу, которая была способна, по ее мнению, обуздать антифеодальное движение белорусских крестьян. С другой стороны, автор в активных действиях белорусских крестьян видит только борьбу против польской шляхты, а не вообще борьбу против крепостнического строя.

Интересное, но спорное положение выдвинуто в статье Н. Л. Рубинштейна[10]. Автор пишет, что «украинская старшина имела давние виды на присоединение Белоруссии и поднимала вопрос о наступлении на Белоруссию еще в переговорах с Москвой в 1651 г. Присоединение Белоруссии должно было укрепить ее политическое положение и дать ей значительные экономические выгоды, открыв ей самостоятельный выход на Запад. Но Москва сейчас же наложила свою руку на завоеванные белорусские земли и, удалив украинские воинские части, поставила в завоеванных городах свои гарнизоны и своих воевод»[11]. С этими положениями трудно согласиться, так как украинская старшина не могла не отдавать себе отчета в том, что русское правительство в случае успеха русских войск никогда не отдало бы Белоруссию под ее власть. Кроме того, вряд ли можно говорить о том, что украинская старшина претендовала на всю Белоруссию. Речь могла идти только о юго-западных районах Белоруссии, примыкающих к Украине. Удаляя украинские воинские части из ряда белорусских городов, московское правительство тем самым шло прежде всего навстречу требованиям верхушки городского населения и шляхты занятой территории.

Более поздняя работа А. А. Савича представляет собой определенный сдвиг в изучении вопроса[12]. Автору удалось относительно точно показать ход военных действий в Белоруссии в 1654 г. Однако и здесь ряд существенных моментов пропущен. Например, ничего не говорится об операциях русских войск в 1654 г. в Лифляндском воеводстве. Не показано движение армии А. Н. Трубецкого. Ничего не говорится о взятии Мстиславля, Рославля, Шклова и т. д. Военные действия в Белоруссии в 1655 г. освещены совершенно недостаточно, в результате чего нельзя получить четкого представления о движении отдельных русских армий и т. д.

Не ставит А. А. Савич и вопроса о взаимопомощи русского и украинского народов во время войны между Россией и Речью

---

[10] См. Н. Л. Рубинштейн. Классовая борьба на Украине в XVII веке. «Борьба классов», 1936, № 4.

[11] Н. Л. Рубинштейн. Ук. соч., стр. 44.

[12] См. А. А. Савич. Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 годах (из истории русско-польских отношений второй половины XVII в.). «Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина», т. II. Кафедра истории СССР, 1947, вып. 2.

тора сделать ряд обобщающих выводов, но, к сожалению, эти выводы не подтверждаются фактическим материалом. Автор не замечает того, что переходившая на сторону России в первый период войны белорусская шляхта видела в московском правительстве силу, которая была способна, по ее мнению, обуздать антифеодальное движение белорусских крестьян. С другой стороны, автор в активных действиях белорусских крестьян видит только борьбу против польской шляхты, а не вообще борьбу против крепостнического строя.

Интересное, но спорное положение выдвинуто в статье Н. Л. Рубинштейна[10]. Автор пишет, что «украинская старшина имела давние виды на присоединение Белоруссии и поднимала вопрос о наступлении на Белоруссию еще в переговорах с Москвой в 1651 г. Присоединение Белоруссии должно было укрепить ее политическое положение и дать ей значительные экономические выгоды, открыв ей самостоятельный выход на Запад. Но Москва сейчас же наложила свою руку на завоеванные белорусские земли и, удалив украинские воинские части, поставила в завоеванных городах свои гарнизоны и своих воевод»[11]. С этими положениями трудно согласиться, так как украинская старшина не могла не отдавать себе отчета в том, что русское правительство в случае успеха русских войск никогда не отдало бы Белоруссию под ее власть. Кроме того, вряд ли можно говорить о том, что украинская старшина претендовала на всю Белоруссию. Речь могла идти только о юго-западных районах Белоруссии, примыкающих к Украине. Удаляя украинские воинские части из ряда белорусских городов, московское правительство тем самым шло прежде всего навстречу требованиям верхушки городского населения и шляхты занятой территории.

Более поздняя работа А. А. Савича представляет собой определенный сдвиг в изучении вопроса[12]. Автору удалось относительно точно показать ход военных действий в Белоруссии в 1654 г. Однако и здесь ряд существенных моментов пропущен. Например, ничего не говорится об операциях русских войск в 1654 г. в Лифляндском воеводстве. Не показано движение армии А. Н. Трубецкого. Ничего не говорится о взятии Мстиславля, Рославля, Шклова и т. д. Военные действия в Белоруссии в 1655 г. освещены совершенно недостаточно, в результате чего нельзя получить четкого представления о движении отдельных русских армий и т. д.

Не ставит А. А. Савич и вопроса о взаимопомощи русского и украинского народов во время войны между Россией и Речью

---

[10] См. Н. Л. Рубинштейн. Классовая борьба на Украине в XVII веке. «Борьба классов», 1936, № 4.

[11] Н. Л. Рубинштейн. Ук. соч., стр. 44.

[12] См. А. А. Савич. Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 годах (из истории русско-польских отношений второй половины XVII в.). «Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина», т. II. Кафедра истории СССР, 1947, вып. 2.

ЧАСТЬ I

БОРЬБА ЗА ВОССОЕДИНЕНИЕ БЕЛОРУССИИ С РОССИЕЙ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

тора сделать ряд обобщающих выводов, но, к сожалению, эти выводы не подтверждаются фактическим материалом. Автор не замечает того, что переходившая на сторону России в первый период войны белорусская шляхта видела в московском правительстве силу, которая была способна, по ее мнению, обуздать антифеодальное движение белорусских крестьян. С другой стороны, автор в активных действиях белорусских крестьян видит только борьбу против польской шляхты, а не вообще борьбу против крепостнического строя.

Интересное, но спорное положение выдвинуто в статье Н. Л. Рубинштейна [10]. Автор пишет, что «украинская старшина имела давние виды на присоединение Белоруссии и поднимала вопрос о наступлении на Белоруссию еще в переговорах с Москвой в 1651 г. Присоединение Белоруссии должно было укрепить ее политическое положение и дать ей значительные экономические выгоды, открыв ей самостоятельный выход на Запад. Но Москва сейчас же наложила свою руку на завоеванные белорусские земли и, удалив украинские воинские части, поставила в завоеванных городах свои гарнизоны и своих воевод» [11]. С этими положениями трудно согласиться, так как украинская старшина не могла не отдавать себе отчета в том, что русское правительство в случае успеха русских войск никогда не отдало бы Белоруссию под ее власть. Кроме того, вряд ли можно говорить о том, что украинская старшина претендовала на всю Белоруссию. Речь могла идти только о юго-западных районах Белоруссии, примыкающих к Украине. Удаляя украинские воинские части из ряда белорусских городов, московское правительство тем самым шло прежде всего навстречу требованиям верхушки городского населения и шляхты занятой территории.

Более поздняя работа А. А. Савича представляет собой определенный сдвиг в изучении вопроса [12]. Автору удалось относительно точно показать ход военных действий в Белоруссии в 1654 г. Однако и здесь ряд существенных моментов пропущен. Например, ничего не говорится об операциях русских войск в 1654 г. в Лифляндском воеводстве. Не показано движение армии А. Н. Трубецкого. Ничего не говорится о взятии Мстиславля, Рославля, Шклова и т. д. Военные действия в Белоруссии в 1655 г. освещены совершенно недостаточно, в результате чего нельзя получить четкого представления о движении отдельных русских армий и т. д.

Не ставит А. А. Савич и вопроса о взаимопомощи русского и украинского народов во время войны между Россией и Речью

---

[10] См. Н. Л. Рубинштейн. Классовая борьба на Украине в XVII веке. «Борьба классов», 1936, № 4.

[11] Н. Л. Рубинштейн. Ук. соч., стр. 44.

[12] См. А. А. Савич. Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 годах (из истории русско-польских отношений второй половины XVII в.). «Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина», т. II. Кафедра истории СССР, 1947, вып. 2.

тора сделать ряд обобщающих выводов, но, к сожалению, эти выводы не подтверждаются фактическим материалом. Автор не замечает того, что переходившая на сторону России в первый период войны белорусская шляхта видела в московском правительстве силу, которая была способна, по ее мнению, обуздать антифеодальное движение белорусских крестьян. С другой стороны, автор в активных действиях белорусских крестьян видит только борьбу против польской шляхты, а не вообще борьбу против крепостнического строя.

Интересное, но спорное положение выдвинуто в статье Н. Л. Рубинштейна[10]. Автор пишет, что «украинская старшина имела давние виды на присоединение Белоруссии и поднимала вопрос о наступлении на Белоруссию еще в переговорах с Москвой в 1651 г. Присоединение Белоруссии должно было укрепить ее политическое положение и дать ей значительные экономические выгоды, открыв ей самостоятельный выход на Запад. Но Москва сейчас же наложила свою руку на завоеванные белорусские земли и, удалив украинские воинские части, поставила в завоеванных городах свои гарнизоны и своих воевод»[11]. С этими положениями трудно согласиться, так как украинская старшина не могла не отдавать себе отчета в том, что русское правительство в случае успеха русских войск никогда не отдало бы Белоруссию под ее власть. Кроме того, вряд ли можно говорить о том, что украинская старшина претендовала на всю Белоруссию. Речь могла идти только о юго-западных районах Белоруссии, примыкающих к Украине. Удаляя украинские воинские части из ряда белорусских городов, московское правительство тем самым шло прежде всего навстречу требованиям верхушки городского населения и шляхты занятой территории.

Более поздняя работа А. А. Савича представляет собой определенный сдвиг в изучении вопроса[12]. Автору удалось относительно точно показать ход военных действий в Белоруссии в 1654 г. Однако и здесь ряд существенных моментов пропущен. Например, ничего не говорится об операциях русских войск в 1654 г. в Лифляндском воеводстве. Не показано движение армии А. Н. Трубецкого. Ничего не говорится о взятии Мстиславля, Рославля, Шклова и т. д. Военные действия в Белоруссии в 1655 г. освещены совершенно недостаточно, в результате чего нельзя получить четкого представления о движении отдельных русских армий и т. д.

Не ставит А. А. Савич и вопроса о взаимопомощи русского и украинского народов во время войны между Россией и Речью

---

[10] См. Н. Л. Рубинштейн. Классовая борьба на Украине в XVII веке. «Борьба классов», 1936, № 4.

[11] Н. Л. Рубинштейн. Ук. соч., стр. 44.

[12] См. А. А. Савич. Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 годах (из истории русско-польских отношений второй половины XVII в.). «Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина», т. II. Кафедра истории СССР, 1947, вып. 2.

тора сделать ряд обобщающих выводов, но, к сожалению, эти выводы не подтверждаются фактическим материалом. Автор не замечает того, что переходившая на сторону России в первый период войны белорусская шляхта видела в московском правительстве силу, которая была способна, по ее мнению, обуздать антифеодальное движение белорусских крестьян. С другой стороны, автор в активных действиях белорусских крестьян видит только борьбу против польской шляхты, а не вообще борьбу против крепостнического строя.

Интересное, но спорное положение выдвинуто в статье Н. Л. Рубинштейна[10]. Автор пишет, что «украинская старшина имела давние виды на присоединение Белоруссии и поднимала вопрос о наступлении на Белоруссию еще в переговорах с Москвой в 1651 г. Присоединение Белоруссии должно было укрепить ее политическое положение и дать ей значительные экономические выгоды, открыв ей самостоятельный выход на Запад. Но Москва сейчас же наложила свою руку на завоеванные белорусские земли и, удалив украинские воинские части, поставила в завоеванных городах свои гарнизоны и своих воевод»[11]. С этими положениями трудно согласиться, так как украинская старшина не могла не отдавать себе отчета в том, что русское правительство в случае успеха русских войск никогда не отдало бы Белоруссию под ее власть. Кроме того, вряд ли можно говорить о том, что украинская старшина претендовала на всю Белоруссию. Речь могла идти только о юго-западных районах Белоруссии, примыкающих к Украине. Удаляя украинские воинские части из ряда белорусских городов, московское правительство тем самым шло прежде всего навстречу требованиям верхушки городского населения и шляхты занятой территории.

Более поздняя работа А. А. Савича представляет собой определенный сдвиг в изучении вопроса[12]. Автору удалось относительно точно показать ход военных действий в Белоруссии в 1654 г. Однако и здесь ряд существенных моментов пропущен. Например, ничего не говорится об операциях русских войск в 1654 г. в Лифляндском воеводстве. Не показано движение армии А. Н. Трубецкого. Ничего не говорится о взятии Мстиславля, Рославля, Шклова и т. д. Военные действия в Белоруссии в 1655 г. освещены совершенно недостаточно, в результате чего нельзя получить четкого представления о движении отдельных русских армий и т. д.

Не ставит А. А. Савич и вопроса о взаимопомощи русского и украинского народов во время войны между Россией и Речью

---

[10] См. Н. Л. Рубинштейн. Классовая борьба на Украине в XVII веке. «Борьба классов», 1936, № 4.

[11] Н. Л. Рубинштейн. Ук. соч., стр. 44.

[12] См. А. А. Савич. Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 годах (из истории русско-польских отношений второй половины XVII в.). «Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина», т. II. Кафедра истории СССР, 1947, вып. 2.

тора сделать ряд обобщающих выводов, но, к сожалению, эти выводы не подтверждаются фактическим материалом. Автор не замечает того, что переходившая на сторону России в первый период войны белорусская шляхта видела в московском правительстве силу, которая была способна, по ее мнению, обуздать антифеодальное движение белорусских крестьян. С другой стороны, автор в активных действиях белорусских крестьян видит только борьбу против польской шляхты, а не вообще борьбу против крепостнического строя.

Интересное, но спорное положение выдвинуто в статье Н. Л. Рубинштейна [10]. Автор пишет, что «украинская старшина имела давние виды на присоединение Белоруссии и поднимала вопрос о наступлении на Белоруссию еще в переговорах с Москвой в 1651 г. Присоединение Белоруссии должно было укрепить ее политическое положение и дать ей значительные экономические выгоды, открыв ей самостоятельный выход на Запад. Но Москва сейчас же наложила свою руку на завоеванные белорусские земли и, удалив украинские воинские части, поставила в завоеванных городах свои гарнизоны и своих воевод» [11]. С этими положениями трудно согласиться, так как украинская старшина не могла не отдавать себе отчета в том, что русское правительство в случае успеха русских войск никогда не отдало бы Белоруссию под ее власть. Кроме того, вряд ли можно говорить о том, что украинская старшина претендовала на всю Белоруссию. Речь могла идти только о юго-западных районах Белоруссии, примыкающих к Украине. Удаляя украинские воинские части из ряда белорусских городов, московское правительство тем самым шло прежде всего навстречу требованиям верхушки городского населения и шляхты занятой территории.

Более поздняя работа А. А. Савича представляет собой определенный сдвиг в изучении вопроса [12]. Автору удалось относительно точно показать ход военных действий в Белоруссии в 1654 г. Однако и здесь ряд существенных моментов пропущен. Например, ничего не говорится об операциях русских войск в 1654 г. в Лифляндском воеводстве. Не показано движение армии А. Н. Трубецкого. Ничего не говорится о взятии Мстиславля, Рославля, Шклова и т. д. Военные действия в Белоруссии в 1655 г. освещены совершенно недостаточно, в результате чего нельзя получить четкого представления о движении отдельных русских армий и т. д.

Не ставит А. А. Савич и вопроса о взаимопомощи русского и украинского народов во время войны между Россией и Речью

---

[10] См. Н. Л. Рубинштейн. Классовая борьба на Украине в XVII веке. «Борьба классов», 1936, № 4.

[11] Н. Л. Рубинштейн. Ук. соч., стр. 44.

[12] См. А. А. Савич. Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 годах (из истории русско-польских отношений второй половины XVII в.). «Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина», т. II. Кафедра истории СССР, 1947, вып. 2.

тившихся им русских послов, что в случае войны между Россией и Польшей Россия получит мощную поддержку в Белоруссии. «Да он же гетман Богдан и писарь Иван сказывали: только б де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он, гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белоруские люди тотчас учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000» [13].

Решение русского правительства об оказании помощи Украине было принято еще в начале весны 1653 г. («И начя государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры ныняшнего первыя недели 161 (т. е. 1653. — *А. М.*) году, понедельник с великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския... в церкви пресвятыя богородицы чеснаго и славного ея рожества, иже зовется у государя на сенях» [14]. Действительно, 14 марта 1653 г. по окончании богослужения царь обратился к патриарху Никону с просьбой, чтобы тот «благословил на сие благое дело» [15]. Получив благословение патриарха, царь призвал к себе разрядного думного дворянина Ивана Афанасьевича Гавренева и Семена Заборовского и приказал готовиться к смотру войск в мае—июне в Москве, «а смотру изволил быть на Девичьем поле» [16].

Итак, вопрос о войне с Речью Посполитой был решен уже в феврале—марте 1653 г. Правда, правительство продолжало еще колебаться и посылало великих послов в Речь Посполитую, однако уже ранней весной 1653 г. царь Алексей Михайлович собственноручно записал свои мысли о ратном деле. В дошедшем до нас документе не говорится, против кого должно быть направлено «ополчение ратное», но можно говорить с полной уверенностью, что имелась в виду Речь Посполитая [17]. В июне 1653 г. правительство официально уведомило Хмельницкого о своем согласии на воссоединение Украины. Летом 1653 г. правительство отправило в Речь Посполитую посольство во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским, которое сделало попытку примирить польское правительство с Б. Хмельницким на условиях Зборовского договора. Однако основной целью посольства было осведомление о внутреннем состоянии Речи Посполитой. Попытка примирения встретила решительный отказ со стороны польского правительства, но в то же время посольство убедилось во внутренней слабости Польши, что давало основание высоко оценивать шансы на успех в борьбе с ней. Посольство Репнина вернулось в Москву в конце сентября

---

[13] Воссоединение Украины с Россией, т. III, № 181, стр. 357.
[14] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 85, л. 3.
[15] Там же, л. 3 об.
[16] Там же, лл. 4 об. — 5.
[17] Там же, лл. 2—3.

тившихся им русских послов, что в случае войны между Россией и Польшей Россия получит мощную поддержку в Белоруссии. «Да он же гетман Богдан и писарь Иван сказывали: только б де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он, гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белоруские люди тотчас учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000» [13].

Решение русского правительства об оказании помощи Украине было принято еще в начале весны 1653 г. («И начя государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры ныняшнего первыя недели 161 (т. е. 1653. — *А. М.*) году, понедельник с великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския... в церкви пресвятыя богородицы чеснаго и славного ея рожества, иже зовется у государя на сенях» [14]. Действительно, 14 марта 1653 г. по окончании богослужения царь обратился к патриарху Никону с просьбой, чтобы тот «благословил на сие благое дело» [15]. Получив благословение патриарха, царь призвал к себе разрядного думного дворянина Ивана Афанасьевича Гавренева и Семена Заборовского и приказал готовиться к смотру войск в мае—июне в Москве, «а смотру изволил быть на Девичьем поле» [16].

Итак, вопрос о войне с Речью Посполитой был решен уже в феврале—марте 1653 г. Правда, правительство продолжало еще колебаться и посылало великих послов в Речь Посполитую, однако уже ранней весной 1653 г. царь Алексей Михайлович собственноручно записал свои мысли о ратном деле. В дошедшем до нас документе не говорится, против кого должно быть направлено «ополчение ратное», но можно говорить с полной уверенностью, что имелась в виду Речь Посполитая [17]. В июне 1653 г. правительство официально уведомило Хмельницкого о своем согласии на воссоединение Украины. Летом 1653 г. правительство отправило в Речь Посполитую посольство во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским, которое сделало попытку примирить польское правительство с Б. Хмельницким на условиях Зборовского договора. Однако основной целью посольства было осведомление о внутреннем состоянии Речи Посполитой. Попытка примирения встретила решительный отказ со стороны польского правительства, но в то же время посольство убедилось во внутренней слабости Польши, что давало основание высоко оценивать шансы на успех в борьбе с ней. Посольство Репнина вернулось в Москву в конце сентября

---

[13] Воссоединение Украины с Россией, т. III, № 181, стр. 357.
[14] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 85, л. 3.
[15] Там же, л. 3 об.
[16] Там же, лл. 4 об. — 5.
[17] Там же, лл. 2—3.

тившихся им русских послов, что в случае войны между Россией и Польшей Россия получит мощную поддержку в Белоруссии. «Да он же гетман Богдан и писарь Иван сказывали: только б де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он, гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белоруские люди тотчас учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000» [13].

Решение русского правительства об оказании помощи Украине было принято еще в начале весны 1653 г. («И нача государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры ныняшнего первыя недели 161 (т. е. 1653. — *А. М.*) году, понедельник с великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския... в церкви пресвятыя богородицы чеснаго и славного ея рожества, иже зовется у государя на сенях» [14]. Действительно, 14 марта 1653 г. по окончании богослужения царь обратился к патриарху Никону с просьбой, чтобы тот «благословил на сие благое дело» [15]. Получив благословение патриарха, царь призвал к себе разрядного думного дворянина Ивана Афанасьевича Гавренева и Семена Заборовского и приказал готовиться к смотру войск в мае—июне в Москве, «а смотру изволил быть на Девичьем поле» [16].

Итак, вопрос о войне с Речью Посполитой был решен уже в феврале—марте 1653 г. Правда, правительство продолжало еще колебаться и посылало великих послов в Речь Посполитую, однако уже ранней весной 1653 г. царь Алексей Михайлович собственноручно записал свои мысли о ратном деле. В дошедшем до нас документе не говорится, против кого должно быть направлено «ополчение ратное», но можно говорить с полной уверенностью, что имелась в виду Речь Посполитая [17]. В июне 1653 г. правительство официально уведомило Хмельницкого о своем согласии на воссоединение Украины. Летом 1653 г. правительство отправило в Речь Посполитую посольство во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским, которое сделало попытку примирить польское правительство с Б. Хмельницким на условиях Зборовского договора. Однако основной целью посольства было осведомление о внутреннем состоянии Речи Посполитой. Попытка примирения встретила решительный отказ со стороны польского правительства, но в то же время посольство убедилось во внутренней слабости Польши, что давало основание высоко оценивать шансы на успех в борьбе с ней. Посольство Репнина вернулось в Москву в конце сентября

---

[13] Воссоединение Украины с Россией, т. III, № 181, стр. 357.
[14] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 85, л. 3.
[15] Там же, л. 3 об.
[16] Там же, лл. 4 об. — 5.
[17] Там же, лл. 2—3.

тившихся им русских послов, что в случае войны между Россией и Польшей Россия получит мощную поддержку в Белоруссии. «Да он же гетман Богдан и писарь Иван сказывали: только б де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он, гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белоруские люди тотчас учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000» [13].

Решение русского правительства об оказании помощи Украине было принято еще в начале весны 1653 г. («И начя государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры нынявшнего первыя недели 161 (т. е. 1653. — *А. М.*) году, понедельник с великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския... в церкви пресвятыя богородицы чеснаго и славного ея рожества, иже зовется у государя на сенях» [14]. Действительно, 14 марта 1653 г. по окончании богослужения царь обратился к патриарху Никону с просьбой, чтобы тот «благословил на сие благое дело» [15]. Получив благословение патриарха, царь призвал к себе разрядного думного дворянина Ивана Афанасьевича Гавренева и Семена Заборовского и приказал готовиться к смотру войск в мае—июне в Москве, «а смотру изволил быть на Девичьем поле» [16].

Итак, вопрос о войне с Речью Посполитой был решен уже в феврале—марте 1653 г. Правда, правительство продолжало еще колебаться и посылало великих послов в Речь Посполитую, однако уже ранней весной 1653 г. царь Алексей Михайлович собственноручно записал свои мысли о ратном деле. В дошедшем до нас документе не говорится, против кого должно быть направлено «ополчение ратное», но можно говорить с полной уверенностью, что имелась в виду Речь Посполитая [17]. В июне 1653 г. правительство официально уведомило Хмельницкого о своем согласии на воссоединение Украины. Летом 1653 г. правительство отправило в Речь Посполитую посольство во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским, которое сделало попытку примирить польское правительство с Б. Хмельницким на условиях Зборовского договора. Однако основной целью посольства было осведомление о внутреннем состоянии Речи Посполитой. Попытка примирения встретила решительный отказ со стороны польского правительства, но в то же время посольство убедилось во внутренней слабости Польши, что давало основание высоко оценивать шансы на успех в борьбе с ней. Посольство Репнина вернулось в Москву в конце сентября

---

[13] Воссоединение Украины с Россией, т. III, № 181, стр. 357.
[14] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 85, л. 3.
[15] Там же, л. 3 об.
[16] Там же, лл. 4 об. — 5.
[17] Там же, лл. 2—3.

тившихся им русских послов, что в случае войны между Россией и Польшей Россия получит мощную поддержку в Белоруссии. «Да он же гетман Богдан и писарь Иван сказывали: только б де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он, гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белоруские люди тотчас учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000» [13].

Решение русского правительства об оказании помощи Украине было принято еще в начале весны 1653 г. («И начя государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры ныняшнего первыя недели 161 (т. е. 1653. — *А. М.*) году, понедельник с великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския... в церкви пресвятыя богородицы чеснаго и славного ея рожества, иже зовется у государя на сенях» [14]. Действительно, 14 марта 1653 г. по окончании богослужения царь обратился к патриарху Никону с просьбой, чтобы тот «благословил на сие благое дело» [15]. Получив благословение патриарха, царь призвал к себе разрядного думного дворянина Ивана Афанасьевича Гавренева и Семена Заборовского и приказал готовиться к смотру войск в мае—июне в Москве, «а смотру изволил быть на Девичьем поле» [16].

Итак, вопрос о войне с Речью Посполитой был решен уже в феврале—марте 1653 г. Правда, правительство продолжало еще колебаться и посылало великих послов в Речь Посполитую, однако уже ранней весной 1653 г. царь Алексей Михайлович собственноручно записал свои мысли о ратном деле. В дошедшем до нас документе не говорится, против кого должно быть направлено «ополчение ратное», но можно говорить с полной уверенностью, что имелась в виду Речь Посполитая [17]. В июне 1653 г. правительство официально уведомило Хмельницкого о своем согласии на воссоединение Украины. Летом 1653 г. правительство отправило в Речь Посполитую посольство во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским, которое сделало попытку примирить польское правительство с Б. Хмельницким на условиях Зборовского договора. Однако основной целью посольства было осведомление о внутреннем состоянии Речи Посполитой. Попытка примирения встретила решительный отказ со стороны польского правительства, но в то же время посольство убедилось во внутренней слабости Польши, что давало основание высоко оценивать шансы на успех в борьбе с ней. Посольство Репнина вернулось в Москву в конце сентября

[13] Воссоединение Украины с Россией, т. III, № 181, стр. 357.
[14] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 85, л. 3.
[15] Там же, л. 3 об.
[16] Там же, лл. 4 об. — 5.
[17] Там же, лл. 2—3.

тившихся им русских послов, что в случае войны между Россией и Польшей Россия получит мощную поддержку в Белоруссии. «Да он же гетман Богдан и писарь Иван сказывали: только б де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он, гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белоруские люди тотчас учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000» [13].

Решение русского правительства об оказании помощи Украине было принято еще в начале весны 1653 г. («И начя государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры ныняшнего первыя недели 161 (т. е. 1653. — *А. М.*) году, понедельник с великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския... в церкви пресвятыя богородицы чеснаго и славного ея рожества, иже зовется у государя на сенях» [14]. Действительно, 14 марта 1653 г. по окончании богослужения царь обратился к патриарху Никону с просьбой, чтобы тот «благословил на сие благое дело» [15]. Получив благословение патриарха, царь призвал к себе разрядного думного дворянина Ивана Афанасьевича Гавренева и Семена Заборовского и приказал готовиться к смотру войск в мае—июне в Москве, «а смотру изволил быть на Девичьем поле» [16].

Итак, вопрос о войне с Речью Посполитой был решен уже в феврале—марте 1653 г. Правда, правительство продолжало еще колебаться и посылало великих послов в Речь Посполитую, однако уже ранней весной 1653 г. царь Алексей Михайлович собственноручно записал свои мысли о ратном деле. В дошедшем до нас документе не говорится, против кого должно быть направлено «ополчение ратное», но можно говорить с полной уверенностью, что имелась в виду Речь Посполитая [17]. В июне 1653 г. правительство официально уведомило Хмельницкого о своем согласии на воссоединение Украины. Летом 1653 г. правительство отправило в Речь Посполитую посольство во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским, которое сделало попытку примирить польское правительство с Б. Хмельницким на условиях Зборовского договора. Однако основной целью посольства было осведомление о внутреннем состоянии Речи Посполитой. Попытка примирения встретила решительный отказ со стороны польского правительства, но в то же время посольство убедилось во внутренней слабости Польши, что давало основание высоко оценивать шансы на успех в борьбе с ней. Посольство Репнина вернулось в Москву в конце сентября

---

[13] Воссоединение Украины с Россией, т. III, № 181, стр. 357.
[14] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 85, л. 3.
[15] Там же, л. 3 об.
[16] Там же, лл. 4 об. — 5.
[17] Там же, лл. 2—3.

тившихся им русских послов, что в случае войны между Россией и Польшей Россия получит мощную поддержку в Белоруссии. «Да он же гетман Богдан и писарь Иван сказывали: только б де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он, гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белоруские люди тотчас учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000» [13].

Решение русского правительства об оказании помощи Украине было принято еще в начале весны 1653 г. («И начя государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры ныняшнего первыя недели 161 (т. е. 1653. — *А. М.*) году, понедельник с великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския... в церкви пресвятыя богородицы чеснаго и славного ея рожества, иже зовется у государя на сенях» [14]. Действительно, 14 марта 1653 г. по окончании богослужения царь обратился к патриарху Никону с просьбой, чтобы тот «благословил на сие благое дело» [15]. Получив благословение патриарха, царь призвал к себе разрядного думного дворянина Ивана Афанасьевича Гавренева и Семена Заборовского и приказал готовиться к смотру войск в мае—июне в Москве, «а смотру изволил быть на Девичьем поле» [16].

Итак, вопрос о войне с Речью Посполитой был решен уже в феврале—марте 1653 г. Правда, правительство продолжало еще колебаться и посылало великих послов в Речь Посполитую, однако уже ранней весной 1653 г. царь Алексей Михайлович собственноручно записал свои мысли о ратном деле. В дошедшем до нас документе не говорится, против кого должно быть направлено «ополчение ратное», но можно говорить с полной уверенностью, что имелась в виду Речь Посполитая [17]. В июне 1653 г. правительство официально уведомило Хмельницкого о своем согласии на воссоединение Украины. Летом 1653 г. правительство отправило в Речь Посполитую посольство во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским, которое сделало попытку примирить польское правительство с Б. Хмельницким на условиях Зборовского договора. Однако основной целью посольства было осведомление о внутреннем состоянии Речи Посполитой. Попытка примирения встретила решительный отказ со стороны польского правительства, но в то же время посольство убедилось во внутренней слабости Польши, что давало основание высоко оценивать шансы на успех в борьбе с ней. Посольство Репнина вернулось в Москву в конце сентября

---

[13] Воссоединение Украины с Россией, т. III, № 181, стр. 357.
[14] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 85, л. 3.
[15] Там же, л. 3 об.
[16] Там же, лл. 4 об. — 5.
[17] Там же, лл. 2—3.

тившихся им русских послов, что в случае войны между Россией и Польшей Россия получит мощную поддержку в Белоруссии. «Да он же гетман Богдан и писарь Иван сказывали: только б де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он, гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белоруские люди тотчас учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000» [13].

Решение русского правительства об оказании помощи Украине было принято еще в начале весны 1653 г. («И начя государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры нынящнего первыя недели 161 (т. е. 1653. — *А. М.*) году, понедельник с великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския... в церкви пресвятыя богородицы чеснаго и славного ея рожества, иже зовется у государя на сенях» [14]. Действительно, 14 марта 1653 г. по окончании богослужения царь обратился к патриарху Никону с просьбой, чтобы тот «благословил на сие благое дело» [15]. Получив благословение патриарха, царь призвал к себе разрядного думного дворянина Ивана Афанасьевича Гавренева и Семена Заборовского и приказал готовиться к смотру войск в мае—июне в Москве, «а смотру изволил быть на Девичьем поле» [16].

Итак, вопрос о войне с Речью Посполитой был решен уже в феврале—марте 1653 г. Правда, правительство продолжало еще колебаться и посылало великих послов в Речь Посполитую, однако уже ранней весной 1653 г. царь Алексей Михайлович собственноручно записал свои мысли о ратном деле. В дошедшем до нас документе не говорится, против кого должно быть направлено «ополчение ратное», но можно говорить с полной уверенностью, что имелась в виду Речь Посполитая [17]. В июне 1653 г. правительство официально уведомило Хмельницкого о своем согласии на воссоединение Украины. Летом 1653 г. правительство отправило в Речь Посполитую посольство во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским, которое сделало попытку примирить польское правительство с Б. Хмельницким на условиях Зборовского договора. Однако основной целью посольства было осведомление о внутреннем состоянии Речи Посполитой. Попытка примирения встретила решительный отказ со стороны польского правительства, но в то же время посольство убедилось во внутренней слабости Польши, что давало основание высоко оценивать шансы на успех в борьбе с ней. Посольство Репнина вернулось в Москву в конце сентября

---

[13] Воссоединение Украины с Россией, т. III, № 181, стр. 357.
[14] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 85, л. 3.
[15] Там же, л. 3 об.
[16] Там же, лл. 4 об. — 5.
[17] Там же, лл. 2—3.

тившихся им русских послов, что в случае войны между Россией и Польшей Россия получит мощную поддержку в Белоруссии. «Да он же гетман Богдан и писарь Иван сказывали: только б де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он, гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белоруские люди тотчас учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000» [13].

Решение русского правительства об оказании помощи Украине было принято еще в начале весны 1653 г. («И начя государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры ныняшнего первыя недели 161 (т. е. 1653. — *А. М.*) году, понедельник с великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския... в церкви пресвятыя богородицы чеснаго и славного ея рожества, иже зовется у государя на сенях» [14]. Действительно, 14 марта 1653 г. по окончании богослужения царь обратился к патриарху Никону с просьбой, чтобы тот «благословил на сие благое дело» [15]. Получив благословение патриарха, царь призвал к себе разрядного думного дворянина Ивана Афанасьевича Гавренева и Семена Заборовского и приказал готовиться к смотру войск в мае—июне в Москве, «а смотру изволил быть на Девичьем поле» [16].

Итак, вопрос о войне с Речью Посполитой был решен уже в феврале—марте 1653 г. Правда, правительство продолжало еще колебаться и посылало великих послов в Речь Посполитую, однако уже ранней весной 1653 г. царь Алексей Михайлович собственноручно записал свои мысли о ратном деле. В дошедшем до нас документе не говорится, против кого должно быть направлено «ополчение ратное», но можно говорить с полной уверенностью, что имелась в виду Речь Посполитая [17]. В июне 1653 г. правительство официально уведомило Хмельницкого о своем согласии на воссоединение Украины. Летом 1653 г. правительство отправило в Речь Посполитую посольство во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским, которое сделало попытку примирить польское правительство с Б. Хмельницким на условиях Зборовского договора. Однако основной целью посольства было осведомление о внутреннем состоянии Речи Посполитой. Попытка примирения встретила решительный отказ со стороны польского правительства, но в то же время посольство убедилось во внутренней слабости Польши, что давало основание высоко оценивать шансы на успех в борьбе с ней. Посольство Репнина вернулось в Москву в конце сентября

---

[13] Воссоединение Украины с Россией, т. III, № 181, стр. 357.
[14] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 85, л. 3.
[15] Там же, л. 3 об.
[16] Там же, лл. 4 об. — 5.
[17] Там же, лл. 2—3.

тившихся им русских послов, что в случае войны между Россией и Польшей Россия получит мощную поддержку в Белоруссии. «Да он же гетман Богдан и писарь Иван сказывали: только б де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он, гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белоруские люди тотчас учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000» [13].

Решение русского правительства об оказании помощи Украине было принято еще в начале весны 1653 г. («И начя государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры нынянінего первыя недели 161 (т. е. 1653. — *А. М.*) году, понедельник с великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския... в церкви пресвятыя богородицы чеснаго и славного ея рожества, иже зовется у государя на сенях» [14]. Действительно, 14 марта 1653 г. по окончании богослужения царь обратился к патриарху Никону с просьбой, чтобы тот «благословил на сие благое дело» [15]. Получив благословение патриарха, царь призвал к себе разрядного думного дворянина Ивана Афанасьевича Гавренева и Семена Заборовского и приказал готовиться к смотру войск в мае—июне в Москве, «а смотру изволил быть на Девичьем поле» [16].

Итак, вопрос о войне с Речью Посполитой был решен уже в феврале—марте 1653 г. Правда, правительство продолжало еще колебаться и посылало великих послов в Речь Посполитую, однако уже ранней весной 1653 г. царь Алексей Михайлович собственноручно записал свои мысли о ратном деле. В дошедшем до нас документе не говорится, против кого должно быть направлено «ополчение ратное», но можно говорить с полной уверенностью, что имелась в виду Речь Посполитая [17]. В июне 1653 г. правительство официально уведомило Хмельницкого о своем согласии на воссоединение Украины. Летом 1653 г. правительство отправило в Речь Посполитую посольство во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским, которое сделало попытку примирить польское правительство с Б. Хмельницким на условиях Зборовского договора. Однако основной целью посольства было осведомление о внутреннем состоянии Речи Посполитой. Попытка примирения встретила решительный отказ со стороны польского правительства, но в то же время посольство убедилось во внутренней слабости Польши, что давало основание высоко оценивать шансы на успех в борьбе с ней. Посольство Репнина вернулось в Москву в конце сентября

---

[13] Воссоединение Украины с Россией, т. III, № 181, стр. 357.
[14] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 85, л. 3.
[15] Там же, л. 3 об.
[16] Там же, лл. 4 об. — 5.
[17] Там же, лл. 2—3.

поход: кн. Я. К. Черкасский, кн. Н. И. Одоевский, кн. М. М. Темкин-Ростовский. Эти воеводы должны были действовать под верховым началом самого царя Алексея Михайловича, который шел в поход во главе государева полка. Центральная армия по своей численности и артиллерии значительно превосходила северо-западную армию В. П. Шереметева и юго-западную армию А. Н. Трубецкого.

Третий удар Речи Посполитой русское правительство готовилось нанести с юго-запада, из Брянска. Брянск был крупным русским укрепленным пунктом, находившимся близко от польско-литовской границы и Северной Украины. Тогда же, 23 октября 1653 г., в Брянск были назначены воеводы во главе с кн. А. Н. Трубецким, который должен был возглавлять русскую армию на юго-западе. Солдатские полки, включенные в состав войск Трубецкого, отправились из Москвы в Брянск в середине марта 1654 г., остальные войска — 25 апреля. 23 апреля А. Н. Трубецкому был вручен царский наказ, содержащий инструкции относительно действий его армии. По этому плану армия А. Н. Трубецкого не позднее 9 мая 1654 г. должна была прибыть в Брянск, чтобы, завершив здесь последние приготовления, во второй половине мая одновременно с другими русскими армиями перейти границу Речи Посполитой. Армия Трубецкого должна была действовать в направлении Рославль — Мстиславль — Борисов [1], т. е. под удар этой армии ставились Мстиславское и Минское воеводства с одновременным охватом Смоленского воеводства с юго-запада.

Переяславская рада 1654 г., оформившая воссоединение Украины с Россией, завершила многовековую борьбу украинского народа за воссоединение с русским народом в едином Российском государстве. В Белоруссии обстоятельства сложились по-иному. В ходе освободительной войны белорусского народа польско-литовской и белорусской шляхте удалось нанести поражение восставшим, и белорусский народ продолжал томиться под игом шляхетско-магнатской Речи Посполитой. Задача освобождения белорусского народа, стремившегося к воссоединению с русским народом, оставалась нерешенной.

Польские магнаты и шляхта, а также поддерживавшие их украинские магнаты не могли примириться с потерей своих огромных земельных владений на Украине и предпринимали одну попытку за другой, чтобы вернуть свои владения и снова поработить украинский народ.

В феврале — апреле 1654 г., пытаясь сломить волю украинского народа, польско-шляхетское войско предприняло ряд крупных наступательных операций на Украине. В феврале польско-литовские войска пытались наступать в районе Шаргорода и Стародуба. В начале марта 1654 г. в Киеве было получено сообщение, что в

---

[1] На Рославль и на иные литовские города и места (Дворцовые разряды, т. III. СПб., 1852, стр. 408).

тившихся им русских послов, что в случае войны между Россией и Польшей Россия получит мощную поддержку в Белоруссии. «Да он же гетман Богдан и писарь Иван сказывали: только б де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он, гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белоруские люди тотчас учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000» [13].

Решение русского правительства об оказании помощи Украине было принято еще в начале весны 1653 г. («И начя государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры ныняшнего первыя недели 161 (т. е. 1653. — *А. М.*) году, понедельник с великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския... в церкви пресвятыя богородицы чеснаго и славного ея рожества, иже зовется у государя на сенях» [14]. Действительно, 14 марта 1653 г. по окончании богослужения царь обратился к патриарху Никону с просьбой, чтобы тот «благословил на сие благое дело» [15]. Получив благословение патриарха, царь призвал к себе разрядного думного дворянина Ивана Афанасьевича Гавренева и Семена Заборовского и приказал готовиться к смотру войск в мае—июне в Москве, «а смотру изволил быть на Девичьем поле» [16].

Итак, вопрос о войне с Речью Посполитой был решен уже в феврале—марте 1653 г. Правда, правительство продолжало еще колебаться и посылало великих послов в Речь Посполитую, однако уже ранней весной 1653 г. царь Алексей Михайлович собственноручно записал свои мысли о ратном деле. В дошедшем до нас документе не говорится, против кого должно быть направлено «ополчение ратное», но можно говорить с полной уверенностью, что имелась в виду Речь Посполитая [17]. В июне 1653 г. правительство официально уведомило Хмельницкого о своем согласии на воссоединение Украины. Летом 1653 г. правительство отправило в Речь Посполитую посольство во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским, которое сделало попытку примирить польское правительство с Б. Хмельницким на условиях Зборовского договора. Однако основной целью посольства было осведомление о внутреннем состоянии Речи Посполитой. Попытка примирения встретила решительный отказ со стороны польского правительства, но в то же время посольство убедилось во внутренней слабости Польши, что давало основание высоко оценивать шансы на успех в борьбе с ней. Посольство Репнина вернулось в Москву в конце сентября

---

[13] Воссоединение Украины с Россией, т. III, № 181, стр. 357.
[14] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 85, л. 3.
[15] Там же, л. 3 об.
[16] Там же, лл. 4 об. — 5.
[17] Там же, лл. 2—3.

тившихся им русских послов, что в случае войны между Россией и Польшей Россия получит мощную поддержку в Белоруссии. «Да он же гетман Богдан и писарь Иван сказывали: только б де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он, гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белоруские люди тотчас учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000» [13].

Решение русского правительства об оказании помощи Украине было принято еще в начале весны 1653 г. («И начя государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры ныняшнего первыя недели 161 (т. е. 1653. — *А. М.*) году, понедельник с великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския... в церкви пресвятыя богородицы чеснаго и славного ея рожества, иже зовется у государя на сенях» [14]. Действительно, 14 марта 1653 г. по окончании богослужения царь обратился к патриарху Никону с просьбой, чтобы тот «благословил на сие благое дело» [15]. Получив благословение патриарха, царь призвал к себе разрядного думного дворянина Ивана Афанасьевича Гавренева и Семена Заборовского и приказал готовиться к смотру войск в мае—июне в Москве, «а смотру изволил быть на Девичьем поле» [16].

Итак, вопрос о войне с Речью Посполитой был решен уже в феврале—марте 1653 г. Правда, правительство продолжало еще колебаться и посылало великих послов в Речь Посполитую, однако уже ранней весной 1653 г. царь Алексей Михайлович собственноручно записал свои мысли о ратном деле. В дошедшем до нас документе не говорится, против кого должно быть направлено «ополчение ратное», но можно говорить с полной уверенностью, что имелась в виду Речь Посполитая [17]. В июне 1653 г. правительство официально уведомило Хмельницкого о своем согласии на воссоединение Украины. Летом 1653 г. правительство отправило в Речь Посполитую посольство во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским, которое сделало попытку примирить польское правительство с Б. Хмельницким на условиях Зборовского договора. Однако основной целью посольства было осведомление о внутреннем состоянии Речи Посполитой. Попытка примирения встретила решительный отказ со стороны польского правительства, но в то же время посольство убедилось во внутренней слабости Польши, что давало основание высоко оценивать шансы на успех в борьбе с ней. Посольство Репнина вернулось в Москву в конце сентября

---

[13] Воссоединение Украины с Россией, т. III, № 181, стр. 357.
[14] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 85, л. 3.
[15] Там же, л. 3 об.
[16] Там же, лл. 4 об. — 5.
[17] Там же, лл. 2—3.

тившихся им русских послов, что в случае войны между Россией и Польшей Россия получит мощную поддержку в Белоруссии. «Да он же гетман Богдан и писарь Иван сказывали: только б де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он, гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белоруские люди тотчас учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000»[13].

Решение русского правительства об оказании помощи Украине было принято еще в начале весны 1653 г. («И начя государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры ныняшнего первыя недели 161 (т. е. 1653. — *А. М.*) году, понедельник с великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския... в церкви пресвятыя богородицы чеснаго и славного ея рожества, иже зовется у государя на сенях»[14]. Действительно, 14 марта 1653 г. по окончании богослужения царь обратился к патриарху Никону с просьбой, чтобы тот «благословил на сие благое дело»[15]. Получив благословение патриарха, царь призвал к себе разрядного думного дворянина Ивана Афанасьевича Гавренева и Семена Заборовского и приказал готовиться к смотру войск в мае—июне в Москве, «а смотру изволил быть на Девичьем поле»[16].

Итак, вопрос о войне с Речью Посполитой был решен уже в феврале—марте 1653 г. Правда, правительство продолжало еще колебаться и посылало великих послов в Речь Посполитую, однако уже ранней весной 1653 г. царь Алексей Михайлович собственноручно записал свои мысли о ратном деле. В дошедшем до нас документе не говорится, против кого должно быть направлено «ополчение ратное», но можно говорить с полной уверенностью, что имелась в виду Речь Посполитая[17]. В июне 1653 г. правительство официально уведомило Хмельницкого о своем согласии на воссоединение Украины. Летом 1653 г. правительство отправило в Речь Посполитую посольство во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским, которое сделало попытку примирить польское правительство с Б. Хмельницким на условиях Зборовского договора. Однако основной целью посольства было осведомление о внутреннем состоянии Речи Посполитой. Попытка примирения встретила решительный отказ со стороны польского правительства, но в то же время посольство убедилось во внутренней слабости Польши, что давало основание высоко оценивать шансы на успех в борьбе с ней. Посольство Репнина вернулось в Москву в конце сентября

[13] Воссоединение Украины с Россией, т. III, № 181, стр. 357.
[14] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 85, л. 3.
[15] Там же, л. 3 об.
[16] Там же, лл. 4 об. — 5.
[17] Там же, лл. 2—3.

тившихся им русских послов, что в случае войны между Россией и Польшей Россия получит мощную поддержку в Белоруссии. «Да он же гетман Богдан и писарь Иван сказывали: только б де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он, гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белоруские люди тотчас учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000» [13].

Решение русского правительства об оказании помощи Украине было принято еще в начале весны 1653 г. («И начя государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры ныняшнего первыя недели 161 (т. е. 1653. — *А. М.*) году, понедельник с великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския... в церкви пресвятыя богородицы чеснаго и славного ея рожества, иже зовется у государя на сенях» [14]. Действительно, 14 марта 1653 г. по окончании богослужения царь обратился к патриарху Никону с просьбой, чтобы тот «благословил на сие благое дело» [15]. Получив благословение патриарха, царь призвал к себе разрядного думного дворянина Ивана Афанасьевича Гавренева и Семена Заборовского и приказал готовиться к смотру войск в мае—июне в Москве, «а смотру изволил быть на Девичьем поле» [16].

Итак, вопрос о войне с Речью Посполитой был решен уже в феврале—марте 1653 г. Правда, правительство продолжало еще колебаться и посылало великих послов в Речь Посполитую, однако уже ранней весной 1653 г. царь Алексей Михайлович собственноручно записал свои мысли о ратном деле. В дошедшем до нас документе не говорится, против кого должно быть направлено «ополчение ратное», но можно говорить с полной уверенностью, что имелась в виду Речь Посполитая [17]. В июне 1653 г. правительство официально уведомило Хмельницкого о своем согласии на воссоединение Украины. Летом 1653 г. правительство отправило в Речь Посполитую посольство во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским, которое сделало попытку примирить польское правительство с Б. Хмельницким на условиях Зборовского договора. Однако основной целью посольства было осведомление о внутреннем состоянии Речи Посполитой. Попытка примирения встретила решительный отказ со стороны польского правительства, но в то же время посольство убедилось во внутренней слабости Польши, что давало основание высоко оценивать шансы на успех в борьбе с ней. Посольство Репнина вернулось в Москву в конце сентября

---

[13] Воссоединение Украины с Россией, т. III, № 181, стр. 357.
[14] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 85, л. 3.
[15] Там же, л. 3 об.
[16] Там же, лл. 4 об. — 5.
[17] Там же, лл. 2—3.

тившихся им русских послов, что в случае войны между Россией и Польшей Россия получит мощную поддержку в Белоруссии. «Да он же гетман Богдан и писарь Иван сказывали: только б де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он, гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белоруские люди тотчас учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000» [13].

Решение русского правительства об оказании помощи Украине было принято еще в начале весны 1653 г. («И начя государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры ныняшнего первыя недели 161 (т. е. 1653. — *А. М.*) году, понедельник с великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския... в церкви пресвятыя богородицы чеснаго и славного ея рожества, иже зовется у государя на сенях» [14]. Действительно, 14 марта 1653 г. по окончании богослужения царь обратился к патриарху Никону с просьбой, чтобы тот «благословил на сие благое дело» [15]. Получив благословение патриарха, царь призвал к себе разрядного думного дворянина Ивана Афанасьевича Гавренева и Семена Заборовского и приказал готовиться к смотру войск в мае—июне в Москве, «а смотру изволил быть на Девичьем поле» [16].

Итак, вопрос о войне с Речью Посполитой был решен уже в феврале—марте 1653 г. Правда, правительство продолжало еще колебаться и посылало великих послов в Речь Посполитую, однако уже ранней весной 1653 г. царь Алексей Михайлович собственноручно записал свои мысли о ратном деле. В дошедшем до нас документе не говорится, против кого должно быть направлено «ополчение ратное», но можно говорить с полной уверенностью, что имелась в виду Речь Посполитая [17]. В июне 1653 г. правительство официально уведомило Хмельницкого о своем согласии на воссоединение Украины. Летом 1653 г. правительство отправило в Речь Посполитую посольство во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским, которое сделало попытку примирить польское правительство с Б. Хмельницким на условиях Зборовского договора. Однако основной целью посольства было осведомление о внутреннем состоянии Речи Посполитой. Попытка примирения встретила решительный отказ со стороны польского правительства, но в то же время посольство убедилось во внутренней слабости Польши, что давало основание высоко оценивать шансы на успех в борьбе с ней. Посольство Репнина вернулось в Москву в конце сентября

---

[13] Воссоединение Украины с Россией, т. III, № 181, стр. 357.
[14] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 85, л. 3.
[15] Там же, л. 3 об.
[16] Там же, лл. 4 об. — 5.
[17] Там же, лл. 2—3.

тившихся им русских послов, что в случае войны между Россией и Польшей Россия получит мощную поддержку в Белоруссии. «Да он же гетман Богдан и писарь Иван сказывали: только б де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он, гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белоруские люди тотчас учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000» [13].

Решение русского правительства об оказании помощи Украине было принято еще в начале весны 1653 г. («И начя государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры ныняшнего первыя недели 161 (т. е. 1653. — *А. М.*) году, понедельник с великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския... в церкви пресвятыя богородицы чеснаго и славного ея рожества, иже зовется у государя на сенях» [14]. Действительно, 14 марта 1653 г. по окончании богослужения царь обратился к патриарху Никону с просьбой, чтобы тот «благословил на сие благое дело» [15]. Получив благословение патриарха, царь призвал к себе разрядного думного дворянина Ивана Афанасьевича Гавренева и Семена Заборовского и приказал готовиться к смотру войск в мае—июне в Москве, «а смотру изволил быть на Девичьем поле» [16].

Итак, вопрос о войне с Речью Посполитой был решен уже в феврале—марте 1653 г. Правда, правительство продолжало еще колебаться и посылало великих послов в Речь Посполитую, однако уже ранней весной 1653 г. царь Алексей Михайлович собственноручно записал свои мысли о ратном деле. В дошедшем до нас документе не говорится, против кого должно быть направлено «ополчение ратное», но можно говорить с полной уверенностью, что имелась в виду Речь Посполитая [17]. В июне 1653 г. правительство официально уведомило Хмельницкого о своем согласии на воссоединение Украины. Летом 1653 г. правительство отправило в Речь Посполитую посольство во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским, которое сделало попытку примирить польское правительство с Б. Хмельницким на условиях Зборовского договора. Однако основной целью посольства было осведомление о внутреннем состоянии Речи Посполитой. Попытка примирения встретила решительный отказ со стороны польского правительства, но в то же время посольство убедилось во внутренней слабости Польши, что давало основание высоко оценивать шансы на успех в борьбе с ней. Посольство Репнина вернулось в Москву в конце сентября

---

[13] Воссоединение Украины с Россией, т. III, № 181, стр. 357.
[14] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 85, л. 3.
[15] Там же, л. 3 об.
[16] Там же, лл. 4 об. — 5.
[17] Там же, лл. 2—3.

тившихся им русских послов, что в случае войны между Россией и Польшей Россия получит мощную поддержку в Белоруссии. «Да он же гетман Богдан и писарь Иван сказывали: только б де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он, гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белоруские люди тотчас учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000» [13].

Решение русского правительства об оказании помощи Украине было принято еще в начале весны 1653 г. («И начя государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры ныняшнего первыя недели 161 (т. е. 1653. — *А. М.*) году, понедельник с великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския... в церкви пресвятыя богородицы честнаго и славного ея рожества, иже зовется у государя на сенях» [14]. Действительно, 14 марта 1653 г. по окончании богослужения царь обратился к патриарху Никону с просьбой, чтобы тот «благословил на сие благое дело» [15]. Получив благословение патриарха, царь призвал к себе разрядного думного дворянина Ивана Афанасьевича Гавренева и Семена Заборовского и приказал готовиться к смотру войск в мае—июне в Москве, «а смотру изволил быть на Девичьем поле» [16].

Итак, вопрос о войне с Речью Посполитой был решен уже в феврале—марте 1653 г. Правда, правительство продолжало еще колебаться и посылало великих послов в Речь Посполитую, однако уже ранней весной 1653 г. царь Алексей Михайлович собственноручно записал свои мысли о ратном деле. В дошедшем до нас документе не говорится, против кого должно быть направлено «ополчение ратное», но можно говорить с полной уверенностью, что имелась в виду Речь Посполитая [17]. В июне 1653 г. правительство официально уведомило Хмельницкого о своем согласии на воссоединение Украины. Летом 1653 г. правительство отправило в Речь Посполитую посольство во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским, которое сделало попытку примирить польское правительство с Б. Хмельницким на условиях Зборовского договора. Однако основной целью посольства было осведомление о внутреннем состоянии Речи Посполитой. Попытка примирения встретила решительный отказ со стороны польского правительства, но в то же время посольство убедилось во внутренней слабости Польши, что давало основание высоко оценивать шансы на успех в борьбе с ней. Посольство Репнина вернулось в Москву в конце сентября

---

[13] Воссоединение Украины с Россией, т. III, № 181, стр. 357.
[14] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 85, л. 3.
[15] Там же, л. 3 об.
[16] Там же, лл. 4 об. — 5.
[17] Там же, лл. 2—3.

тившихся им русских послов, что в случае войны между Россией и Польшей Россия получит мощную поддержку в Белоруссии. «Да он же гетман Богдан и писарь Иван сказывали: только б де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он, гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белоруские люди тотчас учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000» [13].

Решение русского правительства об оказании помощи Украине было принято еще в начале весны 1653 г. («И начя государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры ныняшнего первыя недели 161 (т. е. 1653. — *А. М.*) году, понедельник с великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския... в церкви пресвятыя богородицы чеснаго и славного ея рожества, иже зовется у государя на сенях» [14]. Действительно, 14 марта 1653 г. по окончании богослужения царь обратился к патриарху Никону с просьбой, чтобы тот «благословил на сие благое дело» [15]. Получив благословение патриарха, царь призвал к себе разрядного думного дворянина Ивана Афанасьевича Гавренева и Семена Заборовского и приказал готовиться к смотру войск в мае—июне в Москве, «а смотру изволил быть на Девичьем поле» [16].

Итак, вопрос о войне с Речью Посполитой был решен уже в феврале—марте 1653 г. Правда, правительство продолжало еще колебаться и посылало великих послов в Речь Посполитую, однако уже ранней весной 1653 г. царь Алексей Михайлович собственноручно записал свои мысли о ратном деле. В дошедшем до нас документе не говорится, против кого должно быть направлено «ополчение ратное», но можно говорить с полной уверенностью, что имелась в виду Речь Посполитая [17]. В июне 1653 г. правительство официально уведомило Хмельницкого о своем согласии на воссоединение Украины. Летом 1653 г. правительство отправило в Речь Посполитую посольство во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским, которое сделало попытку примирить польское правительство с Б. Хмельницким на условиях Зборовского договора. Однако основной целью посольства было осведомление о внутреннем состоянии Речи Посполитой. Попытка примирения встретила решительный отказ со стороны польского правительства, но в то же время посольство убедилось во внутренней слабости Польши, что давало основание высоко оценивать шансы на успех в борьбе с ней. Посольство Репнина вернулось в Москву в конце сентября

---

[13] Воссоединение Украины с Россией, т. III, № 181, стр. 357.
[14] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 85, л. 3.
[15] Там же, л. 3 об.
[16] Там же, лл. 4 об. — 5.
[17] Там же, лл. 2—3.

тившихся им русских послов, что в случае войны между Россией и Польшей Россия получит мощную поддержку в Белоруссии. «Да он же гетман Богдан и писарь Иван сказывали: только б де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он, гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные городы, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белоруские люди тотчас учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000» [13].

Решение русского правительства об оказании помощи Украине было принято еще в начале весны 1653 г. («И начя государь сие благое дело мыслити и советовати с бояры ныняшнего первыя недели 161 (т. е. 1653. — *А. М.*) году, понедельник с великого поста, февраля в 22 день, и совершися его государская мысль во сем деле в понедельник третьи недели же великого поста марта в 14 день, на праздник пресвятыя богородицы Федоровския... в церкви пресвятыя богородицы чеснаго и славного ея рожества, иже зовется у государя на сенях» [14]. Действительно, 14 марта 1653 г. по окончании богослужения царь обратился к патриарху Никону с просьбой, чтобы тот «благословил на сие благое дело» [15]. Получив благословение патриарха, царь призвал к себе разрядного думного дворянина Ивана Афанасьевича Гавренева и Семена Заборовского и приказал готовиться к смотру войск в мае—июне в Москве, «а смотру изволил быть на Девичьем поле» [16].

Итак, вопрос о войне с Речью Посполитой был решен уже в феврале—марте 1653 г. Правда, правительство продолжало еще колебаться и посылало великих послов в Речь Посполитую, однако уже ранней весной 1653 г. царь Алексей Михайлович собственноручно записал свои мысли о ратном деле. В дошедшем до нас документе не говорится, против кого должно быть направлено «ополчение ратное», но можно говорить с полной уверенностью, что имелась в виду Речь Посполитая [17]. В июне 1653 г. правительство официально уведомило Хмельницкого о своем согласии на воссоединение Украины. Летом 1653 г. правительство отправило в Речь Посполитую посольство во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским, которое сделало попытку примирить польское правительство с Б. Хмельницким на условиях Зборовского договора. Однако основной целью посольства было осведомление о внутреннем состоянии Речи Посполитой. Попытка примирения встретила решительный отказ со стороны польского правительства, но в то же время посольство убедилось во внутренней слабости Польши, что давало основание высоко оценивать шансы на успех в борьбе с ней. Посольство Репнина вернулось в Москву в конце сентября

---

[13] Воссоединение Украины с Россией, т. III, № 181, стр. 357.
[14] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 85, л. 3.
[15] Там же, л. 3 об.
[16] Там же, лл. 4 об. — 5.
[17] Там же, лл. 2—3.

мому, количество войск у Радзивилла не превышало 13 тыс.[54]. Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, полуторатысячный отряд подполковника Ганского ночью напал на спящий лагерь Н. И. Одоевского и нанес русским серьезные потери «и тамо через два часа и большим ручным оружием бились»[55]. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Поэтому русское командование решило направить против Я. Радзивилла значительные силы. Русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу, выйдя глубоко в тыл, не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному Смоленску, а в случае необходимости оказать помощь армии А. Н. Трубецкого.

Под Оршу против Радзивилла были направлены войска из разных полков под общим командованием Я. К. Черкасского[56]. Ему приказывалось идти за Радзивиллом «наспех», настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с А. Н. Трубецким; если же Я. Радзивилл на А. Н. Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Я. К. Черкасский должен был не допускать его[57].

Русские войска быстро приблизились к Орше и взяли этот город. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их»[58], отступил к Копыси[59]. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил А. Н. Трубецкой, «сослався» с Я. К. Черкасским[60]. Под давлением русских войск Я. Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа город сдался войскам А. Н. Трубецкого[61]. Тогда же к Копыси подошли войска и Я. К. Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Я. Радзивилле воеводу ертаульного полка князя

---

[54] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107, 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тыс. войска («Витебская старина», т. IV. Витебск, 1885, стр. 60).

[55] По данным польско-литовских источников, несомненно преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 500 человек (ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, лл. 29, 30, 40, 41).

[56] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 366.

[57] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

[58] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

[59] 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю и нанес русским серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Я. К. Черкасский 2 августа был у Копыси. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Я. Радзивилла. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 627; Ф. Добрянский (см. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской комиссии». Вильна, 1909, стр. XXVIII); А. Сапунов (предисловие к т. IV «Витебской старины». Витебск, 1885).

[60] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.

[61] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, л. 382. «И с Копыси города попы и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с образы и с хлебом, и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.).

мому, количество войск у Радзивилла не превышало 13 тыс.[54]. Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, полуторатысячный отряд подполковника Ганского ночью напал на спящий лагерь Н. И. Одоевского и нанес русским серьезные потери «и тамо через два часа и большим ручным оружием бились»[55]. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Поэтому русское командование решило направить против Я. Радзивилла значительные силы. Русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу, выйдя глубоко в тыл, не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному Смоленску, а в случае необходимости оказать помощь армии А. Н. Трубецкого.

Под Оршу против Радзивилла были направлены войска из разных полков под общим командованием Я. К. Черкасского[56]. Ему приказывалось идти за Радзивиллом «наспех», настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с А. Н. Трубецким; если же Я. Радзивилл на А. Н. Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Я. К. Черкасский должен был не допускать его[57].

Русские войска быстро приблизились к Орше и взяли этот город. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их»[58], отступил к Копыси[59]. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил А. Н. Трубецкой, «сослався» с Я. К. Черкасским[60]. Под давлением русских войск Я. Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа город сдался войскам А. Н. Трубецкого[61]. Тогда же к Копыси подошли войска и Я. К. Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Я. Радзивилле воеводу ертаульного полка князя

---

[54] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107, 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тыс. войска («Витебская старина», т. IV. Витебск, 1885, стр. 60).

[55] По данным польско-литовских источников, несомненно преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 500 человек (ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, лл. 29, 30, 40, 41).

[56] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 366.

[57] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

[58] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

[59] 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю и нанес русским серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Я. К. Черкасский 2 августа был у Копыси. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Я. Радзивилла. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 627; Ф. Добрянский (см. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской комиссии». Вильна, 1909, стр. XXVIII); А. Сапунов (предисловие к т. IV «Витебской старины». Витебск, 1885).

[60] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.

[61] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, л. 382. «И с Копыси города попы и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с образы и с хлебом, и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.).

мому, количество войск у Радзивилла не превышало 13 тыс.[54]. Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, полуторатысячный отряд подполковника Ганского ночью напал на спящий лагерь Н. И. Одоевского и нанес русским серьезные потери «и тамо через два часа и большим ручным оружием бились»[55]. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Поэтому русское командование решило направить против Я. Радзивилла значительные силы. Русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу, выйдя глубоко в тыл, не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному Смоленску, а в случае необходимости оказать помощь армии А. Н. Трубецкого.

Под Оршу против Радзивилла были направлены войска из разных полков под общим командованием Я. К. Черкасского[56]. Ему приказывалось идти за Радзивиллом «наспех», настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с А. Н. Трубецким; если же Я. Радзивилл на А. Н. Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Я. К. Черкасский должен был не допускать его[57].

Русские войска быстро приблизились к Орше и взяли этот город. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их»[58], отступил к Копыси[59]. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил А. Н. Трубецкой, «сослався» с Я. К. Черкасским[60]. Под давлением русских войск Я. Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа город сдался войскам А. Н. Трубецкого[61]. Тогда же к Копыси подошли войска и Я. К. Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Я. Радзивилле воеводу ертаульного полка князя

---

[54] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107, 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тыс. войска («Витебская старина», т. IV. Витебск, 1885, стр. 60).

[55] По данным польско-литовских источников, несомненно преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 500 человек (ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, лл. 29, 30, 40, 41).

[56] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 366.

[57] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

[58] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

[59] 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю и нанес русским серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Я. К. Черкасский 2 августа был у Копыси. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Я. Радзивилла. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 627; Ф. Добрянский (см. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской комиссии». Вильна, 1909, стр. XXVIII); А. Сапунов (предисловие к т. IV «Витебской старины». Витебск, 1885).

[60] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.

[61] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, л. 382. «И с Копыси города попы и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с образы и с хлебом, и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.).

мому, количество войск у Радзивилла не превышало 13 тыс.[54]. Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, полуторатысячный отряд подполковника Ганского ночью напал на спящий лагерь Н. И. Одоевского и нанес русским серьезные потери «и тамо через два часа и большим ручным оружием бились»[55]. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Поэтому русское командование решило направить против Я. Радзивилла значительные силы. Русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу, выйдя глубоко в тыл, не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному Смоленску, а в случае необходимости оказать помощь армии А. Н. Трубецкого.

Под Оршу против Радзивилла были направлены войска из разных полков под общим командованием Я. К. Черкасского[56]. Ему приказывалось идти за Радзивиллом «наспех», настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с А. Н. Трубецким; если же Я. Радзивилл на А. Н. Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Я. К. Черкасский должен был не допускать его[57].

Русские войска быстро приблизились к Орше и взяли этот город. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их»[58], отступил к Копыси[59]. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил А. Н. Трубецкой, «сослався» с Я. К. Черкасским[60]. Под давлением русских войск Я. Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа город сдался войскам А. Н. Трубецкого[61]. Тогда же к Копыси подошли войска и Я. К. Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Я. Радзивилле воеводу ертаульного полка князя

---

[54] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107, 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тыс. войска («Витебская старина», т. IV. Витебск, 1885, стр. 60).

[55] По данным польско-литовских источников, несомненно преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 500 человек (ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, лл. 29, 30, 40, 41).

[56] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 366.

[57] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

[58] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

[59] 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю и нанес русским серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Я. К. Черкасский 2 августа был у Копыси. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Я. Радзивилла. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 627; Ф. Добрянский (см. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской комиссии». Вильна, 1909, стр. XXVIII); А. Сапунов (предисловие к т. IV «Витебской старины». Витебск, 1885).

[60] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.

[61] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, л. 382. «И с Копыси города попы и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с образы и с хлебом, и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.).

мому, количество войск у Радзивилла не превышало 13 тыс.[54]. Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, полуторатысячный отряд подполковника Ганского ночью напал на спящий лагерь Н. И. Одоевского и нанес русским серьезные потери «и тамо через два часа и большим ручным оружием бились»[55]. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Поэтому русское командование решило направить против Я. Радзивилла значительные силы. Русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу, выйдя глубоко в тыл, не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному Смоленску, а в случае необходимости оказать помощь армии А. Н. Трубецкого.

Под Оршу против Радзивилла были направлены войска из разных полков под общим командованием Я. К. Черкасского[56]. Ему приказывалось идти за Радзивиллом «наспех», настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с А. Н. Трубецким; если же Я. Радзивилл на А. Н. Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Я. К. Черкасский должен был не допускать его[57].

Русские войска быстро приблизились к Орше и взяли этот город. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их»[58], отступил к Копыси[59]. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил А. Н. Трубецкой, «сослався» с Я. К. Черкасским[60]. Под давлением русских войск Я. Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа город сдался войскам А. Н. Трубецкого[61]. Тогда же к Копыси подошли войска и Я. К. Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Я. Радзивилле воеводу ертаульного полка князя

---

[54] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107, 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тыс. войска («Витебская старина», т. IV. Витебск, 1885, стр. 60).

[55] По данным польско-литовских источников, несомненно преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 500 человек (ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, лл. 29, 30, 40, 41).

[56] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 366.

[57] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

[58] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

[59] 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю и нанес русским серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Я. К. Черкасский 2 августа был у Копыси. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Я. Радзивилла. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 627; Ф. Добрянский (см. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской комиссии». Вильна, 1909, стр. XXVIII); А. Сапунов (предисловие к т. IV «Витебской старины». Витебск, 1885).

[60] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.

[61] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, л. 382. «И с Копыси города попы и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с образы и с хлебом, и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.).

мому, количество войск у Радзивилла не превышало 13 тыс.[54]. Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, полуторатысячный отряд подполковника Ганского ночью напал на спящий лагерь Н. И. Одоевского и нанес русским серьезные потери «и тамо через два часа и большим ручным оружием бились»[55]. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Поэтому русское командование решило направить против Я. Радзивилла значительные силы. Русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу, выйдя глубоко в тыл, не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному Смоленску, а в случае необходимости оказать помощь армии А. Н. Трубецкого.

Под Оршу против Радзивилла были направлены войска из разных полков под общим командованием Я. К. Черкасского[56]. Ему приказывалось идти за Радзивиллом «наспех», настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с А. Н. Трубецким; если же Я. Радзивилл на А. Н. Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Я. К. Черкасский должен был не допускать его[57].

Русские войска быстро приблизились к Орше и взяли этот город. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их»[58], отступил к Копыси[59]. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил А. Н. Трубецкой, «сослався» с Я. К. Черкасским[60]. Под давлением русских войск Я. Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа город сдался войскам А. Н. Трубецкого[61]. Тогда же к Копыси подошли войска и Я. К. Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Я. Радзивилле воеводу ертаульного полка князя

---

[54] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107, 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тыс. войска («Витебская старина», т. IV. Витебск, 1885, стр. 60).

[55] По данным польско-литовских источников, несомненно преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 500 человек (ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, лл. 29, 30, 40, 41).

[56] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 366.

[57] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

[58] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

[59] 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю и нанес русским серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Я. К. Черкасский 2 августа был у Копыси. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Я. Радзивилла. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 627; Ф. Добрянский (см. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской комиссии». Вильна, 1909, стр. XXVIII); А. Сапунов (предисловие к т. IV «Витебской старины». Витебск, 1885).

[60] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.

[61] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, л. 382. «И с Копыси города попы и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с образы и с хлебом, и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.).

мому, количество войск у Радзивилла не превышало 13 тыс.[54]. Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, полуторатысячный отряд подполковника Ганского ночью напал на спящий лагерь Н. И. Одоевского и нанес русским серьезные потери «и тамо через два часа и большим ручным оружием бились»[55]. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Поэтому русское командование решило направить против Я. Радзивилла значительные силы. Русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу, выйдя глубоко в тыл, не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному Смоленску, а в случае необходимости оказать помощь армии А. Н. Трубецкого.

Под Оршу против Радзивилла были направлены войска из разных полков под общим командованием Я. К. Черкасского[56]. Ему приказывалось идти за Радзивиллом «наспех», настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с А. Н. Трубецким; если же Я. Радзивилл на А. Н. Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Я. К. Черкасский должен был не допускать его[57].

Русские войска быстро приблизились к Орше и взяли этот город. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их»[58], отступил к Копыси[59]. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил А. Н. Трубецкой, «сослався» с Я. К. Черкасским[60]. Под давлением русских войск Я. Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа город сдался войскам А. Н. Трубецкого[61]. Тогда же к Копыси подошли войска и Я. К. Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Я. Радзивилле воеводу ертаульного полка князя

---

[54] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107, 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тыс. войска («Витебская старина», т. IV. Витебск, 1885, стр. 60).

[55] По данным польско-литовских источников, несомненно преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 500 человек (ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, лл. 29, 30, 40, 41).

[56] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 366.

[57] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

[58] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

[59] 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю и нанес русским серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Я. К. Черкасский 2 августа был у Копыси. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Я. Радзивилла. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 627; Ф. Добрянский (см. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской комиссии». Вильна, 1909, стр. XXVIII); А. Сапунов (предисловие к т. IV «Витебской старины». Витебск, 1885).

[60] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.

[61] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, л. 382. «И с Копыси города попы и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с образы и с хлебом, и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.).

мому, количество войск у Радзивилла не превышало 13 тыс.[54]. Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, полуторатысячный отряд подполковника Ганского ночью напал на спящий лагерь Н. И. Одоевского и нанес русским серьезные потери «и тамо через два часа и большим ручным оружием бились»[55]. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Поэтому русское командование решило направить против Я. Радзивилла значительные силы. Русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу, выйдя глубоко в тыл, не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному Смоленску, а в случае необходимости оказать помощь армии А. Н. Трубецкого.

Под Оршу против Радзивилла были направлены войска из разных полков под общим командованием Я. К. Черкасского[56]. Ему приказывалось идти за Радзивиллом «наспех», настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с А. Н. Трубецким; если же Я. Радзивилл на А. Н. Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Я. К. Черкасский должен был не допускать его[57].

Русские войска быстро приблизились к Орше и взяли этот город. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их»[58], отступил к Копыси[59]. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил А. Н. Трубецкой, «сослався» с Я. К. Черкасским[60]. Под давлением русских войск Я. Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа город сдался войскам А. Н. Трубецкого[61]. Тогда же к Копыси подошли войска и Я. К. Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Я. Радзивилле воеводу ертаульного полка князя

---

[54] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107, 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тыс. войска («Витебская старина», т. IV. Витебск, 1885, стр. 60).

[55] По данным польско-литовских источников, несомненно преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 500 человек (ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, лл. 29, 30, 40, 41).

[56] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 366.

[57] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

[58] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

[59] 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю и нанес русским серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Я. К. Черкасский 2 августа был у Копыси. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Я. Радзивилла. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 627; Ф. Добрянский (см. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской комиссии». Вильна, 1909, стр. XXVIII); А. Сапунов (предисловие к т. IV «Витебской старины». Витебск, 1885).

[60] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.

[61] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, л. 382. «И с Копыси города попы и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с образы и с хлебом, и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.).

мому, количество войск у Радзивилла не превышало 13 тыс.[54]. Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, полуторатысячный отряд подполковника Ганского ночью напал на спящий лагерь Н. И. Одоевского и нанес русским серьезные потери «и тамо через два часа и большим ручным оружием бились»[55]. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Поэтому русское командование решило направить против Я. Радзивилла значительные силы. Русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу, выйдя глубоко в тыл, не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному Смоленску, а в случае необходимости оказать помощь армии А. Н. Трубецкого.

Под Оршу против Радзивилла были направлены войска из разных полков под общим командованием Я. К. Черкасского[56]. Ему приказывалось идти за Радзивиллом «наспех», настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с А. Н. Трубецким; если же Я. Радзивилл на А. Н. Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Я. К. Черкасский должен был не допускать его[57].

Русские войска быстро приблизились к Орше и взяли этот город. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их»[58], отступил к Копыси[59]. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил А. Н. Трубецкой, «сослався» с Я. К. Черкасским[60]. Под давлением русских войск Я. Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа город сдался войскам А. Н. Трубецкого[61]. Тогда же к Копыси подошли войска и Я. К. Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Я. Радзивилле воеводу ертаульного полка князя

---

[54] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107, 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тыс. войска («Витебская старина», т. IV. Витебск, 1885, стр. 60).

[55] По данным польско-литовских источников, несомненно преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 500 человек (ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, лл. 29, 30, 40, 41).

[56] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 366.

[57] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

[58] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

[59] 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю и нанес русским серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Я. К. Черкасский 2 августа был у Копыси. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Я. Радзивилла. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 627; Ф. Добрянский (см. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской комиссии». Вильна, 1909, стр. XXVIII); А. Сапунов (предисловие к т. IV «Витебской старины». Витебск, 1885).

[60] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.

[61] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, л. 382. «И с Копыси города попы и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с образы и с хлебом, и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.).

мому, количество войск у Радзивилла не превышало 13 тыс.[54]. Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, полуторатысячный отряд подполковника Ганского ночью напал на спящий лагерь Н. И. Одоевского и нанес русским серьезные потери «и тамо через два часа и большим ручным оружием бились»[55]. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Поэтому русское командование решило направить против Я. Радзивилла значительные силы. Русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу, выйдя глубоко в тыл, не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному Смоленску, а в случае необходимости оказать помощь армии А. Н. Трубецкого.

Под Оршу против Радзивилла были направлены войска из разных полков под общим командованием Я. К. Черкасского[56]. Ему приказывалось идти за Радзивиллом «наспех», настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с А. Н. Трубецким; если же Я. Радзивилл на А. Н. Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Я. К. Черкасский должен был не допускать его[57].

Русские войска быстро приблизились к Орше и взяли этот город. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их»[58], отступил к Копыси[59]. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил А. Н. Трубецкой, «сослався» с Я. К. Черкасским[60]. Под давлением русских войск Я. Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа город сдался войскам А. Н. Трубецкого[61]. Тогда же к Копыси подошли войска и Я. К. Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Я. Радзивилле воеводу ертаульного полка князя

---

[54] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107, 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тыс. войска («Витебская старина», т. IV. Витебск, 1885, стр. 60).

[55] По данным польско-литовских источников, несомненно преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 500 человек (ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, лл. 29, 30, 40, 41).

[56] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 366.

[57] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

[58] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

[59] 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю и нанес русским серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Я. К. Черкасский 2 августа был у Копыси. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Я. Радзивилла. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 627; Ф. Добрянский (см. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской комиссии». Вильна, 1909, стр. XXVIII); А. Сапунов (предисловие к т. IV «Витебской старины». Витебск, 1885).

[60] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.

[61] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, л. 382. «И с Копыси города попы и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с образы и с хлебом, и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.).

мому, количество войск у Радзивилла не превышало 13 тыс.[54]. Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, полуторатысячный отряд подполковника Ганского ночью напал на спящий лагерь Н. И. Одоевского и нанес русским серьезные потери «и тамо через два часа и большим ручным оружием бились»[55]. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Поэтому русское командование решило направить против Я. Радзивилла значительные силы. Русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу, выйдя глубоко в тыл, не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному Смоленску, а в случае необходимости оказать помощь армии А. Н. Трубецкого.

Под Оршу против Радзивилла были направлены войска из разных полков под общим командованием Я. К. Черкасского[56]. Ему приказывалось идти за Радзивиллом «наспех», настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с А. Н. Трубецким; если же Я. Радзивилл на А. Н. Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Я. К. Черкасский должен был не допускать его[57].

Русские войска быстро приблизились к Орше и взяли этот город. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их»[58], отступил к Копыси[59]. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил А. Н. Трубецкой, «сослався» с Я. К. Черкасским[60]. Под давлением русских войск Я. Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа город сдался войскам А. Н. Трубецкого[61]. Тогда же к Копыси подошли войска и Я. К. Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Я. Радзивилле воеводу ертаульного полка князя

---

[54] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107, 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тыс. войска («Витебская старина», т. IV. Витебск, 1885, стр. 60).

[55] По данным польско-литовских источников, несомненно преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 500 человек (ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, лл. 29. 30, 40, 41).

[56] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 366.

[57] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

[58] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

[59] 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю и нанес русским серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Я. К. Черкасский 2 августа был у Копыси. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Я. Радзивилла. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 627; Ф. Добрянский (см. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской комиссии». Вильна, 1909, стр. XXVIII); А. Сапунов (предисловие к т. IV «Витебской старины». Витебск, 1885).

[60] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.

[61] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, л. 382. «И с Копыси города попы и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с образы и с хлебом, и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.).

мому, количество войск у Радзивилла не превышало 13 тыс.[54]. Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, полуторатысячный отряд подполковника Ганского ночью напал на спящий лагерь Н. И. Одоевского и нанес русским серьезные потери «и тамо через два часа и большим ручным оружием бились»[55]. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Поэтому русское командование решило направить против Я. Радзивилла значительные силы. Русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу, выйдя глубоко в тыл, не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному Смоленску, а в случае необходимости оказать помощь армии А. Н. Трубецкого.

Под Оршу против Радзивилла были направлены войска из разных полков под общим командованием Я. К. Черкасского[56]. Ему приказывалось идти за Радзивиллом «наспех», настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с А. Н. Трубецким; если же Я. Радзивилл на А. Н. Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Я. К. Черкасский должен был не допускать его[57].

Русские войска быстро приблизились к Орше и взяли этот город. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их»[58], отступил к Копыси[59]. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил А. Н. Трубецкой, «сослався» с Я. К. Черкасским[60]. Под давлением русских войск Я. Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа город сдался войскам А. Н. Трубецкого[61]. Тогда же к Копыси подошли войска и Я. К. Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Я. Радзивилле воеводу ертаульного полка князя

---

[54] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107, 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тыс. войска («Витебская старина», т. IV. Витебск, 1885, стр. 60).

[55] По данным польско-литовских источников, несомненно преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 500 человек (ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, лл. 29, 30, 40, 41).

[56] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 366.

[57] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

[58] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

[59] 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю и нанес русским серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Я. К. Черкасский 2 августа был у Копыси. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Я. Радзивилла. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 627; Ф. Добрянский (см. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской комиссии». Вильна, 1909, стр. XXVIII); А. Сапунов (предисловие к т. IV «Витебской старины». Витебск, 1885).

[60] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.

[61] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, л. 382. «И с Копыси города попы и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с образы и с хлебом, и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.).

мому, количество войск у Радзивилла не превышало 13 тыс.[54]. Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, полуторатысячный отряд подполковника Ганского ночью напал на спящий лагерь Н. И. Одоевского и нанес русским серьезные потери «и тамо через два часа и большим ручным оружием бились»[55]. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Поэтому русское командование решило направить против Я. Радзивилла значительные силы. Русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу, выйдя глубоко в тыл, не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному Смоленску, а в случае необходимости оказать помощь армии А. Н. Трубецкого.

Под Оршу против Радзивилла были направлены войска из разных полков под общим командованием Я. К. Черкасского[56]. Ему приказывалось идти за Радзивиллом «наспех», настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с А. Н. Трубецким; если же Я. Радзивилл на А. Н. Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Я. К. Черкасский должен был не допускать его[57].

Русские войска быстро приблизились к Орше и взяли этот город. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их»[58], отступил к Копыси[59]. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил А. Н. Трубецкой, «сослався» с Я. К. Черкасским[60]. Под давлением русских войск Я. Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа город сдался войскам А. Н. Трубецкого[61]. Тогда же к Копыси подошли войска и Я. К. Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Я. Радзивилле воеводу ертаульного полка князя

---

[54] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107, 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тыс. войска («Витебская старина», т. IV. Витебск, 1885, стр. 60).

[55] По данным польско-литовских источников, несомненно преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 500 человек (ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, лл. 29, 30, 40, 41).

[56] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 366.

[57] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

[58] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

[59] 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю и нанес русским серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Я. К. Черкасский 2 августа был у Копыси. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Я. Радзивилла. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 627; Ф. Добрянский (см. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской комиссии». Вильна, 1909, стр. XXVIII); А. Сапунов (предисловие к т. IV «Витебской старины». Витебск, 1885).

[60] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.

[61] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, л. 382. «И с Копыси города попы и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с образы и с хлебом, и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.).

мому, количество войск у Радзивилла не превышало 13 тыс.[54]. Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, полуторатысячный отряд подполковника Ганского ночью напал на спящий лагерь Н. И. Одоевского и нанес русским серьезные потери «и тамо через два часа и большим ручным оружием бились»[55]. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Поэтому русское командование решило направить против Я. Радзивилла значительные силы. Русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу, выйдя глубоко в тыл, не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному Смоленску, а в случае необходимости оказать помощь армии А. Н. Трубецкого.

Под Оршу против Радзивилла были направлены войска из разных полков под общим командованием Я. К. Черкасского[56]. Ему приказывалось идти за Радзивиллом «наспех», настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с А. Н. Трубецким; если же Я. Радзивилл на А. Н. Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Я. К. Черкасский должен был не допускать его[57].

Русские войска быстро приблизились к Орше и взяли этот город. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их»[58], отступил к Копыси[59]. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил А. Н. Трубецкой, «сослався» с Я. К. Черкасским[60]. Под давлением русских войск Я. Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа город сдался войскам А. Н. Трубецкого[61]. Тогда же к Копыси подошли войска и Я. К. Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Я. Радзивилле воеводу ертаульного полка князя

---

[54] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107, 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тыс. войска («Витебская старина», т. IV. Витебск, 1885, стр. 60).

[55] По данным польско-литовских источников, несомненно преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 500 человек (ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, лл. 29, 30, 40, 41).

[56] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 366.

[57] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

[58] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

[59] 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю и нанес русским серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Я. К. Черкасский 2 августа был у Копыси. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Я. Радзивилла. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 627; Ф. Добрянский (см. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской комиссии». Вильна, 1909, стр. XXVIII); А. Сапунов (предисловие к т. IV «Витебской старины». Витебск, 1885).

[60] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.

[61] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, л. 382. «И с Копыси города попы и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с образы и с хлебом, и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.).

мому, количество войск у Радзивилла не превышало 13 тыс.[54]. Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, полуторатысячный отряд подполковника Ганского ночью напал на спящий лагерь Н. И. Одоевского и нанес русским серьезные потери «и тамо через два часа и большим ручным оружием бились»[55]. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Поэтому русское командование решило направить против Я. Радзивилла значительные силы. Русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу, выйдя глубоко в тыл, не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному Смоленску, а в случае необходимости оказать помощь армии А. Н. Трубецкого.

Под Оршу против Радзивилла были направлены войска из разных полков под общим командованием Я. К. Черкасского[56]. Ему приказывалось идти за Радзивиллом «наспех», настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с А. Н. Трубецким; если же Я. Радзивилл на А. Н. Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Я. К. Черкасский должен был не допускать его[57].

Русские войска быстро приблизились к Орше и взяли этот город. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их»[58], отступил к Копыси[59]. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил А. Н. Трубецкой, «сослався» с Я. К. Черкасским[60]. Под давлением русских войск Я. Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа город сдался войскам А. Н. Трубецкого[61]. Тогда же к Копыси подошли войска и Я. К. Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Я. Радзивилле воеводу ертаульного полка князя

[54] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107, 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тыс. войска («Витебская старина», т. IV. Витебск, 1885, стр. 60).

[55] По данным польско-литовских источников, несомненно преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 500 человек (ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, лл. 29, 30, 40, 41).

[56] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 366.

[57] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

[58] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

[59] 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю и нанес русским серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Я. К. Черкасский 2 августа был у Копыси. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Я. Радзивилла. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 627; Ф. Добрянский (см. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской комиссии». Вильна, 1909, стр. XXVIII); А. Сапунов (предисловие к т. IV «Витебской старины». Витебск, 1885).

[60] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.

[61] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, л. 382. «И с Копыси города попы и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с образы и с хлебом, и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.).

мому, количество войск у Радзивилла не превышало 13 тыс.[54]. Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, полуторатысячный отряд подполковника Ганского ночью напал на спящий лагерь Н. И. Одоевского и нанес русским серьезные потери «и тамо через два часа и большим ручным оружием бились»[55]. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Поэтому русское командование решило направить против Я. Радзивилла значительные силы. Русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу, выйдя глубоко в тыл, не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному Смоленску, а в случае необходимости оказать помощь армии А. Н. Трубецкого.

Под Оршу против Радзивилла были направлены войска из разных полков под общим командованием Я. К. Черкасского[56]. Ему приказывалось идти за Радзивиллом «наспех», настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с А. Н. Трубецким; если же Я. Радзивилл на А. Н. Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Я. К. Черкасский должен был не допускать его[57].

Русские войска быстро приблизились к Орше и взяли этот город. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их»[58], отступил к Копыси[59]. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил А. Н. Трубецкой, «сослався» с Я. К. Черкасским[60]. Под давлением русских войск Я. Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа город сдался войскам А. Н. Трубецкого[61]. Тогда же к Копыси подошли войска и Я. К. Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Я. Радзивилле воеводу ертаульного полка князя

---

[54] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107, 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тыс. войска («Витебская старина», т. IV. Витебск, 1885, стр. 60).

[55] По данным польско-литовских источников, несомненно преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 500 человек (ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, лл. 29, 30, 40, 41).

[56] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 366.

[57] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

[58] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

[59] 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю и нанес русским серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Я. К. Черкасский 2 августа был у Копыси. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Я. Радзивилла. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 627; Ф. Добрянский (см. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской комиссии». Вильна, 1909, стр. XXVIII); А. Сапунов (предисловие к т. IV «Витебской старины». Витебск, 1885).

[60] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.

[61] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, л. 382. «И с Копыси города попы и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с образы и с хлебом, и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.).

мому, количество войск у Радзивилла не превышало 13 тыс.[54]. Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, полуторатысячный отряд подполковника Ганского ночью напал на спящий лагерь Н. И. Одоевского и нанес русским серьезные потери «и тамо через два часа и большим ручным оружием бились»[55]. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Поэтому русское командование решило направить против Я. Радзивилла значительные силы. Русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу, выйдя глубоко в тыл, не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному Смоленску, а в случае необходимости оказать помощь армии А. Н. Трубецкого.

Под Оршу против Радзивилла были направлены войска из разных полков под общим командованием Я. К. Черкасского[56]. Ему приказывалось идти за Радзивиллом «наспех», настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с А. Н. Трубецким; если же Я. Радзивилл на А. Н. Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Я. К. Черкасский должен был не допускать его[57].

Русские войска быстро приблизились к Орше и взяли этот город. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их»[58], отступил к Копыси[59]. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил А. Н. Трубецкой, «сослався» с Я. К. Черкасским[60]. Под давлением русских войск Я. Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа город сдался войскам А. Н. Трубецкого[61]. Тогда же к Копыси подошли войска и Я. К. Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Я. Радзивилле воеводу ертаульного полка князя

---

54 ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107, 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тыс. войска («Витебская старина», т. IV. Витебск, 1885, стр. 60).

55 По данным польско-литовских источников, несомненно преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 500 человек (ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, лл. 29, 30, 40, 41).

56 ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 366.

57 ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

58 ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

59 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю и нанес русским серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Я. К. Черкасский 2 августа был у Копыси. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Я. Радзивилла. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 627; Ф. Добрянский (см. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской комиссии». Вильна, 1909, стр. XXVIII); А. Сапунов (предисловие к т. IV «Витебской старины». Витебск, 1885).

60 ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.

61 ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, л. 382. «И с Копыси города попы и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с образы и с хлебом, и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.).

мому, количество войск у Радзивилла не превышало 13 тыс.[54]. Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, полуторатысячный отряд подполковника Ганского ночью напал на спящий лагерь Н. И. Одоевского и нанес русским серьезные потери «и тамо через два часа и большим ручным оружием бились»[55]. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Поэтому русское командование решило направить против Я. Радзивилла значительные силы. Русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу, выйдя глубоко в тыл, не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному Смоленску, а в случае необходимости оказать помощь армии А. Н. Трубецкого.

Под Оршу против Радзивилла были направлены войска из разных полков под общим командованием Я. К. Черкасского[56]. Ему приказывалось идти за Радзивиллом «наспех», настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с А. Н. Трубецким; если же Я. Радзивилл на А. Н. Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Я. К. Черкасский должен был не допускать его[57].

Русские войска быстро приблизились к Орше и взяли этот город. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их»[58], отступил к Копыси[59]. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил А. Н. Трубецкой, «сослався» с Я. К. Черкасским[60]. Под давлением русских войск Я. Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа город сдался войскам А. Н. Трубецкого[61]. Тогда же к Копыси подошли войска и Я. К. Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Я. Радзивилле воеводу ертаульного полка князя

---

[54] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107, 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тыс. войска («Витебская старина», т. IV. Витебск, 1885, стр. 60).

[55] По данным польско-литовских источников, несомненно преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 500 человек (ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, лл. 29. 30, 40, 41).

[56] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 366.

[57] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

[58] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

[59] 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю и нанес русским серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Я. К. Черкасский 2 августа был у Копыси. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Я. Радзивилла. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 627; Ф. Добрянский (см. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской комиссии». Вильна, 1909, стр. XXVIII); А. Сапунов (предисловие к т. IV «Витебской старины». Витебск, 1885).

[60] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.

[61] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, л. 382. «И с Копыси города попы и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с образы и с хлебом, и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.).

мому, количество войск у Радзивилла не превышало 13 тыс.[54]. Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, полуторатысячный отряд подполковника Ганского ночью напал на спящий лагерь Н. И. Одоевского и нанес русским серьезные потери «и тамо через два часа и большим ручным оружием бились»[55]. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Поэтому русское командование решило направить против Я. Радзивилла значительные силы. Русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу, выйдя глубоко в тыл, не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному Смоленску, а в случае необходимости оказать помощь армии А. Н. Трубецкого.

Под Оршу против Радзивилла были направлены войска из разных полков под общим командованием Я. К. Черкасского[56]. Ему приказывалось идти за Радзивиллом «наспех», настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с А. Н. Трубецким; если же Я. Радзивилл на А. Н. Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Я. К. Черкасский должен был не допускать его[57].

Русские войска быстро приблизились к Орше и взяли этот город. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их»[58], отступил к Копыси[59]. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил А. Н. Трубецкой, «сослався» с Я. К. Черкасским[60]. Под давлением русских войск Я. Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа город сдался войскам А. Н. Трубецкого[61]. Тогда же к Копыси подошли войска и Я. К. Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Я. Радзивилле воеводу ертаульного полка князя

---

[54] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107, 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тыс. войска («Витебская старина», т. IV. Витебск, 1885, стр. 60).

[55] По данным польско-литовских источников, несомненно преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 500 человек (ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, лл. 29, 30, 40, 41).

[56] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 366.

[57] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

[58] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

[59] 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю и нанес русским серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Я. К. Черкасский 2 августа был у Копыси. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Я. Радзивилла. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 627; Ф. Добрянский (см. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской комиссии». Вильна, 1909, стр. XXVIII); А. Сапунов (предисловие к т. IV «Витебской старины». Витебск, 1885).

[60] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.

[61] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, л. 382. «И с Копыси города попы и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с образы и с хлебом, и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.).

мому, количество войск у Радзивилла не превышало 13 тыс.[54]. Из Орши Радзивилл посылал отряды для диверсий против русских войск. Так, полуторатысячный отряд подполковника Ганского ночью напал на спящий лагерь Н. И. Одоевского и нанес русским серьезные потери «и тамо через два часа и большим ручным оружием бились»[55]. Отряд Ганского после боя с передовым полком отступил к Орше.

Поэтому русское командование решило направить против Я. Радзивилла значительные силы. Русские войска должны были нанести поражение Радзивиллу, выйдя глубоко в тыл, не допустить прорыва польско-литовских войск к осажденному Смоленску, а в случае необходимости оказать помощь армии А. Н. Трубецкого.

Под Оршу против Радзивилла были направлены войска из разных полков под общим командованием Я. К. Черкасского[56]. Ему приказывалось идти за Радзивиллом «наспех», настигнуть его и дать ему бой, поддерживая при этом связь с А. Н. Трубецким; если же Я. Радзивилл на А. Н. Трубецкого не пойдет, а направится к Смоленску, Я. К. Черкасский должен был не допускать его[57].

Русские войска быстро приблизились к Орше и взяли этот город. Радзивилл, узнав, что большие русские силы идут к городу, «недождався их»[58], отступил к Копыси[59]. К этому городу со стороны Мстиславля уже подходил А. Н. Трубецкой, «сослався» с Я. К. Черкасским[60]. Под давлением русских войск Я. Радзивилл из Копыси отошел к Шклову, и 1 августа город сдался войскам А. Н. Трубецкого[61]. Тогда же к Копыси подошли войска и Я. К. Черкасского. Последний послал из-под Копыси «для подлинного ведома» о Я. Радзивилле воеводу ертаульного полка князя

---

[54] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, лл. 107, 146. А. Сапунов считает, что у Радзивилла в Орше было 8 тыс. войска («Витебская старина», т. IV. Витебск, 1885, стр. 60).

[55] По данным польско-литовских источников, несомненно преувеличенным, русские в этом бою потеряли больше 500 человек (ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, лл. 29. 30, 40, 41).

[56] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 366.

[57] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 152.

[58] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 113.

[59] 3 августа Гонсевский со своим отрядом подкрался ночью к русскому лагерю и нанес русским серьезные потери. Впрочем, под Оршей находились не главные русские силы, так как сам Я. К. Черкасский 2 августа был у Копыси. Поражение русских под Оршей ни в коей мере не ослабило темпа преследования Я. Радзивилла. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. V. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 627; Ф. Добрянский (см. предисловие к т. XXXIV «Актов Виленской комиссии». Вильна, 1909, стр. XXVIII); А. Сапунов (предисловие к т. IV «Витебской старины». Витебск, 1885).

[60] ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.

[61] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, л. 382. «И с Копыси города попы и городские всяких чинов люди, шляхта и мещане, встретили их с образы и с хлебом, и государю добили челом и город Копысь здали», — писал 4 августа Трубецкой Алексею Михайловичу (ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 115 об.).

ницкий в марте 1655 г. писал царю Алексею Михайловичу, что польская шляхта «под Охматовым во многих днях с нами свальный бой имеючи, всю пехоту свою погубиша» [95]. Потери русского войска и казацких полков также были значительны. Крымские татары в сражении непосредственного участия не приняли [96]. Татарские отряды бесчинствовали около Белой Церкви, Ставищ и других городов, блокировали дороги, захватывали в плен население, убивали и грабили. Много людей, в частности, было истреблено крымскими татарами в Черкассах [97].

В результате боев под Ахматовом русские войска и казацкие полки остановили продвижение в глубь Украины польско-татарских сил, нанесли им поражение и отбросили их на запад. Богдан Хмельницкий писал в связи с этим: «А тебя, великого государя нашего... усердно молим, чтобы твое царское величество и впредь будучие времена нас от неприятелей наших оборонити изволил и... еще большие свои государские нам на помощь присылати войска» [98]. Благоприятный исход боев под Ахматовом был возможен только благодаря совместным действиям русской армии и казацких полков.

После боев под Ахматовом военные действия зимой и весной 1655 г. на Украине продолжались (в частности, при Маковке и Торговице), но польско-шляхетское войско и крымские татары не могли уже предпринять крупного наступления [99].

Поражение Речи Посполитой в 1654 г. объяснялось не только выявившейся в ходе военных действий неподготовленностью к войне. Она не смогла выставить против России значительной армии и все надежды возлагала на посполитое рушение — ополченье и кварцяное (наемное) войско. Шляхта показала полное непонимание положения. Шляхетское ополчение собиралось с величайшим трудом [100]. «И то наказание и заслепление божие, что шляхта не единые охоты к обиранию и деянию отпору неприятелю не чинят», — писал один из польско-литовских магнатов королю летом 1654 г. [101]. Наемные войска, использовавшиеся в основном для гарнизонной службы в пограничных городах и замках, служили до тех пор, пока им платили жалованье, регулярностью уплаты кото-

---

[95] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 6.
[96] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, л. 384.
[97] Там же, л. 419.
[98] ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 1471, лл. 25—26.
[99] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 2 об., 3 об., № 6, л. 1.
[100] ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, л. 33 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 7 июля 1654 г.).
[101] Там же, л. 41 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 1 июля 1654 г.).

ницкий в марте 1655 г. писал царю Алексею Михайловичу, что польская шляхта «под Охматовым во многих днях с нами свальный бой имеючи, всю пехоту свою погубиша» [95]. Потери русского войска и казацких полков также были значительны. Крымские татары в сражении непосредственного участия не приняли [96]. Татарские отряды бесчинствовали около Белой Церкви, Ставищ и других городов, блокировали дороги, захватывали в плен население, убивали и грабили. Много людей, в частности, было истреблено крымскими татарами в Черкассах [97].

В результате боев под Ахматовом русские войска и казацкие полки остановили продвижение в глубь Украины польско-татарских сил, нанесли им поражение и отбросили их на запад. Богдан Хмельницкий писал в связи с этим: «А тебя, великого государя нашего... усердно молим, чтобы твое царское величество и впредь будучие времена нас от неприятелей наших оборонити изволил и... еще большие свои государские нам на помощь присылати войска» [98]. Благоприятный исход боев под Ахматовом был возможен только благодаря совместным действиям русской армии и казацких полков.

После боев под Ахматовом военные действия зимой и весной 1655 г. на Украине продолжались (в частности, при Маковке и Торговице), но польско-шляхетское войско и крымские татары не могли уже предпринять крупного наступления [99].

Поражение Речи Посполитой в 1654 г. объяснялось не только выявившейся в ходе военных действий неподготовленностью к войне. Она не смогла выставить против России значительной армии и все надежды возлагала на посполитое рушение — ополченье и кварцяное (наемное) войско. Шляхта показала полное непонимание положения. Шляхетское ополчение собиралось с величайшим трудом [100]. «И то наказание и заслепление божие, что шляхта не единые охоты к обиранию и деянию отпору неприятелю не чинят», — писал один из польско-литовских магнатов королю летом 1654 г. [101]. Наемные войска, использовавшиеся в основном для гарнизонной службы в пограничных городах и замках, служили до тех пор, пока им платили жалованье, регулярностью уплаты кото-

---

[95] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 6.
[96] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, л. 384.
[97] Там же, л. 419.
[98] ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 1471, лл. 25—26.
[99] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 2 об., 3 об., № 6, л. 1.
[100] ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, л. 33 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 7 июля 1654 г.).
[101] Там же, л. 41 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 1 июля 1654 г.).

ницкий в марте 1655 г. писал царю Алексею Михайловичу, что польская шляхта «под Охматовым во многих днях с нами свальный бой имеючи, всю пехоту свою погубиша» [95]. Потери русского войска и казацких полков также были значительны. Крымские татары в сражении непосредственного участия не приняли [96]. Татарские отряды бесчинствовали около Белой Церкви, Ставищ и других городов, блокировали дороги, захватывали в плен население, убивали и грабили. Много людей, в частности, было истреблено крымскими татарами в Черкассах [97].

В результате боев под Ахматовом русские войска и казацкие полки остановили продвижение в глубь Украины польско-татарских сил, нанесли им поражение и отбросили их на запад. Богдан Хмельницкий писал в связи с этим: «А тебя, великого государя нашего... усердно молим, чтобы твое царское величество и впредь будучие времена нас от неприятелей наших оборонити изволил и... еще большие свои государские нам на помощь присылати войска» [98]. Благоприятный исход боев под Ахматовом был возможен только благодаря совместным действиям русской армии и казацких полков.

После боев под Ахматовом военные действия зимой и весной 1655 г. на Украине продолжались (в частности, при Маковке и Торговице), но польско-шляхетское войско и крымские татары не могли уже предпринять крупного наступления [99].

Поражение Речи Посполитой в 1654 г. объяснялось не только выявившейся в ходе военных действий неподготовленностью к войне. Она не смогла выставить против России значительной армии и все надежды возлагала на посполитое рушение — ополченье и кварцяное (наемное) войско. Шляхта показала полное непонимание положения. Шляхетское ополчение собиралось с величайшим трудом [100]. «И то наказание и заслепление божие, что шляхта не единые охоты к обиранию и деянию отпору неприятелю не чинят», — писал один из польско-литовских магнатов королю летом 1654 г. [101]. Наемные войска, использовавшиеся в основном для гарнизонной службы в пограничных городах и замках, служили до тех пор, пока им платили жалованье, регулярностью уплаты кото-

---

[95] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 6.
[96] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, л. 384.
[97] Там же, л. 419.
[98] ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 1471, лл. 25—26.
[99] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 2 об., 3 об., № 6, л. 1.
[100] ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, л. 33 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 7 июля 1654 г.).
[101] Там же, л. 41 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 1 июля 1654 г.).

ницкий в марте 1655 г. писал царю Алексею Михайловичу, что польская шляхта «под Охматовым во многих днях с нами свальный бой имеючи, всю пехоту свою погубиша»[95]. Потери русского войска и казацких полков также были значительны. Крымские татары в сражении непосредственного участия не приняли[96]. Татарские отряды бесчинствовали около Белой Церкви, Ставищ и других городов, блокировали дороги, захватывали в плен население, убивали и грабили. Много людей, в частности, было истреблено крымскими татарами в Черкассах[97].

В результате боев под Ахматовом русские войска и казацкие полки остановили продвижение в глубь Украины польско-татарских сил, нанесли им поражение и отбросили их на запад. Богдан Хмельницкий писал в связи с этим: «А тебя, великого государя нашего... усердно молим, чтобы твое царское величество и впредь будучие времена нас от неприятелей наших оборонити изволил и... еще большие свои государские нам на помощь присылати войска»[98]. Благоприятный исход боев под Ахматовом был возможен только благодаря совместным действиям русской армии и казацких полков.

После боев под Ахматовом военные действия зимой и весной 1655 г. на Украине продолжались (в частности, при Маковке и Торговице), но польско-шляхетское войско и крымские татары не могли уже предпринять крупного наступления[99].

Поражение Речи Посполитой в 1654 г. объяснялось не только выявившейся в ходе военных действий неподготовленностью к войне. Она не смогла выставить против России значительной армии и все надежды возлагала на посполитое рушение — ополченье и кварцяное (наемное) войско. Шляхта показала полное непонимание положения. Шляхетское ополчение собиралось с величайшим трудом[100]. «И то наказание и заслепление божие, что шляхта не единые охоты к обиранию и деянию отпору неприятелю не чинят», — писал один из польско-литовских магнатов королю летом 1654 г.[101]. Наемные войска, использовавшиеся в основном для гарнизонной службы в пограничных городах и замках, служили до тех пор, пока им платили жалованье, регулярностью уплаты кото-

---

[95] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 6.
[96] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, л. 384.
[97] Там же, л. 419.
[98] ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 1471, лл. 25—26.
[99] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 2 об., 3 об., № 6, л. 1.
[100] ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, л. 33 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 7 июля 1654 г.).
[101] Там же, л. 41 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 1 июля 1654 г.).

ницкий в марте 1655 г. писал царю Алексею Михайловичу, что польская шляхта «под Охматовым во многих днях с нами свальный бой имеючи, всю пехоту свою погубиша» [95]. Потери русского войска и казацких полков также были значительны. Крымские татары в сражении непосредственного участия не приняли [96]. Татарские отряды бесчинствовали около Белой Церкви, Ставищ и других городов, блокировали дороги, захватывали в плен население, убивали и грабили. Много людей, в частности, было истреблено крымскими татарами в Черкассах [97].

В результате боев под Ахматовом русские войска и казацкие полки остановили продвижение в глубь Украины польско-татарских сил, нанесли им поражение и отбросили их на запад. Богдан Хмельницкий писал в связи с этим: «А тебя, великого государя нашего... усердно молим, чтобы твое царское величество и впредь будучие времена нас от неприятелей наших оборонити изволил и... еще большие свои государские нам на помощь присылати войска» [98]. Благоприятный исход боев под Ахматовом был возможен только благодаря совместным действиям русской армии и казацких полков.

После боев под Ахматовом военные действия зимой и весной 1655 г. на Украине продолжались (в частности, при Маковке и Торговице), но польско-шляхетское войско и крымские татары не могли уже предпринять крупного наступления [99].

Поражение Речи Посполитой в 1654 г. объяснялось не только выявившейся в ходе военных действий неподготовленностью к войне. Она не смогла выставить против России значительной армии и все надежды возлагала на посполитое рушение — ополченье и кварцяное (наемное) войско. Шляхта показала полное непонимание положения. Шляхетское ополчение собиралось с величайшим трудом [100]. «И то наказание и заслепление божие, что шляхта не единые охоты к обиранию и деянию отпору неприятелю не чинят», — писал один из польско-литовских магнатов королю летом 1654 г. [101]. Наемные войска, использовавшиеся в основном для гарнизонной службы в пограничных городах и замках, служили до тех пор, пока им платили жалованье, регулярностью уплаты кото-

---

[95] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 6.
[96] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, л. 384.
[97] Там же, л. 419.
[98] ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 1471, лл. 25—26.
[99] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 2 об., 3 об., № 6, л. 1.
[100] ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, л. 33 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 7 июля 1654 г.).
[101] Там же, л. 41 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 1 июля 1654 г.).

ницкий в марте 1655 г. писал царю Алексею Михайловичу, что польская шляхта «под Охматовым во многих днях с нами свальный бой имеючи, всю пехоту свою погубиша» [95]. Потери русского войска и казацких полков также были значительны. Крымские татары в сражении непосредственного участия не приняли [96]. Татарские отряды бесчинствовали около Белой Церкви, Ставищ и других городов, блокировали дороги, захватывали в плен население, убивали и грабили. Много людей, в частности, было истреблено крымскими татарами в Черкассах [97].

В результате боев под Ахматовом русские войска и казацкие полки остановили продвижение в глубь Украины польско-татарских сил, нанесли им поражение и отбросили их на запад. Богдан Хмельницкий писал в связи с этим: «А тебя, великого государя нашего... усердно молим, чтобы твое царское величество и впредь будучие времена нас от неприятелей наших оборонити изволил и... еще большие свои государские нам на помощь присылати войска» [98]. Благоприятный исход боев под Ахматовом был возможен только благодаря совместным действиям русской армии и казацких полков.

После боев под Ахматовом военные действия зимой и весной 1655 г. на Украине продолжались (в частности, при Маковке и Торговице), но польско-шляхетское войско и крымские татары не могли уже предпринять крупного наступления [99].

Поражение Речи Посполитой в 1654 г. объяснялось не только выявившейся в ходе военных действий неподготовленностью к войне. Она не смогла выставить против России значительной армии и все надежды возлагала на посполитое рушение — ополченье и кварцяное (наемное) войско. Шляхта показала полное непонимание положения. Шляхетское ополчение собиралось с величайшим трудом [100]. «И то наказание и заслепление божие, что шляхта не единые охоты к обиранию и деянию отпору неприятелю не чинят», — писал один из польско-литовских магнатов королю летом 1654 г. [101]. Наемные войска, использовавшиеся в основном для гарнизонной службы в пограничных городах и замках, служили до тех пор, пока им платили жалованье, регулярностью уплаты кото-

---

[95] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 6.
[96] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, л. 384.
[97] Там же, л. 419.
[98] ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 1471, лл. 25—26.
[99] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 2 об., 3 об., № 6, л. 1.
[100] ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, л. 33 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 7 июля 1654 г.).
[101] Там же, л. 41 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 1 июля 1654 г.).

войсками районы[12]. 31 декабря в Старый Быхов с главными силами пришли Я. Радзивилл и Гонсевский[13], а 4—5 января 1655 г. двенадцатитысячное польско-литовское войско осадило в Новом Быхове шеститысячное войско И. Золотаренко[14]. Иван Золотаренко активно оборонялся, производил вылазки и не допустил полного окружения. Из Нового Быхова в царский стан приезжали «с нужею» гонцы и говорили, что можно проехать сквозь «ляцково обележанья». Вскоре после начала осады Нового Быхова и «весь люд его погромил, что едва только сам оный Несвижский утек, что и языков добрых панов взял на погроме оном»[15].

О наступлении польско-литовских войск главное русское командование в Вязьме узнало 17 января 1655 г.[16]. На другой же день было указано служилым людям и солдатам из Москвы и других городов собираться в Вязьму, Смоленск, Брянск и Великие Луки — где кому указано быть[17].

В конце января 1655 г. из Вязьмы в Брянск был послан А. Н. Трубецкой. Ему предписывалось, чтобы он спешил на службу, «а товарищем потому ж велел итить за собою во Брянск со всею службою»[18]. А. Н. Трубецкой должен был стягивать свои войска не мешкая, «чтоб не дать недругу войти в свои городы, чтобы ево встретить в ево земле». Это распоряжение сопровождалось морализующей сентенцией: «До тех мест огонь и тушить, доколе не разгорелся, а как разгорица, от чего, храни боже, неколи тушить»[19]. Тогда же было приказано полковнику Герману Фанстадену немедленно идти из Шклова в Могилев со всем полком к Ю. И. Ромодановскому[20].

Во второй половине февраля А. Н. Трубецкой прибыл в Брянск[21]. Я. Радзивиллу и Гонсевскому не удалось взять Новый Быхов и принудить И. Золотаренко капитулировать. Оставив заслон у Нового Быхова, они двинулись к Могилеву и 2 февраля подошли к городу.

На другой день Радзивилл прислал русским воеводам письмо с предложением сдаться, в ответ на это гарнизон и население города «все сопча до обороны и бою ударили»[22]. В тот же день на помощь в Могилев пришел из Шклова солдатский полк Германа

---

[12] АЮЗР, т. XIV, стр. 473; Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, стр. 111.
[13] АЮЗР, т. XIV, стр. 485.
[14] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 263, л. 309; АЮЗР, т. XIV, стр. 496.
[15] АЮЗР, т. XIV, стр. 520; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 100, л. 29; АЮЗР, т. XIV, стр. 522; Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, стр. 115.
[16] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 100, л. 10; Новгородский стол, ст. 212, лл. 121—122.
[17] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 100, л. 10.
[18] Там же, л. 14. См. также Дворцовые разряды, т. III (1645—1676). СПб., 1852, стр. 456.
[19] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 100, лл. 15—16.
[20] Там же, л. 21.
[21] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 263, л. 259.
[22] АЮЗР, т. XIV, стр. 575; Белоруссия в эпоху феодализма, т. II, стр. 124. Поклонский на это письмо ответил Радзивиллу (АМГ, т. II, № 638).

ницкий в марте 1655 г. писал царю Алексею Михайловичу, что польская шляхта «под Охматовым во многих днях с нами свальный бой имеючи, всю пехоту свою погубиша» [95]. Потери русского войска и казацких полков также были значительны. Крымские татары в сражении непосредственного участия не приняли [96]. Татарские отряды бесчинствовали около Белой Церкви, Ставищ и других городов, блокировали дороги, захватывали в плен население, убивали и грабили. Много людей, в частности, было истреблено крымскими татарами в Черкассах [97].

В результате боев под Ахматовом русские войска и казацкие полки остановили продвижение в глубь Украины польско-татарских сил, нанесли им поражение и отбросили их на запад. Богдан Хмельницкий писал в связи с этим: «А тебя, великого государя нашего... усердно молим, чтобы твое царское величество и впредь будучие времена нас от неприятелей наших оборонити изволил и... еще большие свои государские нам на помощь присылати войска» [98]. Благоприятный исход боев под Ахматовом был возможен только благодаря совместным действиям русской армии и казацких полков.

После боев под Ахматовом военные действия зимой и весной 1655 г. на Украине продолжались (в частности, при Маковке и Торговице), но польско-шляхетское войско и крымские татары не могли уже предпринять крупного наступления [99].

Поражение Речи Посполитой в 1654 г. объяснялось не только выявившейся в ходе военных действий неподготовленностью к войне. Она не смогла выставить против России значительной армии и все надежды возлагала на посполитое рушение — ополченье и кварцяное (наемное) войско. Шляхта показала полное непонимание положения. Шляхетское ополчение собиралось с величайшим трудом [100]. «И то наказание и заслепление божие, что шляхта не единые охоты к обиранию и деянию отпору неприятелю не чинят», — писал один из польско-литовских магнатов королю летом 1654 г. [101]. Наемные войска, использовавшиеся в основном для гарнизонной службы в пограничных городах и замках, служили до тех пор, пока им платили жалованье, регулярностью уплаты кото-

---

[95] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 6.
[96] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, л. 384.
[97] Там же, л. 419.
[98] ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 1471, лл. 25—26.
[99] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 2 об., 3 об., № 6, л. 1.
[100] ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, л. 33 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 7 июля 1654 г.).
[101] Там же, л. 41 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 1 июля 1654 г.).

ницкий в марте 1655 г. писал царю Алексею Михайловичу, что польская шляхта «под Охматовым во многих днях с нами свальный бой имеючи, всю пехоту свою погубиша» [95]. Потери русского войска и казацких полков также были значительны. Крымские татары в сражении непосредственного участия не приняли [96]. Татарские отряды бесчинствовали около Белой Церкви, Ставищ и других городов, блокировали дороги, захватывали в плен население, убивали и грабили. Много людей, в частности, было истреблено крымскими татарами в Черкассах [97].

В результате боев под Ахматовом русские войска и казацкие полки остановили продвижение в глубь Украины польско-татарских сил, нанесли им поражение и отбросили их на запад. Богдан Хмельницкий писал в связи с этим: «А тебя, великого государя нашего... усердно молим, чтобы твое царское величество и впредь будучие времена нас от неприятелей наших оборонити изволил и... еще большие свои государские нам на помощь присылати войска» [98]. Благоприятный исход боев под Ахматовом был возможен только благодаря совместным действиям русской армии и казацких полков.

После боев под Ахматовом военные действия зимой и весной 1655 г. на Украине продолжались (в частности, при Маковке и Торговице), но польско-шляхетское войско и крымские татары не могли уже предпринять крупного наступления [99].

Поражение Речи Посполитой в 1654 г. объяснялось не только выявившейся в ходе военных действий неподготовленностью к войне. Она не смогла выставить против России значительной армии и все надежды возлагала на посполитое рушение — ополченье и кварцяное (наемное) войско. Шляхта показала полное непонимание положения. Шляхетское ополчение собиралось с величайшим трудом [100]. «И то наказание и заслепление божие, что шляхта не единые охоты к обиранию и деянию отпору неприятелю не чинят», — писал один из польско-литовских магнатов королю летом 1654 г. [101]. Наемные войска, использовавшиеся в основном для гарнизонной службы в пограничных городах и замках, служили до тех пор, пока им платили жалованье, регулярностью уплаты кото-

---

[95] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 6.
[96] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, л. 384.
[97] Там же, л. 419.
[98] ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 1471, лл. 25—26.
[99] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 2 об., 3 об., № 6, л. 1.
[100] ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, л. 33 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 7 июля 1654 г.).
[101] Там же, л. 41 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 1 июля 1654 г.).

ницкий в марте 1655 г. писал царю Алексею Михайловичу, что польская шляхта «под Охматовым во многих днях с нами свальный бой имеючи, всю пехоту свою погубиша» [95]. Потери русского войска и казацких полков также были значительны. Крымские татары в сражении непосредственного участия не приняли [96]. Татарские отряды бесчинствовали около Белой Церкви, Ставищ и других городов, блокировали дороги, захватывали в плен население, убивали и грабили. Много людей, в частности, было истреблено крымскими татарами в Черкассах [97].

В результате боев под Ахматовом русские войска и казацкие полки остановили продвижение в глубь Украины польско-татарских сил, нанесли им поражение и отбросили их на запад. Богдан Хмельницкий писал в связи с этим: «А тебя, великого государя нашего... усердно молим, чтобы твое царское величество и впредь будучие времена нас от неприятелей наших оборонити изволил и... еще большие свои государские нам на помощь присылати войска» [98]. Благоприятный исход боев под Ахматовом был возможен только благодаря совместным действиям русской армии и казацких полков.

После боев под Ахматовом военные действия зимой и весной 1655 г. на Украине продолжались (в частности, при Маковке и Торговице), но польско-шляхетское войско и крымские татары не могли уже предпринять крупного наступления [99].

Поражение Речи Посполитой в 1654 г. объяснялось не только выявившейся в ходе военных действий неподготовленностью к войне. Она не смогла выставить против России значительной армии и все надежды возлагала на посполитое рушение — ополченье и кварцяное (наемное) войско. Шляхта показала полное непонимание положения. Шляхетское ополчение собиралось с величайшим трудом [100]. «И то наказание и заслепление божие, что шляхта не единые охоты к обиранию и деянию отпору неприятелю не чинят», — писал один из польско-литовских магнатов королю летом 1654 г. [101]. Наемные войска, использовавшиеся в основном для гарнизонной службы в пограничных городах и замках, служили до тех пор, пока им платили жалованье, регулярностью уплаты кото-

---

95 ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 6.
96 ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, л. 384.
97 Там же, л. 419.
98 ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 1471, лл. 25—26.
99 ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 2 об., 3 об., № 6, л. 1.
100 ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, л. 33 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 7 июля 1654 г.).
101 Там же, л. 41 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 1 июля 1654 г.).

ницкий в марте 1655 г. писал царю Алексею Михайловичу, что польская шляхта «под Охматовым во многих днях с нами свальный бой имеючи, всю пехоту свою погубиша» [95]. Потери русского войска и казацких полков также были значительны. Крымские татары в сражении непосредственного участия не приняли [96]. Татарские отряды бесчинствовали около Белой Церкви, Ставищ и других городов, блокировали дороги, захватывали в плен население, убивали и грабили. Много людей, в частности, было истреблено крымскими татарами в Черкассах [97].

В результате боев под Ахматовом русские войска и казацкие полки остановили продвижение в глубь Украины польско-татарских сил, нанесли им поражение и отбросили их на запад. Богдан Хмельницкий писал в связи с этим: «А тебя, великого государя нашего... усердно молим, чтобы твое царское величество и впредь будучие времена нас от неприятелей наших оборонити изволил и... еще большие свои государские нам на помощь присылати войска» [98]. Благоприятный исход боев под Ахматовом был возможен только благодаря совместным действиям русской армии и казацких полков.

После боев под Ахматовом военные действия зимой и весной 1655 г. на Украине продолжались (в частности, при Маковке и Торговице), но польско-шляхетское войско и крымские татары не могли уже предпринять крупного наступления [99].

Поражение Речи Посполитой в 1654 г. объяснялось не только выявившейся в ходе военных действий неподготовленностью к войне. Она не смогла выставить против России значительной армии и все надежды возлагала на посполитое рушение — ополченье и кварцяное (наемное) войско. Шляхта показала полное непонимание положения. Шляхетское ополчение собиралось с величайшим трудом [100]. «И то наказание и заслепление божие, что шляхта не единые охоты к обиранию и деянию отпору неприятелю не чинят», — писал один из польско-литовских магнатов королю летом 1654 г. [101]. Наемные войска, использовавшиеся в основном для гарнизонной службы в пограничных городах и замках, служили до тех пор, пока им платили жалованье, регулярностью уплаты кото-

---

[95] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 6.
[96] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, л. 384.
[97] Там же, л. 419.
[98] ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 1471, лл. 25—26.
[99] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 2 об., 3 об., № 6, л. 1.
[100] ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, л. 33 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 7 июля 1654 г.).
[101] Там же, л. 41 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 1 июля 1654 г.).

ницкий в марте 1655 г. писал царю Алексею Михайловичу, что польская шляхта «под Охматовым во многих днях с нами свальный бой имеючи, всю пехоту свою погубиша»[95]. Потери русского войска и казацких полков также были значительны. Крымские татары в сражении непосредственного участия не приняли[96]. Татарские отряды бесчинствовали около Белой Церкви, Ставищ и других городов, блокировали дороги, захватывали в плен население, убивали и грабили. Много людей, в частности, было истреблено крымскими татарами в Черкассах[97].

В результате боев под Ахматовом русские войска и казацкие полки остановили продвижение в глубь Украины польско-татарских сил, нанесли им поражение и отбросили их на запад. Богдан Хмельницкий писал в связи с этим: «А тебя, великого государя нашего... усердно молим, чтобы твое царское величество и впредь будучие времена нас от неприятелей наших оборонити изволил и... еще большие свои государские нам на помощь присылати войска»[98]. Благоприятный исход боев под Ахматовом был возможен только благодаря совместным действиям русской армии и казацких полков.

После боев под Ахматовом военные действия зимой и весной 1655 г. на Украине продолжались (в частности, при Маковке и Торговице), но польско-шляхетское войско и крымские татары не могли уже предпринять крупного наступления[99].

Поражение Речи Посполитой в 1654 г. объяснялось не только выявившейся в ходе военных действий неподготовленностью к войне. Она не смогла выставить против России значительной армии и все надежды возлагала на посполитое рушение — ополченье и кварцяное (наемное) войско. Шляхта показала полное непонимание положения. Шляхетское ополчение собиралось с величайшим трудом[100]. «И то наказание и заслепление божие, что шляхта не единые охоты к обиранию и деянию отпору неприятелю не чинят», — писал один из польско-литовских магнатов королю летом 1654 г.[101]. Наемные войска, использовавшиеся в основном для гарнизонной службы в пограничных городах и замках, служили до тех пор, пока им платили жалованье, регулярностью уплаты кото-

---

[95] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 6.
[96] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, л. 384.
[97] Там же, л. 419.
[98] ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 1471, лл. 25—26.
[99] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 2 об., 3 об., № 6, л. 1.
[100] ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, л. 33 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 7 июля 1654 г.).
[101] Там же, л. 41 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 1 июля 1654 г.).

ницкий в марте 1655 г. писал царю Алексею Михайловичу, что польская шляхта «под Охматовым во многих днях с нами свальный бой имеючи, всю пехоту свою погубиша» [95]. Потери русского войска и казацких полков также были значительны. Крымские татары в сражении непосредственного участия не приняли [96]. Татарские отряды бесчинствовали около Белой Церкви, Ставищ и других городов, блокировали дороги, захватывали в плен население, убивали и грабили. Много людей, в частности, было истреблено крымскими татарами в Черкассах [97].

В результате боев под Ахматовом русские войска и казацкие полки остановили продвижение в глубь Украины польско-татарских сил, нанесли им поражение и отбросили их на запад. Богдан Хмельницкий писал в связи с этим: «А тебя, великого государя нашего... усердно молим, чтобы твое царское величество и впредь будучие времена нас от неприятелей наших оборонити изволил и... еще большие свои государские нам на помощь присылати войска» [98]. Благоприятный исход боев под Ахматовом был возможен только благодаря совместным действиям русской армии и казацких полков.

После боев под Ахматовом военные действия зимой и весной 1655 г. на Украине продолжались (в частности, при Маковке и Торговице), но польско-шляхетское войско и крымские татары не могли уже предпринять крупного наступления [99].

Поражение Речи Посполитой в 1654 г. объяснялось не только выявившейся в ходе военных действий неподготовленностью к войне. Она не смогла выставить против России значительной армии и все надежды возлагала на посполитое рушение — ополченье и кварцяное (наемное) войско. Шляхта показала полное непонимание положения. Шляхетское ополчение собиралось с величайшим трудом [100]. «И то наказание и заслепление божие, что шляхта не единые охоты к обиранию и деянию отпору неприятелю не чинят», — писал один из польско-литовских магнатов королю летом 1654 г. [101]. Наемные войска, использовавшиеся в основном для гарнизонной службы в пограничных городах и замках, служили до тех пор, пока им платили жалованье, регулярностью уплаты кото-

---

[95] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 6.
[96] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, л. 384.
[97] Там же, л. 419.
[98] ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 1471, лл. 25—26.
[99] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 2 об., 3 об., № 6, л. 1.
[100] ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, л. 33 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 7 июля 1654 г.).
[101] Там же, л. 41 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 1 июля 1654 г.).

ницкий в марте 1655 г. писал царю Алексею Михайловичу, что польская шляхта «под Охматовым во многих днях с нами свальный бой имеючи, всю пехоту свою погубиша» [95]. Потери русского войска и казацких полков также были значительны. Крымские татары в сражении непосредственного участия не приняли [96]. Татарские отряды бесчинствовали около Белой Церкви, Ставищ и других городов, блокировали дороги, захватывали в плен население, убивали и грабили. Много людей, в частности, было истреблено крымскими татарами в Черкассах [97].

В результате боев под Ахматовом русские войска и казацкие полки остановили продвижение в глубь Украины польско-татарских сил, нанесли им поражение и отбросили их на запад. Богдан Хмельницкий писал в связи с этим: «А тебя, великого государя нашего... усердно молим, чтобы твое царское величество и впредь будучие времена нас от неприятелей наших оборонити изволил и... еще большие свои государские нам на помощь присылати войска» [98]. Благоприятный исход боев под Ахматовом был возможен только благодаря совместным действиям русской армии и казацких полков.

После боев под Ахматовом военные действия зимой и весной 1655 г. на Украине продолжались (в частности, при Маковке и Торговице), но польско-шляхетское войско и крымские татары не могли уже предпринять крупного наступления [99].

Поражение Речи Посполитой в 1654 г. объяснялось не только выявившейся в ходе военных действий неподготовленностью к войне. Она не смогла выставить против России значительной армии и все надежды возлагала на посполитое рушение — ополченье и кварцяное (наемное) войско. Шляхта показала полное непонимание положения. Шляхетское ополчение собиралось с величайшим трудом [100]. «И то наказание и заслепление божие, что шляхта не единые охоты к обиранию и деянию отпору неприятелю не чинят», — писал один из польско-литовских магнатов королю летом 1654 г. [101]. Наемные войска, использовавшиеся в основном для гарнизонной службы в пограничных городах и замках, служили до тех пор, пока им платили жалованье, регулярностью уплаты кото-

---

[95] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 6.
[96] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, л. 384.
[97] Там же, л. 419.
[98] ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 1471, лл. 25—26.
[99] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 2 об., 3 об., № 6, л. 1.
[100] ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, л. 33 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 7 июля 1654 г.).
[101] Там же, л. 41 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 1 июля 1654 г.).

ницкий в марте 1655 г. писал царю Алексею Михайловичу, что польская шляхта «под Охматовым во многих днях с нами свальный бой имеючи, всю пехоту свою погубиша» [95]. Потери русского войска и казацких полков также были значительны. Крымские татары в сражении непосредственного участия не приняли [96]. Татарские отряды бесчинствовали около Белой Церкви, Ставищ и других городов, блокировали дороги, захватывали в плен население, убивали и грабили. Много людей, в частности, было истреблено крымскими татарами в Черкассах [97].

В результате боев под Ахматовом русские войска и казацкие полки остановили продвижение в глубь Украины польско-татарских сил, нанесли им поражение и отбросили их на запад. Богдан Хмельницкий писал в связи с этим: «А тебя, великого государя нашего... усердно молим, чтобы твое царское величество и впредь будучие времена нас от неприятелей наших оборонити изволил и... еще большие свои государские нам на помощь присылати войска» [98]. Благоприятный исход боев под Ахматовом был возможен только благодаря совместным действиям русской армии и казацких полков.

После боев под Ахматовом военные действия зимой и весной 1655 г. на Украине продолжались (в частности, при Маковке и Торговице), но польско-шляхетское войско и крымские татары не могли уже предпринять крупного наступления [99].

Поражение Речи Посполитой в 1654 г. объяснялось не только выявившейся в ходе военных действий неподготовленностью к войне. Она не смогла выставить против России значительной армии и все надежды возлагала на посполитое рушение — ополченье и кварцяное (наемное) войско. Шляхта показала полное непонимание положения. Шляхетское ополчение собиралось с величайшим трудом [100]. «И то наказание и заслепление божие, что шляхта не единые охоты к обиранию и деянию отпору неприятелю не чинят», — писал один из польско-литовских магнатов королю летом 1654 г. [101]. Наемные войска, использовавшиеся в основном для гарнизонной службы в пограничных городах и замках, служили до тех пор, пока им платили жалованье, регулярностью уплаты кото-

---

[95] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 6.
[96] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, л. 384.
[97] Там же, л. 419.
[98] ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 1471, лл. 25—26.
[99] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 2 об., 3 об., № 6, л. 1.
[100] ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, л. 33 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 7 июля 1654 г.).
[101] Там же, л. 41 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 1 июля 1654 г.).

ницкий в марте 1655 г. писал царю Алексею Михайловичу, что польская шляхта «под Охматовым во многих днях с нами свальный бой имеючи, всю пехоту свою погубиша» [95]. Потери русского войска и казацких полков также были значительны. Крымские татары в сражении непосредственного участия не приняли [96]. Татарские отряды бесчинствовали около Белой Церкви, Ставищ и других городов, блокировали дороги, захватывали в плен население, убивали и грабили. Много людей, в частности, было истреблено крымскими татарами в Черкассах [97].

В результате боев под Ахматовом русские войска и казацкие полки остановили продвижение в глубь Украины польско-татарских сил, нанесли им поражение и отбросили их на запад. Богдан Хмельницкий писал в связи с этим: «А тебя, великого государя нашего... усердно молим, чтобы твое царское величество и впредь будучие времена нас от неприятелей наших оборонити изволил и... еще большие свои государские нам на помощь присылати войска» [98]. Благоприятный исход боев под Ахматовом был возможен только благодаря совместным действиям русской армии и казацких полков.

После боев под Ахматовом военные действия зимой и весной 1655 г. на Украине продолжались (в частности, при Маковке и Торговице), но польско-шляхетское войско и крымские татары не могли уже предпринять крупного наступления [99].

Поражение Речи Посполитой в 1654 г. объяснялось не только выявившейся в ходе военных действий неподготовленностью к войне. Она не смогла выставить против России значительной армии и все надежды возлагала на посполитое рушение — ополченье и кварцяное (наемное) войско. Шляхта показала полное непонимание положения. Шляхетское ополчение собиралось с величайшим трудом [100]. «И то наказание и заслепление божие, что шляхта не едины охоты к обиранию и деянию отпору неприятелю не чинят», — писал один из польско-литовских магнатов королю летом 1654 г. [101]. Наемные войска, использовавшиеся в основном для гарнизонной службы в пограничных городах и замках, служили до тех пор, пока им платили жалованье, регулярностью уплаты кото-

---

[95] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 6.
[96] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, л. 384.
[97] Там же, л. 419.
[98] ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 1471, лл. 25—26.
[99] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 2 об., 3 об., № 6, л. 1.
[100] ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, л. 33 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 7 июля 1654 г.).
[101] Там же, л. 41 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 1 июля 1654 г.).

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений [8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск [9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией по-прежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин [10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов [11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест [12].

---

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.

[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.

[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468, 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.

[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.

[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

ницкий в марте 1655 г. писал царю Алексею Михайловичу, что польская шляхта «под Охматовым во многих днях с нами свальный бой имеючи, всю пехоту свою погубиша» [95]. Потери русского войска и казацких полков также были значительны. Крымские татары в сражении непосредственного участия не приняли [96]. Татарские отряды бесчинствовали около Белой Церкви, Ставищ и других городов, блокировали дороги, захватывали в плен население, убивали и грабили. Много людей, в частности, было истреблено крымскими татарами в Черкассах [97].

В результате боев под Ахматовом русские войска и казацкие полки остановили продвижение в глубь Украины польско-татарских сил, нанесли им поражение и отбросили их на запад. Богдан Хмельницкий писал в связи с этим: «А тебя, великого государя нашего... усердно молим, чтобы твое царское величество и впредь будучие времена нас от неприятелей наших оборонити изволил и... еще большие свои государские нам на помощь присылати войска» [98]. Благоприятный исход боев под Ахматовом был возможен только благодаря совместным действиям русской армии и казацких полков.

После боев под Ахматовом военные действия зимой и весной 1655 г. на Украине продолжались (в частности, при Маковке и Торговице), но польско-шляхетское войско и крымские татары не могли уже предпринять крупного наступления [99].

Поражение Речи Посполитой в 1654 г. объяснялось не только выявившейся в ходе военных действий неподготовленностью к войне. Она не смогла выставить против России значительной армии и все надежды возлагала на посполитое рушение — ополченье и кварцяное (наемное) войско. Шляхта показала полное непонимание положения. Шляхетское ополчение собиралось с величайшим трудом [100]. «И то наказание и заслепление божие, что шляхта не единые охоты к обиранию и деянию отпору неприятелю не чинят», — писал один из польско-литовских магнатов королю летом 1654 г. [101]. Наемные войска, использовавшиеся в основном для гарнизонной службы в пограничных городах и замках, служили до тех пор, пока им платили жалованье, регулярностью уплаты кото-

---

[95] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 6.
[96] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, л. 384.
[97] Там же, л. 419.
[98] ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 1471, лл. 25—26.
[99] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 2 об., 3 об., № 6, л. 1.
[100] ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, л. 33 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 7 июля 1654 г.).
[101] Там же, л. 41 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 1 июля 1654 г.).

ницкий в марте 1655 г. писал царю Алексею Михайловичу, что польская шляхта «под Охматовым во многих днях с нами свальный бой имеючи, всю пехоту свою погубиша»[95]. Потери русского войска и казацких полков также были значительны. Крымские татары в сражении непосредственного участия не приняли[96]. Татарские отряды бесчинствовали около Белой Церкви, Ставищ и других городов, блокировали дороги, захватывали в плен население, убивали и грабили. Много людей, в частности, было истреблено крымскими татарами в Черкассах[97].

В результате боев под Ахматовом русские войска и казацкие полки остановили продвижение в глубь Украины польско-татарских сил, нанесли им поражение и отбросили их на запад. Богдан Хмельницкий писал в связи с этим: «А тебя, великого государя нашего... усердно молим, чтобы твое царское величество и впредь будучие времена нас от неприятелей наших оборонити изволил и... еще большие свои государские нам на помощь присылати войска»[98]. Благоприятный исход боев под Ахматовом был возможен только благодаря совместным действиям русской армии и казацких полков.

После боев под Ахматовом военные действия зимой и весной 1655 г. на Украине продолжались (в частности, при Маковке и Торговице), но польско-шляхетское войско и крымские татары не могли уже предпринять крупного наступления[99].

Поражение Речи Посполитой в 1654 г. объяснялось не только выявившейся в ходе военных действий неподготовленностью к войне. Она не смогла выставить против России значительной армии и все надежды возлагала на посполитое рушение — ополченье и кварцяное (наемное) войско. Шляхта показала полное непонимание положения. Шляхетское ополчение собиралось с величайшим трудом[100]. «И то наказание и заслепление божие, что шляхта не единые охоты к обиранию и деянию отпору неприятелю не чинят», — писал один из польско-литовских магнатов королю летом 1654 г.[101]. Наемные войска, использовавшиеся в основном для гарнизонной службы в пограничных городах и замках, служили до тех пор, пока им платили жалованье, регулярностью уплаты кото-

---

95 ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 6.
96 ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, л. 384.
97 Там же, л. 419.
98 ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 1471, лл. 25—26.
99 ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 2 об., 3 об., № 6, л. 1.
100 ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, л. 33 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 7 июля 1654 г.).
101 Там же, л. 41 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 1 июля 1654 г.).

ницкий в марте 1655 г. писал царю Алексею Михайловичу, что польская шляхта «под Охматовым во многих днях с нами свальный бой имеючи, всю пехоту свою погубиша»[95]. Потери русского войска и казацких полков также были значительны. Крымские татары в сражении непосредственного участия не приняли[96]. Татарские отряды бесчинствовали около Белой Церкви, Ставищ и других городов, блокировали дороги, захватывали в плен население, убивали и грабили. Много людей, в частности, было истреблено крымскими татарами в Черкассах[97].

В результате боев под Ахматовом русские войска и казацкие полки остановили продвижение в глубь Украины польско-татарских сил, нанесли им поражение и отбросили их на запад. Богдан Хмельницкий писал в связи с этим: «А тебя, великого государя нашего... усердно молим, чтобы твое царское величество и впредь будучие времена нас от неприятелей наших оборонити изволил и... еще большие свои государские нам на помощь присылати войска»[98]. Благоприятный исход боев под Ахматовом был возможен только благодаря совместным действиям русской армии и казацких полков.

После боев под Ахматовом военные действия зимой и весной 1655 г. на Украине продолжались (в частности, при Маковке и Торговице), но польско-шляхетское войско и крымские татары не могли уже предпринять крупного наступления[99].

Поражение Речи Посполитой в 1654 г. объяснялось не только выявившейся в ходе военных действий неподготовленностью к войне. Она не смогла выставить против России значительной армии и все надежды возлагала на посполитое рушение — ополченье и кварцяное (наемное) войско. Шляхта показала полное непонимание положения. Шляхетское ополчение собиралось с величайшим трудом[100]. «И то наказание и заслепление божие, что шляхта не едины охоты к обиранию и деянию отпору неприятелю не чинят», — писал один из польско-литовских магнатов королю летом 1654 г.[101]. Наемные войска, использовавшиеся в основном для гарнизонной службы в пограничных городах и замках, служили до тех пор, пока им платили жалованье, регулярностью уплаты кото-

---

[95] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 6.
[96] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, л. 384.
[97] Там же, л. 419.
[98] ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 1471, лл. 25—26.
[99] ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, л. 2 об., 3 об., № 6, л. 1.
[100] ЦГАДА, Дела польские, 1654, № 2, л. 33 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 7 июля 1654 г.).
[101] Там же, л. 41 (письмо к польскому королю из Орши, видимо, от Я. Радзивилла от 1 июля 1654 г.).

В мае 1655 г. в районе Полоцк—Витебск наблюдалось усиление активности польско-литовских отрядов. 16 мая в Полоцке стало известно, что полковник Лисовский с отрядом в 500 человек пришел из Городца в Полоцкий уезд, в село Ореховичи, в 30 верстах от Полоцка.

Воеводы из Полоцка послали на Лисовского отряд под начальством Г. Малыгина, который, придя в село Ореховичи, бился с неприятелем с «полдня до вечера», захватил его обоз и заставил отступить из Полоцкого уезда[26]. 24 мая подошел под Витебск Лукомский с «немалыми» литовскими людьми. Русскому гарнизону также удалось отбить неприятеля от города, после чего Лукомский разослал свои отряды во многие места, а сам пошел «в свои маетности», в Лукомль[27].

Весной 1655 г. Велиж продолжал оставаться в руках неприятеля. Здесь часто базировались польско-литовские отряды, действовавшие в Витебском уезде. Ликвидировать этот опорный пункт в тылу русских войск было одной из задач русского командования. 15 мая 1655 г. В. П. Шереметеву было отправлено распоряжение, чтобы он послал своего сына Матвея Шереметева с ратными людьми под Велиж, а также стянул туда войска из Белой и Торопца. 27 мая М. Шереметев со своим отрядом подошел к Велижу и после отказа гарнизона сдаться приступил к его осаде[28].

В начале июня русскому командованию стало известно о новой попытке Лукомского двинуться к Витебску. По этим вестям В. П. Шереметеву было приказано усилить на тысячу человек отряд М. Шереметева с тем, чтобы он, не снимая осады Велижа, отбил Лукомского[29]. Русское командование было готово даже ослабить осаду Велижа, лишь бы обезопасить Витебск, но осада Велижа шла успешно, и 17 июня 1655 г. велижский державец Ян Домашевский, велижская шляхта и мещане были вынуждены сдать город русским[30].

Из числа интересных операций в это время в северо-западном секторе военных действий в Белоруссии надо отметить бои под Друей. 20 июня, по вестям из Дисны, из Полоцка «на Друю на полковника Косаровского» был послан Д. Яковлев с служилыми людьми. Русские нанесли неприятелю поражение, взяли пленных, большие трофеи «и таборы литовских людей пожгли»[31].

Ни в мае, ни в июне армия В. П. Шереметева не начала поход на Вильно. Военные действия ограничились осадой и взятием Велижа, осадой Озерищ, борьбой с польско-литовскими отрядами в районе Витебск—Полоцк—Дисна, т. е. чисто местными операциями.

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 127.
[27] Там же, л. 147; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVIII, № 86, ч. II, лл. 13, 15.
[28] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 112, 113, 182, 231.
[29] Там же, л. 230.
[30] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 162, 182; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 382.
[31] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 125.

В мае 1655 г. в районе Полоцк—Витебск наблюдалось усиление активности польско-литовских отрядов. 16 мая в Полоцке стало известно, что полковник Лисовский с отрядом в 500 человек пришел из Городца в Полоцкий уезд, в село Ореховичи, в 30 верстах от Полоцка.

Воеводы из Полоцка послали на Лисовского отряд под начальством Г. Малыгина, который, придя в село Ореховичи, бился с неприятелем с «полдня до вечера», захватил его обоз и заставил отступить из Полоцкого уезда[26]. 24 мая подошел под Витебск Лукомский с «немалыми» литовскими людьми. Русскому гарнизону также удалось отбить неприятеля от города, после чего Лукомский разослал свои отряды во многие места, а сам пошел «в свои маетности», в Лукомль[27].

Весной 1655 г. Велиж продолжал оставаться в руках неприятеля. Здесь часто базировались польско-литовские отряды, действовавшие в Витебском уезде. Ликвидировать этот опорный пункт в тылу русских войск было одной из задач русского командования. 15 мая 1655 г. В. П. Шереметеву было отправлено распоряжение, чтобы он послал своего сына Матвея Шереметева с ратными людьми под Велиж, а также стянул туда войска из Белой и Торопца. 27 мая М. Шереметев со своим отрядом подошел к Велижу и после отказа гарнизона сдаться приступил к его осаде[28].

В начале июня русскому командованию стало известно о новой попытке Лукомского двинуться к Витебску. По этим вестям В. П. Шереметеву было приказано усилить на тысячу человек отряд М. Шереметева с тем, чтобы он, не снимая осады Велижа, отбил Лукомского[29]. Русское командование было готово даже ослабить осаду Велижа, лишь бы обезопасить Витебск, но осада Велижа шла успешно, и 17 июня 1655 г. велижский державец Ян Домашевский, велижская шляхта и мещане были вынуждены сдать город русским[30].

Из числа интересных операций в это время в северо-западном секторе военных действий в Белоруссии надо отметить бои под Друей. 20 июня, по вестям из Дисны, из Полоцка «на Друю на полковника Косаровского» был послан Д. Яковлев с служилыми людьми. Русские нанесли неприятелю поражение, взяли пленных, большие трофеи «и таборы литовских людей пожгли»[31].

Ни в мае, ни в июне армия В. П. Шереметева не начала поход на Вильно. Военные действия ограничились осадой и взятием Велижа, осадой Озерищ, борьбой с польско-литовскими отрядами в районе Витебск—Полоцк—Дисна, т. е. чисто местными операциями.

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 127.
[27] Там же, л. 147; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVIII, № 86, ч. II, лл. 13, 15.
[28] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 112, 113, 182, 231.
[29] Там же, л. 230.
[30] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 162, 182; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 382.
[31] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 125.

В мае 1655 г. в районе Полоцк—Витебск наблюдалось усиление активности польско-литовских отрядов. 16 мая в Полоцке стало известно, что полковник Лисовский с отрядом в 500 человек пришел из Городца в Полоцкий уезд, в село Ореховичи, в 30 верстах от Полоцка.

Воеводы из Полоцка послали на Лисовского отряд под начальством Г. Малыгина, который, придя в село Ореховичи, бился с неприятелем с «полдня до вечера», захватил его обоз и заставил отступить из Полоцкого уезда [26]. 24 мая подошел под Витебск Лукомский с «немалыми» литовскими людьми. Русскому гарнизону также удалось отбить неприятеля от города, после чего Лукомский разослал свои отряды во многие места, а сам пошел «в свои маетности», в Лукомль [27].

Весной 1655 г. Велиж продолжал оставаться в руках неприятеля. Здесь часто базировались польско-литовские отряды, действовавшие в Витебском уезде. Ликвидировать этот опорный пункт в тылу русских войск было одной из задач русского командования. 15 мая 1655 г. В. П. Шереметеву было отправлено распоряжение, чтобы он послал своего сына Матвея Шереметева с ратными людьми под Велиж, а также стянул туда войска из Белой и Торопца. 27 мая М. Шереметев со своим отрядом подошел к Велижу и после отказа гарнизона сдаться приступил к его осаде [28].

В начале июня русскому командованию стало известно о новой попытке Лукомского двинуться к Витебску. По этим вестям В. П. Шереметеву было приказано усилить на тысячу человек отряд М. Шереметева с тем, чтобы он, не снимая осады Велижа, отбил Лукомского [29]. Русское командование было готово даже ослабить осаду Велижа, лишь бы обезопасить Витебск, но осада Велижа шла успешно, и 17 июня 1655 г. велижский державец Ян Домашевский, велижская шляхта и мещане были вынуждены сдать город русским [30].

Из числа интересных операций в это время в северо-западном секторе военных действий в Белоруссии надо отметить бои под Друей. 20 июня, по вестям из Дисны, из Полоцка «на Друю на полковника Косаровского» был послан Д. Яковлев с служилыми людьми. Русские нанесли неприятелю поражение, взяли пленных, большие трофеи «и таборы литовских людей пожгли» [31].

Ни в мае, ни в июне армия В. П. Шереметева не начала поход на Вильно. Военные действия ограничились осадой и взятием Велижа, осадой Озерищ, борьбой с польско-литовскими отрядами в районе Витебск—Полоцк—Дисна, т. е. чисто местными операциями.

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 127.
[27] Там же, л. 147; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVIII, № 86, ч. II, лл. 13, 15.
[28] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 112, 113, 182, 231.
[29] Там же, л. 230.
[30] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 162, 182; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 382.
[31] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 125.

В мае 1655 г. в районе Полоцк—Витебск наблюдалось усиление активности польско-литовских отрядов. 16 мая в Полоцке стало известно, что полковник Лисовский с отрядом в 500 человек пришел из Городца в Полоцкий уезд, в село Ореховичи, в 30 верстах от Полоцка.

Воеводы из Полоцка послали на Лисовского отряд под начальством Г. Малыгина, который, придя в село Ореховичи, бился с неприятелем с «полдня до вечера», захватил его обоз и заставил отступить из Полоцкого уезда[26]. 24 мая подошел под Витебск Лукомский с «немалыми» литовскими людьми. Русскому гарнизону также удалось отбить неприятеля от города, после чего Лукомский разослал свои отряды во многие места, а сам пошел «в свои маетности», в Лукомль[27].

Весной 1655 г. Велиж продолжал оставаться в руках неприятеля. Здесь часто базировались польско-литовские отряды, действовавшие в Витебском уезде. Ликвидировать этот опорный пункт в тылу русских войск было одной из задач русского командования. 15 мая 1655 г. В. П. Шереметеву было отправлено распоряжение, чтобы он послал своего сына Матвея Шереметева с ратными людьми под Велиж, а также стянул туда войска из Белой и Торопца. 27 мая М. Шереметев со своим отрядом подошел к Велижу и после отказа гарнизона сдаться приступил к его осаде[28].

В начале июня русскому командованию стало известно о новой попытке Лукомского двинуться к Витебску. По этим вестям В. П. Шереметеву было приказано усилить на тысячу человек отряд М. Шереметева с тем, чтобы он, не снимая осады Велижа, отбил Лукомского[29]. Русское командование было готово даже ослабить осаду Велижа, лишь бы обезопасить Витебск, но осада Велижа шла успешно, и 17 июня 1655 г. велижский державец Ян Домашевский, велижская шляхта и мещане были вынуждены сдать город русским[30].

Из числа интересных операций в это время в северо-западном секторе военных действий в Белоруссии надо отметить бои под Друей. 20 июня, по вестям из Дисны, из Полоцка «на Друю на полковника Косаровского» был послан Д. Яковлев с служилыми людьми. Русские нанесли неприятелю поражение, взяли пленных, большие трофеи «и таборы литовских людей пожгли»[31].

Ни в мае, ни в июне армия В. П. Шереметева не начала поход на Вильно. Военные действия ограничились осадой и взятием Велижа, осадой Озерищ, борьбой с польско-литовскими отрядами в районе Витебск—Полоцк—Дисна, т. е. чисто местными операциями.

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 127.
[27] Там же, л. 147; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVIII, № 86, ч. II, лл. 13, 15.
[28] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 112, 113, 182, 231.
[29] Там же, л. 230.
[30] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 162, 182; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 382.
[31] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 125.

В мае 1655 г. в районе Полоцк—Витебск наблюдалось усиление активности польско-литовских отрядов. 16 мая в Полоцке стало известно, что полковник Лисовский с отрядом в 500 человек пришел из Городца в Полоцкий уезд, в село Ореховичи, в 30 верстах от Полоцка.

Воеводы из Полоцка послали на Лисовского отряд под начальством Г. Малыгина, который, придя в село Ореховичи, бился с неприятелем с «полдня до вечера», захватил его обоз и заставил отступить из Полоцкого уезда[26]. 24 мая подошел под Витебск Лукомский с «немалыми» литовскими людьми. Русскому гарнизону также удалось отбить неприятеля от города, после чего Лукомский разослал свои отряды во многие места, а сам пошел «в свои маетности», в Лукомль[27].

Весной 1655 г. Велиж продолжал оставаться в руках неприятеля. Здесь часто базировались польско-литовские отряды, действовавшие в Витебском уезде. Ликвидировать этот опорный пункт в тылу русских войск было одной из задач русского командования. 15 мая 1655 г. В. П. Шереметеву было отправлено распоряжение, чтобы он послал своего сына Матвея Шереметева с ратными людьми под Велиж, а также стянул туда войска из Белой и Торопца. 27 мая М. Шереметев со своим отрядом подошел к Велижу и после отказа гарнизона сдаться приступил к его осаде[28].

В начале июня русскому командованию стало известно о новой попытке Лукомского двинуться к Витебску. По этим вестям В. П. Шереметеву было приказано усилить на тысячу человек отряд М. Шереметева с тем, чтобы он, не снимая осады Велижа, отбил Лукомского[29]. Русское командование было готово даже ослабить осаду Велижа, лишь бы обезопасить Витебск, но осада Велижа шла успешно, и 17 июня 1655 г. велижский державец Ян Домашевский, велижская шляхта и мещане были вынуждены сдать город русским[30].

Из числа интересных операций в это время в северо-западном секторе военных действий в Белоруссии надо отметить бои под Друей. 20 июня, по вестям из Дисны, из Полоцка «на Друю на полковника Косаровского» был послан Д. Яковлев с служилыми людьми. Русские нанесли неприятелю поражение, взяли пленных, большие трофеи «и таборы литовских людей пожгли»[31].

Ни в мае, ни в июне армия В. П. Шереметева не начала поход на Вильно. Военные действия ограничились осадой и взятием Велижа, осадой Озерищ, борьбой с польско-литовскими отрядами в районе Витебск—Полоцк—Дисна, т. е. чисто местными операциями.

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 127.
[27] Там же, л. 147; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVIII, № 86, ч. II, лл. 13, 15.
[28] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 112, 113, 182, 231.
[29] Там же, л. 230.
[30] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 162, 182; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 382.
[31] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 125.

В мае 1655 г. в районе Полоцк—Витебск наблюдалось усиление активности польско-литовских отрядов. 16 мая в Полоцке стало известно, что полковник Лисовский с отрядом в 500 человек пришел из Городца в Полоцкий уезд, в село Ореховичи, в 30 верстах от Полоцка.

Воеводы из Полоцка послали на Лисовского отряд под начальством Г. Малыгина, который, придя в село Ореховичи, бился с неприятелем с «полдня до вечера», захватил его обоз и заставил отступить из Полоцкого уезда[26]. 24 мая подошел под Витебск Лукомский с «немалыми» литовскими людьми. Русскому гарнизону также удалось отбить неприятеля от города, после чего Лукомский разослал свои отряды во многие места, а сам пошел «в свои маетности», в Лукомль[27].

Весной 1655 г. Велиж продолжал оставаться в руках неприятеля. Здесь часто базировались польско-литовские отряды, действовавшие в Витебском уезде. Ликвидировать этот опорный пункт в тылу русских войск было одной из задач русского командования. 15 мая 1655 г. В. П. Шереметеву было отправлено распоряжение, чтобы он послал своего сына Матвея Шереметева с ратными людьми под Велиж, а также стянул туда войска из Белой и Торопца. 27 мая М. Шереметев со своим отрядом подошел к Велижу и после отказа гарнизона сдаться приступил к его осаде[28].

В начале июня русскому командованию стало известно о новой попытке Лукомского двинуться к Витебску. По этим вестям В. П. Шереметеву было приказано усилить на тысячу человек отряд М. Шереметева с тем, чтобы он, не снимая осады Велижа, отбил Лукомского[29]. Русское командование было готово даже ослабить осаду Велижа, лишь бы обезопасить Витебск, но осада Велижа шла успешно, и 17 июня 1655 г. велижский державец Ян Домашевский, велижская шляхта и мещане были вынуждены сдать город русским[30].

Из числа интересных операций в это время в северо-западном секторе военных действий в Белоруссии надо отметить бои под Друей. 20 июня, по вестям из Дисны, из Полоцка «на Друю на полковника Косаровского» был послан Д. Яковлев с служилыми людьми. Русские нанесли неприятелю поражение, взяли пленных, большие трофеи «и таборы литовских людей пожгли»[31].

Ни в мае, ни в июне армия В. П. Шереметева не начала поход на Вильно. Военные действия ограничились осадой и взятием Велижа, осадой Озерищ, борьбой с польско-литовскими отрядами в районе Витебск—Полоцк—Дисна, т. е. чисто местными операциями.

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 127.
[27] Там же, л. 147; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVIII, № 86, ч. II, лл. 13, 15.
[28] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 112, 113, 182, 231.
[29] Там же, л. 230.
[30] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 162, 182; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 382.
[31] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 125.

В мае 1655 г. в районе Полоцк—Витебск наблюдалось усиление активности польско-литовских отрядов. 16 мая в Полоцке стало известно, что полковник Лисовский с отрядом в 500 человек пришел из Городца в Полоцкий уезд, в село Ореховичи, в 30 верстах от Полоцка.

Воеводы из Полоцка послали на Лисовского отряд под начальством Г. Малыгина, который, придя в село Ореховичи, бился с неприятелем с «полдня до вечера», захватил его обоз и заставил отступить из Полоцкого уезда [26]. 24 мая подошел под Витебск Лукомский с «немалыми» литовскими людьми. Русскому гарнизону также удалось отбить неприятеля от города, после чего Лукомский разослал свои отряды во многие места, а сам пошел «в свои маетности», в Лукомль [27].

Весной 1655 г. Велиж продолжал оставаться в руках неприятеля. Здесь часто базировались польско-литовские отряды, действовавшие в Витебском уезде. Ликвидировать этот опорный пункт в тылу русских войск было одной из задач русского командования. 15 мая 1655 г. В. П. Шереметеву было отправлено распоряжение, чтобы он послал своего сына Матвея Шереметева с ратными людьми под Велиж, а также стянул туда войска из Белой и Торопца. 27 мая М. Шереметев со своим отрядом подошел к Велижу и после отказа гарнизона сдаться приступил к его осаде [28].

В начале июня русскому командованию стало известно о новой попытке Лукомского двинуться к Витебску. По этим вестям В. П. Шереметеву было приказано усилить на тысячу человек отряд М. Шереметева с тем, чтобы он, не снимая осады Велижа, отбил Лукомского [29]. Русское командование было готово даже ослабить осаду Велижа, лишь бы обезопасить Витебск, но осада Велижа шла успешно, и 17 июня 1655 г. велижский державец Ян Домашевский, велижская шляхта и мещане были вынуждены сдать город русским [30].

Из числа интересных операций в это время в северо-западном секторе военных действий в Белоруссии надо отметить бои под Друей. 20 июня, по вестям из Дисны, из Полоцка «на Друю на полковника Косаровского» был послан Д. Яковлев с служилыми людьми. Русские нанесли неприятелю поражение, взяли пленных, большие трофеи «и таборы литовских людей пожгли» [31].

Ни в мае, ни в июне армия В. П. Шереметева не начала поход на Вильно. Военные действия ограничились осадой и взятием Велижа, осадой Озерищ, борьбой с польско-литовскими отрядами в районе Витебск—Полоцк—Дисна, т. е. чисто местными операциями.

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 127.

[27] Там же, л. 147; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVIII, № 86, ч. II, лл. 13, 15.

[28] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 112, 113, 182, 231.

[29] Там же, л. 230.

[30] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 162, 182; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 382.

[31] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 125.

В мае 1655 г. в районе Полоцк—Витебск наблюдалось усиление активности польско-литовских отрядов. 16 мая в Полоцке стало известно, что полковник Лисовский с отрядом в 500 человек пришел из Городца в Полоцкий уезд, в село Ореховичи, в 30 верстах от Полоцка.

Воеводы из Полоцка послали на Лисовского отряд под начальством Г. Малыгина, который, придя в село Ореховичи, бился с неприятелем с «полдня до вечера», захватил его обоз и заставил отступить из Полоцкого уезда[26]. 24 мая подошел под Витебск Лукомский с «немалыми» литовскими людьми. Русскому гарнизону также удалось отбить неприятеля от города, после чего Лукомский разослал свои отряды во многие места, а сам пошел «в свои маетности», в Лукомль[27].

Весной 1655 г. Велиж продолжал оставаться в руках неприятеля. Здесь часто базировались польско-литовские отряды, действовавшие в Витебском уезде. Ликвидировать этот опорный пункт в тылу русских войск было одной из задач русского командования. 15 мая 1655 г. В. П. Шереметеву было отправлено распоряжение, чтобы он послал своего сына Матвея Шереметева с ратными людьми под Велиж, а также стянул туда войска из Белой и Торопца. 27 мая М. Шереметев со своим отрядом подошел к Велижу и после отказа гарнизона сдаться приступил к его осаде[28].

В начале июня русскому командованию стало известно о новой попытке Лукомского двинуться к Витебску. По этим вестям В. П. Шереметеву было приказано усилить на тысячу человек отряд М. Шереметева с тем, чтобы он, не снимая осады Велижа, отбил Лукомского[29]. Русское командование было готово даже ослабить осаду Велижа, лишь бы обезопасить Витебск, но осада Велижа шла успешно, и 17 июня 1655 г. велижский державец Ян Домашевский, велижская шляхта и мещане были вынуждены сдать город русским[30].

Из числа интересных операций в это время в северо-западном секторе военных действий в Белоруссии надо отметить бои под Друей. 20 июня, по вестям из Дисны, из Полоцка «на Друю на полковника Косаровского» был послан Д. Яковлев с служилыми людьми. Русские нанесли неприятелю поражение, взяли пленных, большие трофеи «и таборы литовских людей пожгли»[31].

Ни в мае, ни в июне армия В. П. Шереметева не начала поход на Вильно. Военные действия ограничились осадой и взятием Велижа, осадой Озерищ, борьбой с польско-литовскими отрядами в районе Витебск—Полоцк—Дисна, т. е. чисто местными операциями.

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 127.
[27] Там же, л. 147; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVIII, № 86, ч. II, лл. 13, 15.
[28] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 112, 113, 182, 231.
[29] Там же, л. 230.
[30] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 162, 182; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 382.
[31] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 125.

В мае 1655 г. в районе Полоцк—Витебск наблюдалось усиление активности польско-литовских отрядов. 16 мая в Полоцке стало известно, что полковник Лисовский с отрядом в 500 человек пришел из Городца в Полоцкий уезд, в село Ореховичи, в 30 верстах от Полоцка.

Воеводы из Полоцка послали на Лисовского отряд под начальством Г. Малыгина, который, придя в село Ореховичи, бился с неприятелем с «полдня до вечера», захватил его обоз и заставил отступить из Полоцкого уезда[26]. 24 мая подошел под Витебск Лукомский с «немалыми» литовскими людьми. Русскому гарнизону также удалось отбить неприятеля от города, после чего Лукомский разослал свои отряды во многие места, а сам пошел «в свои маетности», в Лукомль[27].

Весной 1655 г. Велиж продолжал оставаться в руках неприятеля. Здесь часто базировались польско-литовские отряды, действовавшие в Витебском уезде. Ликвидировать этот опорный пункт в тылу русских войск было одной из задач русского командования. 15 мая 1655 г. В. П. Шереметеву было отправлено распоряжение, чтобы он послал своего сына Матвея Шереметева с ратными людьми под Велиж, а также стянул туда войска из Белой и Торопца. 27 мая М. Шереметев со своим отрядом подошел к Велижу и после отказа гарнизона сдаться приступил к его осаде[28].

В начале июня русскому командованию стало известно о новой попытке Лукомского двинуться к Витебску. По этим вестям В. П. Шереметеву было приказано усилить на тысячу человек отряд М. Шереметева с тем, чтобы он, не снимая осады Велижа, отбил Лукомского[29]. Русское командование было готово даже ослабить осаду Велижа, лишь бы обезопасить Витебск, но осада Велижа шла успешно, и 17 июня 1655 г. велижский державец Ян Домашевский, велижская шляхта и мещане были вынуждены сдать город русским[30].

Из числа интересных операций в это время в северо-западном секторе военных действий в Белоруссии надо отметить бои под Друей. 20 июня, по вестям из Дисны, из Полоцка «на Друю на полковника Косаровского» был послан Д. Яковлев с служилыми людьми. Русские нанесли неприятелю поражение, взяли пленных, большие трофеи «и таборы литовских людей пожгли»[31].

Ни в мае, ни в июне армия В. П. Шереметева не начала поход на Вильно. Военные действия ограничились осадой и взятием Велижа, осадой Озерищ, борьбой с польско-литовскими отрядами в районе Витебск—Полоцк—Дисна, т. е. чисто местными операциями.

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 127.
[27] Там же, л. 147; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVIII, № 86, ч. II, лл. 13, 15.
[28] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 112, 113, 182, 231.
[29] Там же, л. 230.
[30] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 162, 182; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 382.
[31] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 125.

В мае 1655 г. в районе Полоцк—Витебск наблюдалось усиление активности польско-литовских отрядов. 16 мая в Полоцке стало известно, что полковник Лисовский с отрядом в 500 человек пришел из Городца в Полоцкий уезд, в село Ореховичи, в 30 верстах от Полоцка.

Воеводы из Полоцка послали на Лисовского отряд под начальством Г. Малыгина, который, придя в село Ореховичи, бился с неприятелем с «полдня до вечера», захватил его обоз и заставил отступить из Полоцкого уезда [26]. 24 мая подошел под Витебск Лукомский с «немалыми» литовскими людьми. Русскому гарнизону также удалось отбить неприятеля от города, после чего Лукомский разослал свои отряды во многие места, а сам пошел «в свои маетности», в Лукомль [27].

Весной 1655 г. Велиж продолжал оставаться в руках неприятеля. Здесь часто базировались польско-литовские отряды, действовавшие в Витебском уезде. Ликвидировать этот опорный пункт в тылу русских войск было одной из задач русского командования. 15 мая 1655 г. В. П. Шереметеву было отправлено распоряжение, чтобы он послал своего сына Матвея Шереметева с ратными людьми под Велиж, а также стянул туда войска из Белой и Торопца. 27 мая М. Шереметев со своим отрядом подошел к Велижу и после отказа гарнизона сдаться приступил к его осаде [28].

В начале июня русскому командованию стало известно о новой попытке Лукомского двинуться к Витебску. По этим вестям В. П. Шереметеву было приказано усилить на тысячу человек отряд М. Шереметева с тем, чтобы он, не снимая осады Велижа, отбил Лукомского [29]. Русское командование было готово даже ослабить осаду Велижа, лишь бы обезопасить Витебск, но осада Велижа шла успешно, и 17 июня 1655 г. велижский державец Ян Домашевский, велижская шляхта и мещане были вынуждены сдать город русским [30].

Из числа интересных операций в это время в северо-западном секторе военных действий в Белоруссии надо отметить бои под Друей. 20 июня, по вестям из Дисны, из Полоцка «на Друю на полковника Косаровского» был послан Д. Яковлев с служилыми людьми. Русские нанесли неприятелю поражение, взяли пленных, большие трофеи «и таборы литовских людей пожгли» [31].

Ни в мае, ни в июне армия В. П. Шереметева не начала поход на Вильно. Военные действия ограничились осадой и взятием Велижа, осадой Озерищ, борьбой с польско-литовскими отрядами в районе Витебск—Полоцк—Дисна, т. е. чисто местными операциями.

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 127.
[27] Там же, л. 147; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVIII, № 86, ч. II, лл. 13, 15.
[28] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 112, 113, 182, 231.
[29] Там же, л. 230.
[30] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 162, 182; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 382.
[31] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 125.

В мае 1655 г. в районе Полоцк—Витебск наблюдалось усиление активности польско-литовских отрядов. 16 мая в Полоцке стало известно, что полковник Лисовский с отрядом в 500 человек пришел из Городца в Полоцкий уезд, в село Ореховичи, в 30 верстах от Полоцка.

Воеводы из Полоцка послали на Лисовского отряд под начальством Г. Малыгина, который, придя в село Ореховичи, бился с неприятелем с «полдня до вечера», захватил его обоз и заставил отступить из Полоцкого уезда[26]. 24 мая подошел под Витебск Лукомский с «немалыми» литовскими людьми. Русскому гарнизону также удалось отбить неприятеля от города, после чего Лукомский разослал свои отряды во многие места, а сам пошел «в свои маетности», в Лукомль[27].

Весной 1655 г. Велиж продолжал оставаться в руках неприятеля. Здесь часто базировались польско-литовские отряды, действовавшие в Витебском уезде. Ликвидировать этот опорный пункт в тылу русских войск было одной из задач русского командования. 15 мая 1655 г. В. П. Шереметеву было отправлено распоряжение, чтобы он послал своего сына Матвея Шереметева с ратными людьми под Велиж, а также стянул туда войска из Белой и Торопца. 27 мая М. Шереметев со своим отрядом подошел к Велижу и после отказа гарнизона сдаться приступил к его осаде[28].

В начале июня русскому командованию стало известно о новой попытке Лукомского двинуться к Витебску. По этим вестям В. П. Шереметеву было приказано усилить на тысячу человек отряд М. Шереметева с тем, чтобы он, не снимая осады Велижа, отбил Лукомского[29]. Русское командование было готово даже ослабить осаду Велижа, лишь бы обезопасить Витебск, но осада Велижа шла успешно, и 17 июня 1655 г. велижский державец Ян Домашевский, велижская шляхта и мещане были вынуждены сдать город русским[30].

Из числа интересных операций в это время в северо-западном секторе военных действий в Белоруссии надо отметить бои под Друей. 20 июня, по вестям из Дисны, из Полоцка «на Друю на полковника Косаровского» был послан Д. Яковлев с служилыми людьми. Русские нанесли неприятелю поражение, взяли пленных, большие трофеи «и таборы литовских людей пожгли»[31].

Ни в мае, ни в июне армия В. П. Шереметева не начала поход на Вильно. Военные действия ограничились осадой и взятием Велижа, осадой Озерищ, борьбой с польско-литовскими отрядами в районе Витебск—Полоцк—Дисна, т. е. чисто местными операциями.

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 127.
[27] Там же, л. 147; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVIII, № 86, ч. II, лл. 13, 15.
[28] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 112, 113, 182, 231.
[29] Там же, л. 230.
[30] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 162, 182; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 382.
[31] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 125.

почву у русского командования (быть может, даже с ведома Я. Радзивилла), пытаясь найти основу для соглашения с русскими властями[93]. В это же время смолянин Г. Петров, бежавший в конце июля из плена, также сообщил, что виленские мещане хотят сдать город русским. «И мещане виленские приговаривали, что им царскому величеству добить челом и город взять и государевых бояр и воевод встретить с образы и с хлебом от города за 10 верст, потому что им против государевых людей сидеть было в городе не в силу». Но этого «им не поволили учинить Радивил и взял де он с мещан 100 000 злотых, а на те злотые хотел де наймовать ратных людей. И взяв де злотые, отпустил их мещан из Вилны з женами и з детьми и со всеми их животы в город Ковну, а сам де... пошел в маетность свою, в городок Биржи»[94]. По словам Г. Петрова, Радзивилл, Глебович, Сапега и другие литовские магнаты распространили слухи о том, что если им оставят их города и имения, то они готовы служить России. «Да говорили де Радивил и Глебович и Сопега, что городы их и маетности государь поимал и повоевал и пожечь велел, и детца де им негде. И только б де царское величество пожаловал, велел им городи и маетности их отдать, и они б же ему великому государю добили челом и служили ему, государю, а в Польше де у них городов и маетностей нет. А только де им государю не добить челом и не поддатца под ево государеву высокую руку, и им де только бежать будет в Прусы или в Свейскую землю»[95].

Такая позиция литовских магнатов для русского правительства не являлась чем-то неожиданным. Еще осенью 1654 г. русское правительство получило сообщение от русских воевод в Киеве Ф. С. Куракина и Ф. Ф. Волконского о том, что киевский полковник Антон Жданович, ездивший в качестве посла от Б. Хмельницкого в Речь Посполитую и бывший очевидцем сражения между русскими и польско-литовскими шляхетскими войсками под командованием Я. Радзивилла под Шепелевичами в августе 1654 г., показывал: «А гетман де Радивил думает: будет мы, великий государь, ево не пожалуем, как ему впредь быть. И он хочет со всею Литвою продатца свейскому королю»[96].

Таким образом, в конце июля 1655 г., когда русские войска находились уже под Вильно, литовские магнаты и верхушка католического духовенства пытались добиться соглашения с русским правительством на приемлемых для них условиях, каковыми они считали полное сохранение их владений, прав и привилегий.

---

[93] Следует отметить имеющиеся в русских источниках другие упоминания о письмах виленского епископа и Я. Радзивилла к русским боярам и воеводам: «июля в 31 день во вторник послан стольник Иван Иванов, сын Колычев, а с ним послано перевод с листа, что писал к боярам и воеводам бискуп виленский, переводы с листов, что писал Радивил и Гонсевский» (ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 95, лл. 6 об., 7).

[94] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. II, л. 127.

[95] Там же, л. 128.

[96] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 158, лл. 64—66.

В мае 1655 г. в районе Полоцк—Витебск наблюдалось усиление активности польско-литовских отрядов. 16 мая в Полоцке стало известно, что полковник Лисовский с отрядом в 500 человек пришел из Городца в Полоцкий уезд, в село Ореховичи, в 30 верстах от Полоцка.

Воеводы из Полоцка послали на Лисовского отряд под начальством Г. Малыгина, который, придя в село Ореховичи, бился с неприятелем с «полдня до вечера», захватил его обоз и заставил отступить из Полоцкого уезда[26]. 24 мая подошел под Витебск Лукомский с «немалыми» литовскими людьми. Русскому гарнизону также удалось отбить неприятеля от города, после чего Лукомский разослал свои отряды во многие места, а сам пошел «в свои маетности», в Лукомль[27].

Весной 1655 г. Велиж продолжал оставаться в руках неприятеля. Здесь часто базировались польско-литовские отряды, действовавшие в Витебском уезде. Ликвидировать этот опорный пункт в тылу русских войск было одной из задач русского командования. 15 мая 1655 г. В. П. Шереметеву было отправлено распоряжение, чтобы он послал своего сына Матвея Шереметева с ратными людьми под Велиж, а также стянул туда войска из Белой и Торопца. 27 мая М. Шереметев со своим отрядом подошел к Велижу и после отказа гарнизона сдаться приступил к его осаде[28].

В начале июня русскому командованию стало известно о новой попытке Лукомского двинуться к Витебску. По этим вестям В. П. Шереметеву было приказано усилить на тысячу человек отряд М. Шереметева с тем, чтобы он, не снимая осады Велижа, отбил Лукомского[29]. Русское командование было готово даже ослабить осаду Велижа, лишь бы обезопасить Витебск, но осада Велижа шла успешно, и 17 июня 1655 г. велижский державец Ян Домашевский, велижская шляхта и мещане были вынуждены сдать город русским[30].

Из числа интересных операций в это время в северо-западном секторе военных действий в Белоруссии надо отметить бои под Друей. 20 июня, по вестям из Дисны, из Полоцка «на Друю на полковника Косаровского» был послан Д. Яковлев с служилыми людьми. Русские нанесли неприятелю поражение, взяли пленных, большие трофеи «и таборы литовских людей пожгли»[31].

Ни в мае, ни в июне армия В. П. Шереметева не начала поход на Вильно. Военные действия ограничились осадой и взятием Велижа, осадой Озерищ, борьбой с польско-литовскими отрядами в районе Витебск—Полоцк—Дисна, т. е. чисто местными операциями.

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 127.
[27] Там же, л. 147; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVIII, № 86, ч. II, лл. 13, 15.
[28] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 112, 113, 182, 231.
[29] Там же, л. 230.
[30] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 162, 182; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 382.
[31] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 125.

В мае 1655 г. в районе Полоцк—Витебск наблюдалось усиление активности польско-литовских отрядов. 16 мая в Полоцке стало известно, что полковник Лисовский с отрядом в 500 человек пришел из Городца в Полоцкий уезд, в село Ореховичи, в 30 верстах от Полоцка.

Воеводы из Полоцка послали на Лисовского отряд под начальством Г. Малыгина, который, придя в село Ореховичи, бился с неприятелем с «полдня до вечера», захватил его обоз и заставил отступить из Полоцкого уезда[26]. 24 мая подошел под Витебск Лукомский с «немалыми» литовскими людьми. Русскому гарнизону также удалось отбить неприятеля от города, после чего Лукомский разослал свои отряды во многие места, а сам пошел «в свои маетности», в Лукомль[27].

Весной 1655 г. Велиж продолжал оставаться в руках неприятеля. Здесь часто базировались польско-литовские отряды, действовавшие в Витебском уезде. Ликвидировать этот опорный пункт в тылу русских войск было одной из задач русского командования. 15 мая 1655 г. В. П. Шереметеву было отправлено распоряжение, чтобы он послал своего сына Матвея Шереметева с ратными людьми под Велиж, а также стянул туда войска из Белой и Торопца. 27 мая М. Шереметев со своим отрядом подошел к Велижу и после отказа гарнизона сдаться приступил к его осаде[28].

В начале июня русскому командованию стало известно о новой попытке Лукомского двинуться к Витебску. По этим вестям В. П. Шереметеву было приказано усилить на тысячу человек отряд М. Шереметева с тем, чтобы он, не снимая осады Велижа, отбил Лукомского[29]. Русское командование было готово даже ослабить осаду Велижа, лишь бы обезопасить Витебск, но осада Велижа шла успешно, и 17 июня 1655 г. велижский державец Ян Домашевский, велижская шляхта и мещане были вынуждены сдать город русским[30].

Из числа интересных операций в это время в северо-западном секторе военных действий в Белоруссии надо отметить бои под Друей. 20 июня, по вестям из Дисны, из Полоцка «на Друю на полковника Косаровского» был послан Д. Яковлев с служилыми людьми. Русские нанесли неприятелю поражение, взяли пленных, большие трофеи «и таборы литовских людей пожгли»[31].

Ни в мае, ни в июне армия В. П. Шереметева не начала поход на Вильно. Военные действия ограничились осадой и взятием Велижа, осадой Озерищ, борьбой с польско-литовскими отрядами в районе Витебск—Полоцк—Дисна, т. е. чисто местными операциями.

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 127.
[27] Там же, л. 147; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVIII, № 86, ч. II, лл. 13, 15.
[28] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 112, 113, 182, 231.
[29] Там же, л. 230.
[30] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 162, 182; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 382.
[31] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 125.

В мае 1655 г. в районе Полоцк—Витебск наблюдалось усиление активности польско-литовских отрядов. 16 мая в Полоцке стало известно, что полковник Лисовский с отрядом в 500 человек пришел из Городца в Полоцкий уезд, в село Ореховичи, в 30 верстах от Полоцка.

Воеводы из Полоцка послали на Лисовского отряд под начальством Г. Малыгина, который, придя в село Ореховичи, бился с неприятелем с «полдня до вечера», захватил его обоз и заставил отступить из Полоцкого уезда[26]. 24 мая подошел под Витебск Лукомский с «немалыми» литовскими людьми. Русскому гарнизону также удалось отбить неприятеля от города, после чего Лукомский разослал свои отряды во многие места, а сам пошел «в свои маетности», в Лукомль[27].

Весной 1655 г. Велиж продолжал оставаться в руках неприятеля. Здесь часто базировались польско-литовские отряды, действовавшие в Витебском уезде. Ликвидировать этот опорный пункт в тылу русских войск было одной из задач русского командования. 15 мая 1655 г. В. П. Шереметеву было отправлено распоряжение, чтобы он послал своего сына Матвея Шереметева с ратными людьми под Велиж, а также стянул туда войска из Белой и Торопца. 27 мая М. Шереметев со своим отрядом подошел к Велижу и после отказа гарнизона сдаться приступил к его осаде[28].

В начале июня русскому командованию стало известно о новой попытке Лукомского двинуться к Витебску. По этим вестям В. П. Шереметеву было приказано усилить на тысячу человек отряд М. Шереметева с тем, чтобы он, не снимая осады Велижа, отбил Лукомского[29]. Русское командование было готово даже ослабить осаду Велижа, лишь бы обезопасить Витебск, но осада Велижа шла успешно, и 17 июня 1655 г. велижский державец Ян Домашевский, велижская шляхта и мещане были вынуждены сдать город русским[30].

Из числа интересных операций в это время в северо-западном секторе военных действий в Белоруссии надо отметить бои под Друей. 20 июня, по вестям из Дисны, из Полоцка «на Друю на полковника Косаровского» был послан Д. Яковлев с служилыми людьми. Русские нанесли неприятелю поражение, взяли пленных, большие трофеи «и таборы литовских людей пожгли»[31].

Ни в мае, ни в июне армия В. П. Шереметева не начала поход на Вильно. Военные действия ограничились осадой и взятием Велижа, осадой Озерищ, борьбой с польско-литовскими отрядами в районе Витебск—Полоцк—Дисна, т. е. чисто местными операциями.

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 127.
[27] Там же, л. 147; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVIII, № 86, ч. II, лл. 13, 15.
[28] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 112, 113, 182, 231.
[29] Там же, л. 230.
[30] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 162, 182; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 382.
[31] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 125.

В мае 1655 г. в районе Полоцк—Витебск наблюдалось усиление активности польско-литовских отрядов. 16 мая в Полоцке стало известно, что полковник Лисовский с отрядом в 500 человек пришел из Городца в Полоцкий уезд, в село Ореховичи, в 30 верстах от Полоцка.

Воеводы из Полоцка послали на Лисовского отряд под начальством Г. Малыгина, который, придя в село Ореховичи, бился с неприятелем с «полдня до вечера», захватил его обоз и заставил отступить из Полоцкого уезда [26]. 24 мая подошел под Витебск Лукомский с «немалыми» литовскими людьми. Русскому гарнизону также удалось отбить неприятеля от города, после чего Лукомский разослал свои отряды во многие места, а сам пошел «в свои маетности», в Лукомль [27].

Весной 1655 г. Велиж продолжал оставаться в руках неприятеля. Здесь часто базировались польско-литовские отряды, действовавшие в Витебском уезде. Ликвидировать этот опорный пункт в тылу русских войск было одной из задач русского командования. 15 мая 1655 г. В. П. Шереметеву было отправлено распоряжение, чтобы он послал своего сына Матвея Шереметева с ратными людьми под Велиж, а также стянул туда войска из Белой и Торопца. 27 мая М. Шереметев со своим отрядом подошел к Велижу и после отказа гарнизона сдаться приступил к его осаде [28].

В начале июня русскому командованию стало известно о новой попытке Лукомского двинуться к Витебску. По этим вестям В. П. Шереметеву было приказано усилить на тысячу человек отряд М. Шереметева с тем, чтобы он, не снимая осады Велижа, отбил Лукомского [29]. Русское командование было готово даже ослабить осаду Велижа, лишь бы обезопасить Витебск, но осада Велижа шла успешно, и 17 июня 1655 г. велижский державец Ян Домашевский, велижская шляхта и мещане были вынуждены сдать город русским [30].

Из числа интересных операций в это время в северо-западном секторе военных действий в Белоруссии надо отметить бои под Друей. 20 июня, по вестям из Дисны, из Полоцка «на Друю на полковника Косаровского» был послан Д. Яковлев с служилыми людьми. Русские нанесли неприятелю поражение, взяли пленных, большие трофеи «и таборы литовских людей пожгли» [31].

Ни в мае, ни в июне армия В. П. Шереметева не начала поход на Вильно. Военные действия ограничились осадой и взятием Велижа, осадой Озерищ, борьбой с польско-литовскими отрядами в районе Витебск—Полоцк—Дисна, т. е. чисто местными операциями.

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 127.
[27] Там же, л. 147; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVIII, № 86, ч. II, лл. 13, 15.
[28] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 112, 113, 182, 231.
[29] Там же, л. 230.
[30] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 162, 182; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 382.
[31] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 125.

В мае 1655 г. в районе Полоцк—Витебск наблюдалось усиление активности польско-литовских отрядов. 16 мая в Полоцке стало известно, что полковник Лисовский с отрядом в 500 человек пришел из Городца в Полоцкий уезд, в село Ореховичи, в 30 верстах от Полоцка.

Воеводы из Полоцка послали на Лисовского отряд под начальством Г. Малыгина, который, придя в село Ореховичи, бился с неприятелем с «полдня до вечера», захватил его обоз и заставил отступить из Полоцкого уезда[26]. 24 мая подошел под Витебск Лукомский с «немалыми» литовскими людьми. Русскому гарнизону также удалось отбить неприятеля от города, после чего Лукомский разослал свои отряды во многие места, а сам пошел «в свои маетности», в Лукомль[27].

Весной 1655 г. Велиж продолжал оставаться в руках неприятеля. Здесь часто базировались польско-литовские отряды, действовавшие в Витебском уезде. Ликвидировать этот опорный пункт в тылу русских войск было одной из задач русского командования. 15 мая 1655 г. В. П. Шереметеву было отправлено распоряжение, чтобы он послал своего сына Матвея Шереметева с ратными людьми под Велиж, а также стянул туда войска из Белой и Торопца. 27 мая М. Шереметев со своим отрядом подошел к Велижу и после отказа гарнизона сдаться приступил к его осаде[28].

В начале июня русскому командованию стало известно о новой попытке Лукомского двинуться к Витебску. По этим вестям В. П. Шереметеву было приказано усилить на тысячу человек отряд М. Шереметева с тем, чтобы он, не снимая осады Велижа, отбил Лукомского[29]. Русское командование было готово даже ослабить осаду Велижа, лишь бы обезопасить Витебск, но осада Велижа шла успешно, и 17 июня 1655 г. велижский державец Ян Домашевский, велижская шляхта и мещане были вынуждены сдать город русским[30].

Из числа интересных операций в это время в северо-западном секторе военных действий в Белоруссии надо отметить бои под Друей. 20 июня, по вестям из Дисны, из Полоцка «на Друю на полковника Косаровского» был послан Д. Яковлев с служилыми людьми. Русские нанесли неприятелю поражение, взяли пленных, большие трофеи «и таборы литовских людей пожгли»[31].

Ни в мае, ни в июне армия В. П. Шереметева не начала поход на Вильно. Военные действия ограничились осадой и взятием Велижа, осадой Озерищ, борьбой с польско-литовскими отрядами в районе Витебск—Полоцк—Дисна, т. е. чисто местными операциями.

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 127.
[27] Там же, л. 147; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVIII, № 86, ч. II, лл. 13, 15.
[28] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 112, 113, 182, 231.
[29] Там же, л. 230.
[30] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 162, 182; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 382.
[31] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 125.

В мае 1655 г. в районе Полоцк—Витебск наблюдалось усиление активности польско-литовских отрядов. 16 мая в Полоцке стало известно, что полковник Лисовский с отрядом в 500 человек пришел из Городца в Полоцкий уезд, в село Ореховичи, в 30 верстах от Полоцка.

Воеводы из Полоцка послали на Лисовского отряд под начальством Г. Малыгина, который, придя в село Ореховичи, бился с неприятелем с «полдня до вечера», захватил его обоз и заставил отступить из Полоцкого уезда[26]. 24 мая подошел под Витебск Лукомский с «немалыми» литовскими людьми. Русскому гарнизону также удалось отбить неприятеля от города, после чего Лукомский разослал свои отряды во многие места, а сам пошел «в свои маетности», в Лукомль[27].

Весной 1655 г. Велиж продолжал оставаться в руках неприятеля. Здесь часто базировались польско-литовские отряды, действовавшие в Витебском уезде. Ликвидировать этот опорный пункт в тылу русских войск было одной из задач русского командования. 15 мая 1655 г. В. П. Шереметеву было отправлено распоряжение, чтобы он послал своего сына Матвея Шереметева с ратными людьми под Велиж, а также стянул туда войска из Белой и Торопца. 27 мая М. Шереметев со своим отрядом подошел к Велижу и после отказа гарнизона сдаться приступил к его осаде[28].

В начале июня русскому командованию стало известно о новой попытке Лукомского двинуться к Витебску. По этим вестям В. П. Шереметеву было приказано усилить на тысячу человек отряд М. Шереметева с тем, чтобы он, не снимая осады Велижа, отбил Лукомского[29]. Русское командование было готово даже ослабить осаду Велижа, лишь бы обезопасить Витебск, но осада Велижа шла успешно, и 17 июня 1655 г. велижский державец Ян Домашевский, велижская шляхта и мещане были вынуждены сдать город русским[30].

Из числа интересных операций в это время в северо-западном секторе военных действий в Белоруссии надо отметить бои под Друей. 20 июня, по вестям из Дисны, из Полоцка «на Друю на полковника Косаровского» был послан Д. Яковлев с служилыми людьми. Русские нанесли неприятелю поражение, взяли пленных, большие трофеи «и таборы литовских людей пожгли»[31].

Ни в мае, ни в июне армия В. П. Шереметева не начала поход на Вильно. Военные действия ограничились осадой и взятием Велижа, осадой Озерищ, борьбой с польско-литовскими отрядами в районе Витебск—Полоцк—Дисна, т. е. чисто местными операциями.

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 127.
[27] Там же, л. 147; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVIII, № 86, ч. II, лл. 13, 15.
[28] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 112, 113, 182, 231.
[29] Там же, л. 230.
[30] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 162, 182; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 382.
[31] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 125.

В мае 1655 г. в районе Полоцк—Витебск наблюдалось усиление активности польско-литовских отрядов. 16 мая в Полоцке стало известно, что полковник Лисовский с отрядом в 500 человек пришел из Городца в Полоцкий уезд, в село Ореховичи, в 30 верстах от Полоцка.

Воеводы из Полоцка послали на Лисовского отряд под начальством Г. Малыгина, который, придя в село Ореховичи, бился с неприятелем с «полдня до вечера», захватил его обоз и заставил отступить из Полоцкого уезда[26]. 24 мая подошел под Витебск Лукомский с «немалыми» литовскими людьми. Русскому гарнизону также удалось отбить неприятеля от города, после чего Лукомский разослал свои отряды во многие места, а сам пошел «в свои маетности», в Лукомль[27].

Весной 1655 г. Велиж продолжал оставаться в руках неприятеля. Здесь часто базировались польско-литовские отряды, действовавшие в Витебском уезде. Ликвидировать этот опорный пункт в тылу русских войск было одной из задач русского командования. 15 мая 1655 г. В. П. Шереметеву было отправлено распоряжение, чтобы он послал своего сына Матвея Шереметева с ратными людьми под Велиж, а также стянул туда войска из Белой и Торопца. 27 мая М. Шереметев со своим отрядом подошел к Велижу и после отказа гарнизона сдаться приступил к его осаде[28].

В начале июня русскому командованию стало известно о новой попытке Лукомского двинуться к Витебску. По этим вестям В. П. Шереметеву было приказано усилить на тысячу человек отряд М. Шереметева с тем, чтобы он, не снимая осады Велижа, отбил Лукомского[29]. Русское командование было готово даже ослабить осаду Велижа, лишь бы обезопасить Витебск, но осада Велижа шла успешно, и 17 июня 1655 г. велижский державец Ян Домашевский, велижская шляхта и мещане были вынуждены сдать город русским[30].

Из числа интересных операций в это время в северо-западном секторе военных действий в Белоруссии надо отметить бои под Друей. 20 июня, по вестям из Дисны, из Полоцка «на Друю на полковника Косаровского» был послан Д. Яковлев с служилыми людьми. Русские нанесли неприятелю поражение, взяли пленных, большие трофеи «и таборы литовских людей пожгли»[31].

Ни в мае, ни в июне армия В. П. Шереметева не начала поход на Вильно. Военные действия ограничились осадой и взятием Велижа, осадой Озерищ, борьбой с польско-литовскими отрядами в районе Витебск—Полоцк—Дисна, т. е. чисто местными операциями.

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 127.
[27] Там же, л. 147; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVIII, № 86, ч. II, лл. 13, 15.
[28] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 112, 113, 182, 231.
[29] Там же, л. 230.
[30] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 162, 182; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 382.
[31] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 125.

В мае 1655 г. в районе Полоцк—Витебск наблюдалось усиление активности польско-литовских отрядов. 16 мая в Полоцке стало известно, что полковник Лисовский с отрядом в 500 человек пришел из Городца в Полоцкий уезд, в село Ореховичи, в 30 верстах от Полоцка.

Воеводы из Полоцка послали на Лисовского отряд под начальством Г. Малыгина, который, придя в село Ореховичи, бился с неприятелем с «полдня до вечера», захватил его обоз и заставил отступить из Полоцкого уезда[26]. 24 мая подошел под Витебск Лукомский с «немалыми» литовскими людьми. Русскому гарнизону также удалось отбить неприятеля от города, после чего Лукомский разослал свои отряды во многие места, а сам пошел «в свои маетности», в Лукомль[27].

Весной 1655 г. Велиж продолжал оставаться в руках неприятеля. Здесь часто базировались польско-литовские отряды, действовавшие в Витебском уезде. Ликвидировать этот опорный пункт в тылу русских войск было одной из задач русского командования. 15 мая 1655 г. В. П. Шереметеву было отправлено распоряжение, чтобы он послал своего сына Матвея Шереметева с ратными людьми под Велиж, а также стянул туда войска из Белой и Торопца. 27 мая М. Шереметев со своим отрядом подошел к Велижу и после отказа гарнизона сдаться приступил к его осаде[28].

В начале июня русскому командованию стало известно о новой попытке Лукомского двинуться к Витебску. По этим вестям В. П. Шереметеву было приказано усилить на тысячу человек отряд М. Шереметева с тем, чтобы он, не снимая осады Велижа, отбил Лукомского[29]. Русское командование было готово даже ослабить осаду Велижа, лишь бы обезопасить Витебск, но осада Велижа шла успешно, и 17 июня 1655 г. велижский державец Ян Домашевский, велижская шляхта и мещане были вынуждены сдать город русским[30].

Из числа интересных операций в это время в северо-западном секторе военных действий в Белоруссии надо отметить бои под Друей. 20 июня, по вестям из Дисны, из Полоцка «на Друю на полковника Косаровского» был послан Д. Яковлев с служилыми людьми. Русские нанесли неприятелю поражение, взяли пленных, большие трофеи «и таборы литовских людей пожгли»[31].

Ни в мае, ни в июне армия В. П. Шереметева не начала поход на Вильно. Военные действия ограничились осадой и взятием Велижа, осадой Озерищ, борьбой с польско-литовскими отрядами в районе Витебск—Полоцк—Дисна, т. е. чисто местными операциями.

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 127.
[27] Там же, л. 147; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVIII, № 86, ч. II, лл. 13, 15.
[28] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 112, 113, 182, 231.
[29] Там же, л. 230.
[30] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 162, 182; ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 86, ч. I, л. 382.
[31] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, л. 125.

раннский отряд подошел 15 октября. Этот отряд также занял города Ленчно, Раву, Грубешов, Красностав и др. Установить связь с войсками А. Н. Трубецкого не удалось, так как последние не доходя до Бреста повернули обратно. 26 октября 1655 г. отряд П. Потемкина и Д. Выговского вернулся под Львов [134].

Посылка из-под Львова многочисленных отрядов в рейды по тылам неприятеля ослабляла войска, осаждавшие Львов. Осажденный гарнизон без особых усилий удерживал хорошо укрепленный город. В это время стали поступать тревожные сведения о движении крымских и ногайских татар в тылу, на Украине. Гонцы, отправленные к царю Алексею Михайловичу из-под Львова 16 октября 1655 г., были захвачены татарами за г. Константиновым на р. Случь и приведены к крымскому хану, направляющемуся «через черкасские городы к полякам на помочь». 24 октября под Львовом В. В. Бутурлиным и Б. Хмельницким было получено сообщение «про ханов приход на черкасские городы» от воложского господаря Стефана. 27 октября казацкий сотник Михаил Менковский писал Богдану Хмельницкому, что крымский хан с крымскими, ногайскими, белгородскими, очаковскими и другими татарами «со многими людьми» идет «государевыми черкасскими городами к полякам на помочь и пришол к Чолганскому Камени (Теофиполю. — *А. М.*) [135], а хочет приходить на наш... обоз» [136]. Положение создавалось трудное. На Украине войск оставалось мало, так как основные силы принимали участие в походе под Львов. Многочисленные войска крымского хана, не встречая серьезного сопротивления, могли нанести значительный ущерб. Кроме того, возникла угроза удара со стороны татар в тыл войскам, находившимся под Львовом. Главные русские силы находились в Белоруссии и в Литве и не смогли бы оказать быстрой помощи.

В этих условиях было принято решение об отходе из-под Львова на восток. Во время отхода, когда войска еще не дошли до г. Езерне (Озерной) [137], 8 ноября 1655 г. татары напали «изгоном» на обоз Г. Ромодановского, но «людям ничего не учинили». 9 ноября войска Богдана Хмельницкого и В. В. Бутурлина подошли к Озерной. В этот день казаки и их обоз переправились на другой берег, причем переправу охраняли войска В. В. Бутурлина. На другой день, 10 ноября, когда начал переправляться русский обоз, на русское войско напали крымский хан и польский отряд из Каменец-Подольска во главе с Петром Потоцким, воеводой Брацлавским, старостой Каменецким и сыном гетмана Лянцкоронского. «И на обозы наши, — доносил В. В. Бутурлин, — присылал хан многих людей и велел ударить со всех сторон, спереду на обоз гетмана Богдана Хмельницкого, а с левые стороны на обоз товары-

---

[134] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 317—320.
[135] В южной Волыни.
[136] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 334—335.
[137] Около 100 км от Львова.

ранский отряд подошел 15 октября. Этот отряд также занял города Ленчно, Раву, Грубешов, Красностав и др. Установить связь с войсками А. Н. Трубецкого не удалось, так как последние не доходя до Бреста повернули обратно. 26 октября 1655 г. отряд П. Потемкина и Д. Выговского вернулся под Львов [134].

Посылка из-под Львова многочисленных отрядов в рейды по тылам неприятеля ослабляла войска, осаждавшие Львов. Осажденный гарнизон без особых усилий удерживал хорошо укрепленный город. В это время стали поступать тревожные сведения о движении крымских и ногайских татар в тылу, на Украине. Гонцы, отправленные к царю Алексею Михайловичу из-под Львова 16 октября 1655 г., были захвачены татарами за г. Константиновым на р. Случь и приведены к крымскому хану, направляющемуся «через черкасские городы к полякам на помочь». 24 октября под Львовом В. В. Бутурлиным и Б. Хмельницким было получено сообщение «про ханов приход на черкасские городы» от воложского господаря Стефана. 27 октября казацкий сотник Михаил Менковский писал Богдану Хмельницкому, что крымский хан с крымскими, ногайскими, белгородскими, очаковскими и другими татарами «со многими людьми» идет «государевыми черкасскими городами к полякам на помочь и пришол к Чолганскому Камени (Теофиполю. — *А. М.*) [135], а хочет приходить на наш... обоз» [136]. Положение создавалось трудное. На Украине войск оставалось мало, так как основные силы принимали участие в походе под Львов. Многочисленные войска крымского хана, не встречая серьезного сопротивления, могли нанести значительный ущерб. Кроме того, возникла угроза удара со стороны татар в тыл войскам, находившимся под Львовом. Главные русские силы находились в Белоруссии и в Литве и не смогли бы оказать быстрой помощи.

В этих условиях было принято решение об отходе из-под Львова на восток. Во время отхода, когда войска еще не дошли до г. Езерне (Озерной) [137], 8 ноября 1655 г. татары напали «изгоном» на обоз Г. Ромодановского, но «людям ничего не учинили». 9 ноября войска Богдана Хмельницкого и В. В. Бутурлина подошли к Озерной. В этот день казаки и их обоз переправились на другой берег, причем переправу охраняли войска В. В. Бутурлина. На другой день, 10 ноября, когда начал переправляться русский обоз, на русское войско напали крымский хан и польский отряд из Каменец-Подольска во главе с Петром Потоцким, воеводой Брацлавским, старостой Каменецким и сыном гетмана Лянцкоронского. «И на обозы наши, — доносил В. В. Бутурлин, — присылал хан многих людей и велел ударить со всех сторон, спереду на обоз гетмана Богдана Хмельницкого, а с левые стороны на обоз товары-

---

134 ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 317—320.
135 В южной Волыни.
136 ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 334—335.
137 Около 100 км от Львова.

раннский отряд подошел 15 октября. Этот отряд также занял города Ленчно, Раву, Грубешов, Красностав и др. Установить связь с войсками А. Н. Трубецкого не удалось, так как последние не доходя до Бреста повернули обратно. 26 октября 1655 г. отряд П. Потемкина и Д. Выговского вернулся под Львов [134].

Посылка из-под Львова многочисленных отрядов в рейды по тылам неприятеля ослабляла войска, осаждавшие Львов. Осажденный гарнизон без особых усилий удерживал хорошо укрепленный город. В это время стали поступать тревожные сведения о движении крымских и ногайских татар в тылу, на Украине. Гонцы, отправленные к царю Алексею Михайловичу из-под Львова 16 октября 1655 г., были захвачены татарами за г. Константиновым на р. Случь и приведены к крымскому хану, направляющемуся «через черкасские городы к полякам на помочь». 24 октября под Львовом В. В. Бутурлиным и Б. Хмельницким было получено сообщение «про ханов приход на черкасские городы» от воложского господаря Стефана. 27 октября казацкий сотник Михаил Менковский писал Богдану Хмельницкому, что крымский хан с крымскими, ногайскими, белгородскими, очаковскими и другими татарами «со многими людьми» идет «государевыми черкасскими городами к полякам на помочь и пришол к Чолганскому Камени (Теофиполю. — *А. М.*) [135], а хочет приходить на наш... обоз» [136]. Положение создавалось трудное. На Украине войск оставалось мало, так как основные силы принимали участие в походе под Львов. Многочисленные войска крымского хана, не встречая серьезного сопротивления, могли нанести значительный ущерб. Кроме того, возникла угроза удара со стороны татар в тыл войскам, находившимся под Львовом. Главные русские силы находились в Белоруссии и в Литве и не смогли бы оказать быстрой помощи.

В этих условиях было принято решение об отходе из-под Львова на восток. Во время отхода, когда войска еще не дошли до г. Езерне (Озерной) [137], 8 ноября 1655 г. татары напали «изгоном» на обоз Г. Ромодановского, но «людям ничего не учинили». 9 ноября войска Богдана Хмельницкого и В. В. Бутурлина подошли к Озерной. В этот день казаки и их обоз переправились на другой берег, причем переправу охраняли войска В. В. Бутурлина. На другой день, 10 ноября, когда начал переправляться русский обоз, на русское войско напали крымский хан и польский отряд из Каменец-Подольска во главе с Петром Потоцким, воеводой Браславским, старостой Каменецким и сыном гетмана Лянцкоронского. «И на обозы наши, — доносил В. В. Бутурлин, — присылал хан многих людей и велел ударить со всех сторон, спереду на обоз гетмана Богдана Хмельницкого, а с левые стороны на обоз товары-

---

[134] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 317—320.
[135] В южной Волыни.
[136] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 334—335.
[137] Около 100 км от Львова.

раннский отряд подошел 15 октября. Этот отряд также занял города Ленчно, Раву, Грубешов, Красностав и др. Установить связь с войсками А. Н. Трубецкого не удалось, так как последние не доходя до Бреста повернули обратно. 26 октября 1655 г. отряд П. Потемкина и Д. Выговского вернулся под Львов [134].

Посылка из-под Львова многочисленных отрядов в рейды по тылам неприятеля ослабляла войска, осаждавшие Львов. Осажденный гарнизон без особых усилий удерживал хорошо укрепленный город. В это время стали поступать тревожные сведения о движении крымских и ногайских татар в тылу, на Украине. Гонцы, отправленные к царю Алексею Михайловичу из-под Львова 16 октября 1655 г., были захвачены татарами за г. Константиновым на р. Случь и приведены к крымскому хану, направляющемуся «через черкасские городы к полякам на помочь». 24 октября под Львовом В. В. Бутурлиным и Б. Хмельницким было получено сообщение «про ханов приход на черкасские городы» от воложского господаря Стефана. 27 октября казацкий сотник Михаил Менковский писал Богдану Хмельницкому, что крымский хан с крымскими, ногайскими, белгородскими, очаковскими и другими татарами «со многими людьми» идет «государевыми черкасскими городами к полякам на помочь и пришол к Чолганскому Камени (Теофиполю. — *А. М.*) [135], а хочет приходить на наш... обоз» [136]. Положение создавалось трудное. На Украине войск оставалось мало, так как основные силы принимали участие в походе под Львов. Многочисленные войска крымского хана, не встречая серьезного сопротивления, могли нанести значительный ущерб. Кроме того, возникла угроза удара со стороны татар в тыл войскам, находившимся под Львовом. Главные русские силы находились в Белоруссии и в Литве и не смогли бы оказать быстрой помощи.

В этих условиях было принято решение об отходе из-под Львова на восток. Во время отхода, когда войска еще не дошли до г. Езерне (Озерной) [137], 8 ноября 1655 г. татары напали «изгоном» на обоз Г. Ромодановского, но «людям ничего не учинили». 9 ноября войска Богдана Хмельницкого и В. В. Бутурлина подошли к Озерной. В этот день казаки и их обоз переправились на другой берег, причем переправу охраняли войска В. В. Бутурлина. На другой день, 10 ноября, когда начал переправляться русский обоз, на русское войско напали крымский хан и польский отряд из Каменец-Подольска во главе с Петром Потоцким, воеводой Брацлавским, старостой Каменецким и сыном гетмана Лянцкоронского. «И на обозы наши, — доносил В. В. Бутурлин, — присылал хан многих людей и велел ударить со всех сторон, спереду на обоз гетмана Богдана Хмельницкого, а с левые стороны на обоз товары-

---

[134] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 317—320.
[135] В южной Волыни.
[136] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 334—335.
[137] Около 100 км от Львова.

раннский отряд подошел 15 октября. Этот отряд также занял города Ленчно, Раву, Грубешов, Красностав и др. Установить связь с войсками А. Н. Трубецкого не удалось, так как последние не доходя до Бреста повернули обратно. 26 октября 1655 г. отряд П. Потемкина и Д. Выговского вернулся под Львов [134].

Посылка из-под Львова многочисленных отрядов в рейды по тылам неприятеля ослабляла войска, осаждавшие Львов. Осажденный гарнизон без особых усилий удерживал хорошо укрепленный город. В это время стали поступать тревожные сведения о движении крымских и ногайских татар в тылу, на Украине. Гонцы, отправленные к царю Алексею Михайловичу из-под Львова 16 октября 1655 г., были захвачены татарами за г. Константиновым на р. Случь и приведены к крымскому хану, направляющемуся «через черкасские городы к полякам на помочь». 24 октября под Львовом В. В. Бутурлиным и Б. Хмельницким было получено сообщение «про ханов приход на черкасские городы» от воложского господаря Стефана. 27 октября казацкий сотник Михаил Менковский писал Богдану Хмельницкому, что крымский хан с крымскими, ногайскими, белгородскими, очаковскими и другими татарами «со многими людьми» идет «государевыми черкасскими городами к полякам на помочь и пришол к Чолганскому Камени (Теофиполю. — *А. М.*) [135], а хочет приходить на наш... обоз» [136]. Положение создавалось трудное. На Украине войск оставалось мало, так как основные силы принимали участие в походе под Львов. Многочисленные войска крымского хана, не встречая серьезного сопротивления, могли нанести значительный ущерб. Кроме того, возникла угроза удара со стороны татар в тыл войскам, находившимся под Львовом. Главные русские силы находились в Белоруссии и в Литве и не смогли бы оказать быстрой помощи.

В этих условиях было принято решение об отходе из-под Львова на восток. Во время отхода, когда войска еще не дошли до г. Езерне (Озерной) [137], 8 ноября 1655 г. татары напали «изгоном» на обоз Г. Ромодановского, но «людям ничего не учинили». 9 ноября войска Богдана Хмельницкого и В. В. Бутурлина подошли к Озерной. В этот день казаки и их обоз переправились на другой берег, причем переправу охраняли войска В. В. Бутурлина. На другой день, 10 ноября, когда начал переправляться русский обоз, на русское войско напали крымский хан и польский отряд из Каменец-Подольска во главе с Петром Потоцким, воеводой Брацлавским, старостой Каменецким и сыном гетмана Лянцкоронского. «И на обозы наши, — доносил В. В. Бутурлин, — присылал хан многих людей и велел ударить со всех сторон, спереду на обоз гетмана Богдана Хмельницкого, а с левые стороны на обоз товары-

---

[134] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 317—320.
[135] В южной Волыни.
[136] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 334—335.
[137] Около 100 км от Львова.

раннский отряд подошел 15 октября. Этот отряд также занял города Ленчно, Раву, Грубешов, Красностав и др. Установить связь с войсками А. Н. Трубецкого не удалось, так как последние не доходя до Бреста повернули обратно. 26 октября 1655 г. отряд П. Потемкина и Д. Выговского вернулся под Львов [134].

Посылка из-под Львова многочисленных отрядов в рейды по тылам неприятеля ослабляла войска, осаждавшие Львов. Осажденный гарнизон без особых усилий удерживал хорошо укрепленный город. В это время стали поступать тревожные сведения о движении крымских и ногайских татар в тылу, на Украине. Гонцы, отправленные к царю Алексею Михайловичу из-под Львова 16 октября 1655 г., были захвачены татарами за г. Константиновым на р. Случь и приведены к крымскому хану, направляющемуся «через черкасские городы к полякам на помочь». 24 октября под Львовом В. В. Бутурлиным и Б. Хмельницким было получено сообщение «про ханов приход на черкасские городы» от воложского господаря Стефана. 27 октября казацкий сотник Михаил Менковский писал Богдану Хмельницкому, что крымский хан с крымскими, ногайскими, белгородскими, очаковскими и другими татарами «со многими людьми» идет «государевыми черкасскими городами к полякам на помочь и пришол к Чолганскому Камени (Теофиполю. — *А. М.*) [135], а хочет приходить на наш... обоз» [136]. Положение создавалось трудное. На Украине войск оставалось мало, так как основные силы принимали участие в походе под Львов. Многочисленные войска крымского хана, не встречая серьезного сопротивления, могли нанести значительный ущерб. Кроме того, возникла угроза удара со стороны татар в тыл войскам, находившимся под Львовом. Главные русские силы находились в Белоруссии и в Литве и не смогли бы оказать быстрой помощи.

В этих условиях было принято решение об отходе из-под Львова на восток. Во время отхода, когда войска еще не дошли до г. Езерне (Озерной) [137], 8 ноября 1655 г. татары напали «изгоном» на обоз Г. Ромодановского, но «людям ничего не учинили». 9 ноября войска Богдана Хмельницкого и В. В. Бутурлина подошли к Озерной. В этот день казаки и их обоз переправились на другой берег, причем переправу охраняли войска В. В. Бутурлина. На другой день, 10 ноября, когда начал переправляться русский обоз, на русское войско напали крымский хан и польский отряд из Каменец-Подольска во главе с Петром Потоцким, воеводой Брацлавским, старостой Каменецким и сыном гетмана Лянцкоронского. «И на обозы наши, — доносил В. В. Бутурлин, — присылал хан многих людей и велел ударить со всех сторон, спереду на обоз гетмана Богдана Хмельницкого, а с левые стороны на обоз товары-

---

[134] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 317—320.
[135] В южной Волыни.
[136] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 334—335.
[137] Около 100 км от Львова.

раннский отряд подошел 15 октября. Этот отряд также занял города Ленчно, Раву, Грубешов, Красностав и др. Установить связь с войсками А. Н. Трубецкого не удалось, так как последние не доходя до Бреста повернули обратно. 26 октября 1655 г. отряд П. Потемкина и Д. Выговского вернулся под Львов [134].

Посылка из-под Львова многочисленных отрядов в рейды по тылам неприятеля ослабляла войска, осаждавшие Львов. Осажденный гарнизон без особых усилий удерживал хорошо укрепленный город. В это время стали поступать тревожные сведения о движении крымских и ногайских татар в тылу, на Украине. Гонцы, отправленные к царю Алексею Михайловичу из-под Львова 16 октября 1655 г., были захвачены татарами за г. Константиновым на р. Случь и приведены к крымскому хану, направляющемуся «через черкасские городы к полякам на помочь». 24 октября под Львовом В. В. Бутурлиным и Б. Хмельницким было получено сообщение «про ханов приход на черкасские городы» от воложского господаря Стефана. 27 октября казацкий сотник Михаил Менковский писал Богдану Хмельницкому, что крымский хан с крымскими, ногайскими, белгородскими, очаковскими и другими татарами «со многими людьми» идет «государевыми черкасскими городами к полякам на помочь и пришол к Чолганскому Камени (Теофиполю. — *А. М.*) [135], а хочет приходить на наш... обоз» [136]. Положение создавалось трудное. На Украине войск оставалось мало, так как основные силы принимали участие в походе под Львов. Многочисленные войска крымского хана, не встречая серьезного сопротивления, могли нанести значительный ущерб. Кроме того, возникла угроза удара со стороны татар в тыл войскам, находившимся под Львовом. Главные русские силы находились в Белоруссии и в Литве и не смогли бы оказать быстрой помощи.

В этих условиях было принято решение об отходе из-под Львова на восток. Во время отхода, когда войска еще не дошли до г. Езерне (Озерной) [137], 8 ноября 1655 г. татары напали «изгоном» на обоз Г. Ромодановского, но «людям ничего не учинили». 9 ноября войска Богдана Хмельницкого и В. В. Бутурлина подошли к Озерной. В этот день казаки и их обоз переправились на другой берег, причем переправу охраняли войска В. В. Бутурлина. На другой день, 10 ноября, когда начал переправляться русский обоз, на русское войско напали крымский хан и польский отряд из Каменец-Подольска во главе с Петром Потоцким, воеводой Брацлавским, старостой Каменецким и сыном гетмана Лянцкоронского. «И на обозы наши, — доносил В. В. Бутурлин, — присылал хан многих людей и велел ударить со всех сторон, спереду на обоз гетмана Богдана Хмельницкого, а с левые стороны на обоз товары-

---

[134] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 317—320.
[135] В южной Волыни.
[136] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 334—335.
[137] Около 100 км от Львова.

раинский отряд подошел 15 октября. Этот отряд также занял города Ленчно, Раву, Грубешов, Красностав и др. Установить связь с войсками А. Н. Трубецкого не удалось, так как последние не доходя до Бреста повернули обратно. 26 октября 1655 г. отряд П. Потемкина и Д. Выговского вернулся под Львов [134].

Посылка из-под Львова многочисленных отрядов в рейды по тылам неприятеля ослабляла войска, осаждавшие Львов. Осажденный гарнизон без особых усилий удерживал хорошо укрепленный город. В это время стали поступать тревожные сведения о движении крымских и ногайских татар в тылу, на Украине. Гонцы, отправленные к царю Алексею Михайловичу из-под Львова 16 октября 1655 г., были захвачены татарами за г. Константиновым на р. Случь и приведены к крымскому хану, направляющемуся «через черкасские городы к полякам на помочь». 24 октября под Львовом В. В. Бутурлиным и Б. Хмельницким было получено сообщение «про ханов приход на черкасские городы» от воложского господаря Стефана. 27 октября казацкий сотник Михаил Менковский писал Богдану Хмельницкому, что крымский хан с крымскими, ногайскими, белгородскими, очаковскими и другими татарами «со многими людьми» идет «государевыми черкасскими городами к полякам на помочь и пришол к Чолганскому Камени (Теофиполю. — *А. М.*) [135], а хочет приходить на наш... обоз» [136]. Положение создавалось трудное. На Украине войск оставалось мало, так как основные силы принимали участие в походе под Львов. Многочисленные войска крымского хана, не встречая серьезного сопротивления, могли нанести значительный ущерб. Кроме того, возникла угроза удара со стороны татар в тыл войскам, находившимся под Львовом. Главные русские силы находились в Белоруссии и в Литве и не смогли бы оказать быстрой помощи.

В этих условиях было принято решение об отходе из-под Львова на восток. Во время отхода, когда войска еще не дошли до г. Езерне (Озерной) [137], 8 ноября 1655 г. татары напали «изгоном» на обоз Г. Ромодановского, но «людям ничего не учинили». 9 ноября войска Богдана Хмельницкого и В. В. Бутурлина подошли к Озерной. В этот день казаки и их обоз переправились на другой берег, причем переправу охраняли войска В. В. Бутурлина. На другой день, 10 ноября, когда начал переправляться русский обоз, на русское войско напали крымский хан и польский отряд из Каменец-Подольска во главе с Петром Потоцким, воеводой Брацлавским, старостой Каменецким и сыном гетмана Лянцкоронского. «И на обозы наши, — доносил В. В. Бутурлин, — присылал хан многих людей и велел ударить со всех сторон, спереду на обоз гетмана Богдана Хмельницкого, а с левые стороны на обоз товары-

---

[134] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 317—320.
[135] В южной Волыни.
[136] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 334—335.
[137] Около 100 км от Львова.

раинский отряд подошел 15 октября. Этот отряд также занял города Ленчно, Раву, Грубешов, Красностав и др. Установить связь с войсками А. Н. Трубецкого не удалось, так как последние не доходя до Бреста повернули обратно. 26 октября 1655 г. отряд П. Потемкина и Д. Выговского вернулся под Львов [134].

Посылка из-под Львова многочисленных отрядов в рейды по тылам неприятеля ослабляла войска, осаждавшие Львов. Осажденный гарнизон без особых усилий удерживал хорошо укрепленный город. В это время стали поступать тревожные сведения о движении крымских и ногайских татар в тылу, на Украине. Гонцы, отправленные к царю Алексею Михайловичу из-под Львова 16 октября 1655 г., были захвачены татарами за г. Константиновым на р. Случь и приведены к крымскому хану, направляющемуся «через черкасские городы к полякам на помочь». 24 октября под Львовом В. В. Бутурлиным и Б. Хмельницким было получено сообщение «про ханов приход на черкасские городы» от воложского господаря Стефана. 27 октября казацкий сотник Михаил Менковский писал Богдану Хмельницкому, что крымский хан с крымскими, ногайскими, белгородскими, очаковскими и другими татарами «со многими людьми» идет «государевыми черкасскими городами к полякам на помочь и пришол к Чолганскому Камени (Теофиполю. — *А. М.*) [135], а хочет приходить на наш... обоз» [136]. Положение создавалось трудное. На Украине войск оставалось мало, так как основные силы принимали участие в походе под Львов. Многочисленные войска крымского хана, не встречая серьезного сопротивления, могли нанести значительный ущерб. Кроме того, возникла угроза удара со стороны татар в тыл войскам, находившимся под Львовом. Главные русские силы находились в Белоруссии и в Литве и не смогли бы оказать быстрой помощи.

В этих условиях было принято решение об отходе из-под Львова на восток. Во время отхода, когда войска еще не дошли до г. Езерне (Озерной) [137], 8 ноября 1655 г. татары напали «изгоном» на обоз Г. Ромодановского, но «людям ничего не учинили». 9 ноября войска Богдана Хмельницкого и В. В. Бутурлина подошли к Озерной. В этот день казаки и их обоз переправились на другой берег, причем переправу охраняли войска В. В. Бутурлина. На другой день, 10 ноября, когда начал переправляться русский обоз, на русское войско напали крымский хан и польский отряд из Каменец-Подольска во главе с Петром Потоцким, воеводой Брацлавским, старостой Каменецким и сыном гетмана Лянцкоронского. «И на обозы наши, — доносил В. В. Бутурлин, — присылал хан многих людей и велел ударить со всех сторон, спереду на обоз гетмана Богдана Хмельницкого, а с левые стороны на обоз товары-

---

[134] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 317—320.
[135] В южной Волыни.
[136] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 334—335.
[137] Около 100 км от Львова.

раннский отряд подошел 15 октября. Этот отряд также занял города Ленчно, Раву, Грубешов, Красностав и др. Установить связь с войсками А. Н. Трубецкого не удалось, так как последние не доходя до Бреста повернули обратно. 26 октября 1655 г. отряд П. Потемкина и Д. Выговского вернулся под Львов [134].

Посылка из-под Львова многочисленных отрядов в рейды по тылам неприятеля ослабляла войска, осаждавшие Львов. Осажденный гарнизон без особых усилий удерживал хорошо укрепленный город. В это время стали поступать тревожные сведения о движении крымских и ногайских татар в тылу, на Украине. Гонцы, отправленные к царю Алексею Михайловичу из-под Львова 16 октября 1655 г., были захвачены татарами за г. Константиновым на р. Случь и приведены к крымскому хану, направляющемуся «через черкасские городы к полякам на помочь». 24 октября под Львовом В. В. Бутурлиным и Б. Хмельницким было получено сообщение «про ханов приход на черкасские городы» от воложского господаря Стефана. 27 октября казацкий сотник Михаил Менковский писал Богдану Хмельницкому, что крымский хан с крымскими, ногайскими, белгородскими, очаковскими и другими татарами «со многими людьми» идет «государевыми черкасскими городами к полякам на помочь и пришол к Чолганскому Камени (Теофиполю. — *А. М.*) [135], а хочет приходить на наш... обоз» [136]. Положение создавалось трудное. На Украине войск оставалось мало, так как основные силы принимали участие в походе под Львов. Многочисленные войска крымского хана, не встречая серьезного сопротивления, могли нанести значительный ущерб. Кроме того, возникла угроза удара со стороны татар в тыл войскам, находившимся под Львовом. Главные русские силы находились в Белоруссии и в Литве и не смогли бы оказать быстрой помощи.

В этих условиях было принято решение об отходе из-под Львова на восток. Во время отхода, когда войска еще не дошли до г. Езерне (Озерной) [137], 8 ноября 1655 г. татары напали «изгоном» на обоз Г. Ромодановского, но «людям ничего не учинили». 9 ноября войска Богдана Хмельницкого и В. В. Бутурлина подошли к Озерной. В этот день казаки и их обоз переправились на другой берег, причем переправу охраняли войска В. В. Бутурлина. На другой день, 10 ноября, когда начал переправляться русский обоз, на русское войско напали крымский хан и польский отряд из Каменец-Подольска во главе с Петром Потоцким, воеводой Брацлавским, старостой Каменецким и сыном гетмана Лянцкоронского. «И на обозы наши, — доносил В. В. Бутурлин, — присылал хан многих людей и велел ударить со всех сторон, спереду на обоз гетмана Богдана Хмельницкого, а с левые стороны на обоз товары-

[134] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 317—320.
[135] В южной Волыни.
[136] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 334—335.
[137] Около 100 км от Львова.

раннский отряд подошел 15 октября. Этот отряд также занял города Ленчно, Раву, Грубешов, Красностав и др. Установить связь с войсками А. Н. Трубецкого не удалось, так как последние не доходя до Бреста повернули обратно. 26 октября 1655 г. отряд П. Потемкина и Д. Выговского вернулся под Львов [134].

Посылка из-под Львова многочисленных отрядов в рейды по тылам неприятеля ослабляла войска, осаждавшие Львов. Осажденный гарнизон без особых усилий удерживал хорошо укрепленный город. В это время стали поступать тревожные сведения о движении крымских и ногайских татар в тылу, на Украине. Гонцы, отправленные к царю Алексею Михайловичу из-под Львова 16 октября 1655 г., были захвачены татарами за г. Константиновым на р. Случь и приведены к крымскому хану, направляющемуся «через черкасские городы к полякам на помочь». 24 октября под Львовом В. В. Бутурлиным и Б. Хмельницким было получено сообщение «про ханов приход на черкасские городы» от воложского господаря Стефана. 27 октября казацкий сотник Михаил Менковский писал Богдану Хмельницкому, что крымский хан с крымскими, ногайскими, белгородскими, очаковскими и другими татарами «со многими людьми» идет «государевыми черкасскими городами к полякам на помочь и пришол к Чолганскому Камени (Теофиполю. — *А. М.*) [135], а хочет приходить на наш... обоз» [136]. Положение создавалось трудное. На Украине войск оставалось мало, так как основные силы принимали участие в походе под Львов. Многочисленные войска крымского хана, не встречая серьезного сопротивления, могли нанести значительный ущерб. Кроме того, возникла угроза удара со стороны татар в тыл войскам, находившимся под Львовом. Главные русские силы находились в Белоруссии и в Литве и не смогли бы оказать быстрой помощи.

В этих условиях было принято решение об отходе из-под Львова на восток. Во время отхода, когда войска еще не дошли до г. Езерне (Озерной) [137], 8 ноября 1655 г. татары напали «изгоном» на обоз Г. Ромодановского, но «людям ничего не учинили». 9 ноября войска Богдана Хмельницкого и В. В. Бутурлина подошли к Озерной. В этот день казаки и их обоз переправились на другой берег, причем переправу охраняли войска В. В. Бутурлина. На другой день, 10 ноября, когда начал переправляться русский обоз, на русское войско напали крымский хан и польский отряд из Каменец-Подольска во главе с Петром Потоцким, воеводой Брацлавским, старостой Каменецким и сыном гетмана Лянцкоронского. «И на обозы наши, — доносил В. В. Бутурлин, — присылал хан многих людей и велел ударить со всех сторон, спереду на обоз гетмана Богдана Хмельницкого, а с левые стороны на обоз товары-

---

[134] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 317—320.
[135] В южной Волыни.
[136] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 334—335.
[137] Около 100 км от Львова.

раннский отряд подошел 15 октября. Этот отряд также занял города Ленчно, Раву, Грубешов, Красностав и др. Установить связь с войсками А. Н. Трубецкого не удалось, так как последние не доходя до Бреста повернули обратно. 26 октября 1655 г. отряд П. Потемкина и Д. Выговского вернулся под Львов [134].

Посылка из-под Львова многочисленных отрядов в рейды по тылам неприятеля ослабляла войска, осаждавшие Львов. Осажденный гарнизон без особых усилий удерживал хорошо укрепленный город. В это время стали поступать тревожные сведения о движении крымских и ногайских татар в тылу, на Украине. Гонцы, отправленные к царю Алексею Михайловичу из-под Львова 16 октября 1655 г., были захвачены татарами за г. Константиновым на р. Случь и приведены к крымскому хану, направляющемуся «через черкасские городы к полякам на помочь». 24 октября под Львовом В. В. Бутурлиным и Б. Хмельницким было получено сообщение «про ханов приход на черкасские городы» от воложского господаря Стефана. 27 октября казацкий сотник Михаил Менковский писал Богдану Хмельницкому, что крымский хан с крымскими, ногайскими, белгородскими, очаковскими и другими татарами «со многими людьми» идет «государевыми черкасскими городами к полякам на помочь и пришол к Чолганскому Камени (Теофиполю. — *А. М.*) [135], а хочет приходить на наш... обоз» [136]. Положение создавалось трудное. На Украине войск оставалось мало, так как основные силы принимали участие в походе под Львов. Многочисленные войска крымского хана, не встречая серьезного сопротивления, могли нанести значительный ущерб. Кроме того, возникла угроза удара со стороны татар в тыл войскам, находившимся под Львовом. Главные русские силы находились в Белоруссии и в Литве и не смогли бы оказать быстрой помощи.

В этих условиях было принято решение об отходе из-под Львова на восток. Во время отхода, когда войска еще не дошли до г. Езерне (Озерной) [137], 8 ноября 1655 г. татары напали «изгоном» на обоз Г. Ромодановского, но «людям ничего не учинили». 9 ноября войска Богдана Хмельницкого и В. В. Бутурлина подошли к Озерной. В этот день казаки и их обоз переправились на другой берег, причем переправу охраняли войска В. В. Бутурлина. На другой день, 10 ноября, когда начал переправляться русский обоз, на русское войско напали крымский хан и польский отряд из Каменец-Подольска во главе с Петром Потоцким, воеводой Брацлавским, старостой Каменецким и сыном гетмана Лянцкоронского. «И на обозы наши, — доносил В. В. Бутурлин, — присылал хан многих людей и велел ударить со всех сторон, спереду на обоз гетмана Богдана Хмельницкого, а с левые стороны на обоз товары-

[134] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 317—320.
[135] В южной Волыни.
[136] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 334—335.
[137] Около 100 км от Львова.

раинский отряд подошел 15 октября. Этот отряд также занял города Ленчно, Раву, Грубешов, Красностав и др. Установить связь с войсками А. Н. Трубецкого не удалось, так как последние не доходя до Бреста повернули обратно. 26 октября 1655 г. отряд П. Потемкина и Д. Выговского вернулся под Львов [134].

Посылка из-под Львова многочисленных отрядов в рейды по тылам неприятеля ослабляла войска, осаждавшие Львов. Осажденный гарнизон без особых усилий удерживал хорошо укрепленный город. В это время стали поступать тревожные сведения о движении крымских и ногайских татар в тылу, на Украине. Гонцы, отправленные к царю Алексею Михайловичу из-под Львова 16 октября 1655 г., были захвачены татарами за г. Константиновым на р. Случь и приведены к крымскому хану, направляющемуся «через черкасские городы к полякам на помочь». 24 октября под Львовом В. В. Бутурлиным и Б. Хмельницким было получено сообщение «про ханов приход на черкасские городы» от воложского господаря Стефана. 27 октября казацкий сотник Михаил Менковский писал Богдану Хмельницкому, что крымский хан с крымскими, ногайскими, белгородскими, очаковскими и другими татарами «со многими людьми» идет «государевыми черкасскими городами к полякам на помочь и пришол к Чолганскому Камени (Теофиполю. — *А. М.*) [135], а хочет приходить на наш... обоз» [136]. Положение создавалось трудное. На Украине войск оставалось мало, так как основные силы принимали участие в походе под Львов. Многочисленные войска крымского хана, не встречая серьезного сопротивления, могли нанести значительный ущерб. Кроме того, возникла угроза удара со стороны татар в тыл войскам, находившимся под Львовом. Главные русские силы находились в Белоруссии и в Литве и не смогли бы оказать быстрой помощи.

В этих условиях было принято решение об отходе из-под Львова на восток. Во время отхода, когда войска еще не дошли до г. Езерне (Озерной) [137], 8 ноября 1655 г. татары напали «изгоном» на обоз Г. Ромодановского, но «людям ничего не учинили». 9 ноября войска Богдана Хмельницкого и В. В. Бутурлина подошли к Озерной. В этот день казаки и их обоз переправились на другой берег, причем переправу охраняли войска В. В. Бутурлина. На другой день, 10 ноября, когда начал переправляться русский обоз, на русское войско напали крымский хан и польский отряд из Каменец-Подольска во главе с Петром Потоцким, воеводой Брацлавским, старостой Каменецким и сыном гетмана Лянцкоронского. «И на обозы наши, — доносил В. В. Бутурлин, — присылал хан многих людей и велел ударить со всех сторон, спереду на обоз гетмана Богдана Хмельницкого, а с левые стороны на обоз товары-

[134] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 317—320.
[135] В южной Волыни.
[136] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 334—335.
[137] Около 100 км от Львова.

раинский отряд подошел 15 октября. Этот отряд также занял города Ленчно, Раву, Грубешов, Красностав и др. Установить связь с войсками А. Н. Трубецкого не удалось, так как последние не доходя до Бреста повернули обратно. 26 октября 1655 г. отряд П. Потемкина и Д. Выговского вернулся под Львов [134].

Посылка из-под Львова многочисленных отрядов в рейды по тылам неприятеля ослабляла войска, осаждавшие Львов. Осажденный гарнизон без особых усилий удерживал хорошо укрепленный город. В это время стали поступать тревожные сведения о движении крымских и ногайских татар в тылу, на Украине. Гонцы, отправленные к царю Алексею Михайловичу из-под Львова 16 октября 1655 г., были захвачены татарами за г. Константиновым на р. Случь и приведены к крымскому хану, направляющемуся «через черкасские городы к полякам на помочь». 24 октября под Львовом В. В. Бутурлиным и Б. Хмельницким было получено сообщение «про ханов приход на черкасские городы» от воложского господаря Стефана. 27 октября казацкий сотник Михаил Менковский писал Богдану Хмельницкому, что крымский хан с крымскими, ногайскими, белгородскими, очаковскими и другими татарами «со многими людьми» идет «государевыми черкасскими городами к полякам на помочь и пришол к Чолганскому Камени (Теофиполю. — *А. М.*) [135], а хочет приходить на наш... обоз» [136]. Положение создавалось трудное. На Украине войск оставалось мало, так как основные силы принимали участие в походе под Львов. Многочисленные войска крымского хана, не встречая серьезного сопротивления, могли нанести значительный ущерб. Кроме того, возникла угроза удара со стороны татар в тыл войскам, находившимся под Львовом. Главные русские силы находились в Белоруссии и в Литве и не смогли бы оказать быстрой помощи.

В этих условиях было принято решение об отходе из-под Львова на восток. Во время отхода, когда войска еще не дошли до г. Езерне (Озерной) [137], 8 ноября 1655 г. татары напали «изгоном» на обоз Г. Ромодановского, но «людям ничего не учинили». 9 ноября войска Богдана Хмельницкого и В. В. Бутурлина подошли к Озерной. В этот день казаки и их обоз переправились на другой берег, причем переправу охраняли войска В. В. Бутурлина. На другой день, 10 ноября, когда начал переправляться русский обоз, на русское войско напали крымский хан и польский отряд из Каменец-Подольска во главе с Петром Потоцким, воеводой Брацлавским, старостой Каменецким и сыном гетмана Лянцкоронского. «И на обозы наши, — доносил В. В. Бутурлин, — присылал хан многих людей и велел ударить со всех сторон, спереду на обоз гетмана Богдана Хмельницкого, а с левые стороны на обоз товары-

---

[134] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 317—320.
[135] В южной Волыни.
[136] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 334—335.
[137] Около 100 км от Львова.

раннский отряд подошел 15 октября. Этот отряд также занял города Ленчно, Раву, Грубешов, Красностав и др. Установить связь с войсками А. Н. Трубецкого не удалось, так как последние не доходя до Бреста повернули обратно. 26 октября 1655 г. отряд П. Потемкина и Д. Выговского вернулся под Львов[134].

Посылка из-под Львова многочисленных отрядов в рейды по тылам неприятеля ослабляла войска, осаждавшие Львов. Осажденный гарнизон без особых усилий удерживал хорошо укрепленный город. В это время стали поступать тревожные сведения о движении крымских и ногайских татар в тылу, на Украине. Гонцы, отправленные к царю Алексею Михайловичу из-под Львова 16 октября 1655 г., были захвачены татарами за г. Константиновым на р. Случь и приведены к крымскому хану, направляющемуся «через черкасские городы к полякам на помочь». 24 октября под Львовом В. В. Бутурлиным и Б. Хмельницким было получено сообщение «про ханов приход на черкасские городы» от воложского господаря Стефана. 27 октября казацкий сотник Михаил Менковский писал Богдану Хмельницкому, что крымский хан с крымскими, ногайскими, белгородскими, очаковскими и другими татарами «со многими людьми» идет «государевыми черкасскими городами к полякам на помочь и пришол к Чолганскому Камени (Теофиполю. — *А. М.*)[135], а хочет приходить на наш... обоз»[136]. Положение создавалось трудное. На Украине войск оставалось мало, так как основные силы принимали участие в походе под Львов. Многочисленные войска крымского хана, не встречая серьезного сопротивления, могли нанести значительный ущерб. Кроме того, возникла угроза удара со стороны татар в тыл войскам, находившимся под Львовом. Главные русские силы находились в Белоруссии и в Литве и не смогли бы оказать быстрой помощи.

В этих условиях было принято решение об отходе из-под Львова на восток. Во время отхода, когда войска еще не дошли до г. Езерне (Озерной)[137], 8 ноября 1655 г. татары напали «изгоном» на обоз Г. Ромодановского, но «людям ничего не учинили». 9 ноября войска Богдана Хмельницкого и В. В. Бутурлина подошли к Озерной. В этот день казаки и их обоз переправились на другой берег, причем переправу охраняли войска В. В. Бутурлина. На другой день, 10 ноября, когда начал переправляться русский обоз, на русское войско напали крымский хан и польский отряд из Каменец-Подольска во главе с Петром Потоцким, воеводой Браславским, старостой Каменецким и сыном гетмана Лянцкоронского. «И на обозы наши, — доносил В. В. Бутурлин, — присылал хан многих людей и велел ударить со всех сторон, спереду на обоз гетмана Богдана Хмельницкого, а с левые стороны на обоз товары-

---

[134] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 317—320.
[135] В южной Волыни.
[136] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 334—335.
[137] Около 100 км от Львова.

ранский отряд подошел 15 октября. Этот отряд также занял города Ленчно, Раву, Грубешов, Красностав и др. Установить связь с войсками А. Н. Трубецкого не удалось, так как последние не доходя до Бреста повернули обратно. 26 октября 1655 г. отряд П. Потемкина и Д. Выговского вернулся под Львов [134].

Посылка из-под Львова многочисленных отрядов в рейды по тылам неприятеля ослабляла войска, осаждавшие Львов. Осажденный гарнизон без особых усилий удерживал хорошо укрепленный город. В это время стали поступать тревожные сведения о движении крымских и ногайских татар в тылу, на Украине. Гонцы, отправленные к царю Алексею Михайловичу из-под Львова 16 октября 1655 г., были захвачены татарами за г. Константиновым на р. Случь и приведены к крымскому хану, направляющемуся «через черкасские городы к полякам на помочь». 24 октября под Львовом В. В. Бутурлиным и Б. Хмельницким было получено сообщение «про ханов приход на черкасские городы» от воложского господаря Стефана. 27 октября казацкий сотник Михаил Менковский писал Богдану Хмельницкому, что крымский хан с крымскими, ногайскими, белгородскими, очаковскими и другими татарами «со многими людьми» идет «государевыми черкасскими городами к полякам на помочь и пришол к Чолганскому Камени (Теофиполю. — *А. М.*) [135], а хочет приходить на наш... обоз» [136]. Положение создавалось трудное. На Украине войск оставалось мало, так как основные силы принимали участие в походе под Львов. Многочисленные войска крымского хана, не встречая серьезного сопротивления, могли нанести значительный ущерб. Кроме того, возникла угроза удара со стороны татар в тыл войскам, находившимся под Львовом. Главные русские силы находились в Белоруссии и в Литве и не смогли бы оказать быстрой помощи.

В этих условиях было принято решение об отходе из-под Львова на восток. Во время отхода, когда войска еще не дошли до г. Езерне (Озерной) [137], 8 ноября 1655 г. татары напали «изгоном» на обоз Г. Ромодановского, но «людям ничего не учинили». 9 ноября войска Богдана Хмельницкого и В. В. Бутурлина подошли к Озерной. В этот день казаки и их обоз переправились на другой берег, причем переправу охраняли войска В. В. Бутурлина. На другой день, 10 ноября, когда начал переправляться русский обоз, на русское войско напали крымский хан и польский отряд из Каменец-Подольска во главе с Петром Потоцким, воеводой Брацлавским, старостой Каменецким и сыном гетмана Лянцкоронского. «И на обозы наши, — доносил В. В. Бутурлин, — присылал хан многих людей и велел ударить со всех сторон, спереду на обоз гетмана Богдана Хмельницкого, а с левые стороны на обоз товары-

---

[134] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 317—320.
[135] В южной Волыни.
[136] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 334—335.
[137] Около 100 км от Львова.

раннский отряд подошел 15 октября. Этот отряд также занял города Ленчно, Раву, Грубешов, Красностав и др. Установить связь с войсками А. Н. Трубецкого не удалось, так как последние не доходя до Бреста повернули обратно. 26 октября 1655 г. отряд П. Потемкина и Д. Выговского вернулся под Львов [134].

Посылка из-под Львова многочисленных отрядов в рейды по тылам неприятеля ослабляла войска, осаждавшие Львов. Осажденный гарнизон без особых усилий удерживал хорошо укрепленный город. В это время стали поступать тревожные сведения о движении крымских и ногайских татар в тылу, на Украине. Гонцы, отправленные к царю Алексею Михайловичу из-под Львова 16 октября 1655 г., были захвачены татарами за г. Константиновым на р. Случь и приведены к крымскому хану, направляющемуся «через черкасские городы к полякам на помочь». 24 октября под Львовом В. В. Бутурлиным и Б. Хмельницким было получено сообщение «про ханов приход на черкасские городы» от воложского господаря Стефана. 27 октября казацкий сотник Михаил Менковский писал Богдану Хмельницкому, что крымский хан с крымскими, ногайскими, белгородскими, очаковскими и другими татарами «со многими людьми» идет «государевыми черкасскими городами к полякам на помочь и пришол к Чолганскому Камени (Теофиполю. — *А. М.*) [135], а хочет приходить на наш... обоз» [136]. Положение создавалось трудное. На Украине войск оставалось мало, так как основные силы принимали участие в походе под Львов. Многочисленные войска крымского хана, не встречая серьезного сопротивления, могли нанести значительный ущерб. Кроме того, возникла угроза удара со стороны татар в тыл войскам, находившимся под Львовом. Главные русские силы находились в Белоруссии и в Литве и не смогли бы оказать быстрой помощи.

В этих условиях было принято решение об отходе из-под Львова на восток. Во время отхода, когда войска еще не дошли до г. Езерне (Озерной) [137], 8 ноября 1655 г. татары напали «изгоном» на обоз Г. Ромодановского, но «людям ничего не учинили». 9 ноября войска Богдана Хмельницкого и В. В. Бутурлина подошли к Озерной. В этот день казаки и их обоз переправились на другой берег, причем переправу охраняли войска В. В. Бутурлина. На другой день, 10 ноября, когда начал переправляться русский обоз, на русское войско напали крымский хан и польский отряд из Каменец-Подольска во главе с Петром Потоцким, воеводой Брацлавским, старостой Каменецким и сыном гетмана Лянцкоронского. «И на обозы наши, — доносил В. В. Бутурлин, — присылал хан многих людей и велел ударить со всех сторон, спереду на обоз гетмана Богдана Хмельницкого, а с левые стороны на обоз товары-

---

[134] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 317—320.
[135] В южной Волыни.
[136] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 334—335.
[137] Около 100 км от Львова.

раинский отряд подошел 15 октября. Этот отряд также занял города Ленчно, Раву, Грубешов, Красностав и др. Установить связь с войсками А. Н. Трубецкого не удалось, так как последние не доходя до Бреста повернули обратно. 26 октября 1655 г. отряд П. Потемкина и Д. Выговского вернулся под Львов [134].

Посылка из-под Львова многочисленных отрядов в рейды по тылам неприятеля ослабляла войска, осаждавшие Львов. Осажденный гарнизон без особых усилий удерживал хорошо укрепленный город. В это время стали поступать тревожные сведения о движении крымских и ногайских татар в тылу, на Украине. Гонцы, отправленные к царю Алексею Михайловичу из-под Львова 16 октября 1655 г., были захвачены татарами за г. Константиновым на р. Случь и приведены к крымскому хану, направляющемуся «через черкасские городы к полякам на помочь». 24 октября под Львовом В. В. Бутурлиным и Б. Хмельницким было получено сообщение «про ханов приход на черкасские городы» от воложского господаря Стефана. 27 октября казацкий сотник Михаил Менковский писал Богдану Хмельницкому, что крымский хан с крымскими, ногайскими, белгородскими, очаковскими и другими татарами «со многими людьми» идет «государевыми черкасскими городами к полякам на помочь и пришол к Чолганскому Камени (Теофиполю. — *А. М.*) [135], а хочет приходить на наш... обоз» [136]. Положение создавалось трудное. На Украине войск оставалось мало, так как основные силы принимали участие в походе под Львов. Многочисленные войска крымского хана, не встречая серьезного сопротивления, могли нанести значительный ущерб. Кроме того, возникла угроза удара со стороны татар в тыл войскам, находившимся под Львовом. Главные русские силы находились в Белоруссии и в Литве и не смогли бы оказать быстрой помощи.

В этих условиях было принято решение об отходе из-под Львова на восток. Во время отхода, когда войска еще не дошли до г. Езерне (Озерной) [137], 8 ноября 1655 г. татары напали «изгоном» на обоз Г. Ромодановского, но «людям ничего не учинили». 9 ноября войска Богдана Хмельницкого и В. В. Бутурлина подошли к Озерной. В этот день казаки и их обоз переправились на другой берег, причем переправу охраняли войска В. В. Бутурлина. На другой день, 10 ноября, когда начал переправляться русский обоз, на русское войско напали крымский хан и польский отряд из Каменец-Подольска во главе с Петром Потоцким, воеводой Браславским, старостой Каменецким и сыном гетмана Лянцкоронского. «И на обозы наши, — доносил В. В. Бутурлин, — присылал хан многих людей и велел ударить со всех сторон, спереду на обоз гетмана Богдана Хмельницкого, а с левые стороны на обоз товары-

---

[134] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 317—320.
[135] В южной Волыни.
[136] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 334—335.
[137] Около 100 км от Львова.

раннский отряд подошел 15 октября. Этот отряд также занял города Ленчно, Раву, Грубешов, Красностав и др. Установить связь с войсками А. Н. Трубецкого не удалось, так как последние не доходя до Бреста повернули обратно. 26 октября 1655 г. отряд П. Потемкина и Д. Выговского вернулся под Львов [134].

Посылка из-под Львова многочисленных отрядов в рейды по тылам неприятеля ослабляла войска, осаждавшие Львов. Осажденный гарнизон без особых усилий удерживал хорошо укрепленный город. В это время стали поступать тревожные сведения о движении крымских и ногайских татар в тылу, на Украине. Гонцы, отправленные к царю Алексею Михайловичу из-под Львова 16 октября 1655 г., были захвачены татарами за г. Константиновым на р. Случь и приведены к крымскому хану, направляющемуся «через черкасские городы к полякам на помочь». 24 октября под Львовом В. В. Бутурлиным и Б. Хмельницким было получено сообщение «про ханов приход на черкасские городы» от воложского господаря Стефана. 27 октября казацкий сотник Михаил Менковский писал Богдану Хмельницкому, что крымский хан с крымскими, ногайскими, белгородскими, очаковскими и другими татарами «со многими людьми» идет «государевыми черкасскими городами к полякам на помочь и пришол к Чолганскому Камени (Теофиполю. — *А. М.*) [135], а хочет приходить на наш... обоз» [136]. Положение создавалось трудное. На Украине войск оставалось мало, так как основные силы принимали участие в походе под Львов. Многочисленные войска крымского хана, не встречая серьезного сопротивления, могли нанести значительный ущерб. Кроме того, возникла угроза удара со стороны татар в тыл войскам, находившимся под Львовом. Главные русские силы находились в Белоруссии и в Литве и не смогли бы оказать быстрой помощи.

В этих условиях было принято решение об отходе из-под Львова на восток. Во время отхода, когда войска еще не дошли до г. Езерне (Озерной) [137], 8 ноября 1655 г. татары напали «изгоном» на обоз Г. Ромодановского, но «людям ничего не учинили». 9 ноября войска Богдана Хмельницкого и В. В. Бутурлина подошли к Озерной. В этот день казаки и их обоз переправились на другой берег, причем переправу охраняли войска В. В. Бутурлина. На другой день, 10 ноября, когда начал переправляться русский обоз, на русское войско напали крымский хан и польский отряд из Каменец-Подольска во главе с Петром Потоцким, воеводой Брацлавским, старостой Каменецким и сыном гетмана Лянцкоронского. «И на обозы наши, — доносил В. В. Бутурлин, — присылал хан многих людей и велел ударить со всех сторон, спереду на обоз гетмана Богдана Хмельницкого, а с левые стороны на обоз товары-

---

[134] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 317—320.
[135] В южной Волыни.
[136] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 334—335.
[137] Около 100 км от Львова.

раннский отряд подошел 15 октября. Этот отряд также занял города Ленчно, Раву, Грубешов, Красностав и др. Установить связь с войсками А. Н. Трубецкого не удалось, так как последние не доходя до Бреста повернули обратно. 26 октября 1655 г. отряд П. Потемкина и Д. Выговского вернулся под Львов [134].

Посылка из-под Львова многочисленных отрядов в рейды по тылам неприятеля ослабляла войска, осаждавшие Львов. Осажденный гарнизон без особых усилий удерживал хорошо укрепленный город. В это время стали поступать тревожные сведения о движении крымских и ногайских татар в тылу, на Украине. Гонцы, отправленные к царю Алексею Михайловичу из-под Львова 16 октября 1655 г., были захвачены татарами за г. Константиновым на р. Случь и приведены к крымскому хану, направляющемуся «через черкасские городы к полякам на помочь». 24 октября под Львовом В. В. Бутурлиным и Б. Хмельницким было получено сообщение «про ханов приход на черкасские городы» от воложского господаря Стефана. 27 октября казацкий сотник Михаил Менковский писал Богдану Хмельницкому, что крымский хан с крымскими, ногайскими, белгородскими, очаковскими и другими татарами «со многими людьми» идет «государевыми черкасскими городами к полякам на помочь и пришол к Чолганскому Камени (Теофиполю. — *А. М.*) [135], а хочет приходить на наш... обоз» [136]. Положение создавалось трудное. На Украине войск оставалось мало, так как основные силы принимали участие в походе под Львов. Многочисленные войска крымского хана, не встречая серьезного сопротивления, могли нанести значительный ущерб. Кроме того, возникла угроза удара со стороны татар в тыл войскам, находившимся под Львовом. Главные русские силы находились в Белоруссии и в Литве и не смогли бы оказать быстрой помощи.

В этих условиях было принято решение об отходе из-под Львова на восток. Во время отхода, когда войска еще не дошли до г. Езерне (Озерной) [137], 8 ноября 1655 г. татары напали «изгоном» на обоз Г. Ромодановского, но «людям ничего не учинили». 9 ноября войска Богдана Хмельницкого и В. В. Бутурлина подошли к Озерной. В этот день казаки и их обоз переправились на другой берег, причем переправу охраняли войска В. В. Бутурлина. На другой день, 10 ноября, когда начал переправляться русский обоз, на русское войско напали крымский хан и польский отряд из Каменец-Подольска во главе с Петром Потоцким, воеводой Брацлавским, старостой Каменецким и сыном гетмана Лянцкоронского. «И на обозы наши, — доносил В. В. Бутурлин, — присылал хан многих людей и велел ударить со всех сторон, спереду на обоз гетмана Богдана Хмельницкого, а с левые стороны на обоз товары-

---

[134] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 317—320.
[135] В южной Волыни.
[136] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 382, лл. 334—335.
[137] Около 100 км от Львова.

Под нажимом народных масс Украины Ю. Хмельницкий вынужден был восстановить присоединение Украины к России, что и было оформлено в Переяславских статьях 1659 г.

В первые месяцы 1660 г. военная обстановка на Украине складывалась благоприятно для России. Русское правительство предполагало вести наступательные операции против польско-литовских войск. Главному русскому воеводе на Украине. В. Б. Шереметеву были посланы значительные подкрепления. Чтобы не дать возможности крымским татарам оказать помощь Польше, на Крым предполагалось двинуть донских казаков. Военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии значительно активизировались. 15 января русские войска нанесли поражение отряду полковника М. Обуховича из войск П. Сапеги в местечке Малчах, от Бреста в 80 верстах. В январе 1660 г. войска И. А. Хованского взяли Брест. Хованский должен был стоять до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши, в Люблин и Варшаву. В марте И. А. Хованский отошел от Бреста, подошел к Ляховичам, владению П. Сапеги, и осадил город, но приступ окончился неудачно.

В связи с неудачей этого приступа русским воеводам было дано указание относительно тактики при осаде неприятельских городов — ратных людей «к городам на приступы без нашего указу не посылать, а над польскими и литовскими городами промысел чинить всякими вымыслы, оприч приступов, чтобы нашим ратным людем в том потери впредь не было». Людей в войсках И. А. Хованского было недостаточно. Для усиления его войск в конце апреля из Могилева был отправлен отряд под начальством С. Змеева. В 15 верстах от Слуцка русские ратные люди сошлись с неприятелем, «побили многих и поймали, а гоняли и побивали 15 верст от Слуцка». Отряд Змеева пришел к Хованскому под Ляховичи в конце мая и был направлен на осаду Несвижа.

Сознавая трудность войны и испытывая все нараставшие осложнения внутри государства, русское правительство возобновило мирные переговоры со Швецией и Польшей. В октябре — ноябре 1659 г. по поручению правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным Горном (недалеко от Дерпта). Но точки зрения сторон оказались непримиримыми. А. Л. Ордин-Нащокин, страстный поборник разрешения балтийского вопроса, допускал соглашение на условиях Тявзинского мира (1595 г.) и добивался возвращения России Ингерманландии, хотя бы ценой значительного вознаграждения. Шведы ультимативно потребовали восстановления границ, существовавших до войны. Безрезультатными остались переговоры и в январе 1660 г. [37].

---

[37] См. Г. В. Форстен. Внешние сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1898, май, отд. II, стр. 66—67.

Под нажимом народных масс Украины Ю. Хмельницкий вынужден был восстановить присоединение Украины к России, что и было оформлено в Переяславских статьях 1659 г.

В первые месяцы 1660 г. военная обстановка на Украине складывалась благоприятно для России. Русское правительство предполагало вести наступательные операции против польско-литовских войск. Главному русскому воеводе на Украине. В. Б. Шереметеву были посланы значительные подкрепления. Чтобы не дать возможности крымским татарам оказать помощь Польше, на Крым предполагалось двинуть донских казаков. Военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии значительно активизировались. 15 января русские войска нанесли поражение отряду полковника М. Обуховича из войск П. Сапеги в местечке Малчах, от Бреста в 80 верстах. В январе 1660 г. войска И. А. Хованского взяли Брест. Хованский должен был стоять до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши, в Люблин и Варшаву. В марте И. А. Хованский отошел от Бреста, подошел к Ляховичам, владению П. Сапеги, и осадил город, но приступ окончился неудачно.

В связи с неудачей этого приступа русским воеводам было дано указание относительно тактики при осаде неприятельских городов — ратных людей «к городам на приступы без нашего указу не посылать, а над польскими и литовскими городами промысел чинить всякими вымыслы, оприч приступов, чтобы нашим ратным людем в том потери впредь не было». Людей в войсках И. А. Хованского было недостаточно. Для усиления его войск в конце апреля из Могилева был отправлен отряд под начальством С. Змеева. В 15 верстах от Слуцка русские ратные люди сошлись с неприятелем, «побили многих и поимали, а гоняли и побивали 15 верст от Слуцка». Отряд Змеева пришел к Хованскому под Ляховичи в конце мая и был направлен на осаду Несвижа.

Сознавая трудность войны и испытывая все нараставшие осложнения внутри государства, русское правительство возобновило мирные переговоры со Швецией и Польшей. В октябре — ноябре 1659 г. по поручению правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным Горном (недалеко от Дерпта). Но точки зрения сторон оказались непримиримыми. А. Л. Ордин-Нащокин, страстный поборник разрешения балтийского вопроса, допускал соглашение на условиях Тявзинского мира (1595 г.) и добивался возвращения России Ингерманландии, хотя бы ценой значительного вознаграждения. Шведы ультимативно потребовали восстановления границ, существовавших до войны. Безрезультатными остались переговоры и в январе 1660 г. [37].

---

[37] См. Г. В. Форстен. Внешние сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1898, май, отд. II, стр. 66—67.

Под нажимом народных масс Украины Ю. Хмельницкий вынужден был восстановить присоединение Украины к России, что и было оформлено в Переяславских статьях 1659 г.

В первые месяцы 1660 г. военная обстановка на Украине складывалась благоприятно для России. Русское правительство предполагало вести наступательные операции против польско-литовских войск. Главному русскому воеводе на Украине. В. Б. Шереметеву были посланы значительные подкрепления. Чтобы не дать возможности крымским татарам оказать помощь Польше, на Крым предполагалось двинуть донских казаков. Военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии значительно активизировались. 15 января русские войска нанесли поражение отряду полковника М. Обуховича из войск П. Сапеги в местечке Малчах, от Бреста в 80 верстах. В январе 1660 г. войска И. А. Хованского взяли Брест. Хованский должен был стоять до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши, в Люблин и Варшаву. В марте И. А. Хованский отошел от Бреста, подошел к Ляховичам, владению П. Сапеги, и осадил город, но приступ окончился неудачно.

В связи с неудачей этого приступа русским воеводам было дано указание относительно тактики при осаде неприятельских городов — ратных людей «к городам на приступы без нашего указу не посылать, а над польскими и литовскими городами промысел чинить всякими вымыслы, оприч приступов, чтобы нашим ратным людем в том потери впредь не было». Людей в войсках И. А. Хованского было недостаточно. Для усиления его войск в конце апреля из Могилева был отправлен отряд под начальством С. Змеева. В 15 верстах от Слуцка русские ратные люди сошлись с неприятелем, «побили многих и поймали, а гоняли и побивали 15 верст от Слуцка». Отряд Змеева пришел к Хованскому под Ляховичи в конце мая и был направлен на осаду Несвижа.

Сознавая трудность войны и испытывая все нараставшие осложнения внутри государства, русское правительство возобновило мирные переговоры со Швецией и Польшей. В октябре — ноябре 1659 г. по поручению правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным Горном (недалеко от Дерпта). Но точки зрения сторон оказались непримиримыми. А. Л. Ордин-Нащокин, страстный поборник разрешения балтийского вопроса, допускал соглашение на условиях Тявзинского мира (1595 г.) и добивался возвращения России Ингерманландии, хотя бы ценой значительного вознаграждения. Шведы ультимативно потребовали восстановления границ, существовавших до войны. Безрезультатными остались переговоры и в январе 1660 г. [37].

---

[37] См. Г. В. Форстен. Внешние сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1898, май, отд. II, стр. 66—67.

Под нажимом народных масс Украины Ю. Хмельницкий вынужден был восстановить присоединение Украины к России, что и было оформлено в Переяславских статьях 1659 г.

В первые месяцы 1660 г. военная обстановка на Украине складывалась благоприятно для России. Русское правительство предполагало вести наступательные операции против польско-литовских войск. Главному русскому воеводе на Украине. В. Б. Шереметеву были посланы значительные подкрепления. Чтобы не дать возможности крымским татарам оказать помощь Польше, на Крым предполагалось двинуть донских казаков. Военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии значительно активизировались. 15 января русские войска нанесли поражение отряду полковника М. Обуховича из войск П. Сапеги в местечке Малчах, от Бреста в 80 верстах. В январе 1660 г. войска И. А. Хованского взяли Брест. Хованский должен был стоять до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши, в Люблин и Варшаву. В марте И. А. Хованский отошел от Бреста, подошел к Ляховичам, владению П. Сапеги, и осадил город, но приступ окончился неудачно.

В связи с неудачей этого приступа русским воеводам было дано указание относительно тактики при осаде неприятельских городов — ратных людей «к городам на приступы без нашего указу не посылать, а над польскими и литовскими городами промысел чинить всякими вымыслы, оприч приступов, чтобы нашим ратным людем в том потери впредь не было». Людей в войсках И. А. Хованского было недостаточно. Для усиления его войск в конце апреля из Могилева был отправлен отряд под начальством С. Змеева. В 15 верстах от Слуцка русские ратные люди сошлись с неприятелем, «побили многих и поимали, а гоняли и побивали 15 верст от Слуцка». Отряд Змеева пришел к Хованскому под Ляховичи в конце мая и был направлен на осаду Несвижа.

Сознавая трудность войны и испытывая все нараставшие осложнения внутри государства, русское правительство возобновило мирные переговоры со Швецией и Польшей. В октябре — ноябре 1659 г. по поручению правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным Горном (недалеко от Дерпта). Но точки зрения сторон оказались непримиримыми. А. Л. Ордин-Нащокин, страстный поборник разрешения балтийского вопроса, допускал соглашение на условиях Тявзинского мира (1595 г.) и добивался возвращения России Ингерманландии, хотя бы ценой значительного вознаграждения. Шведы ультимативно потребовали восстановления границ, существовавших до войны. Безрезультатными остались переговоры и в январе 1660 г.[37].

---

[37] См. Г. В. Форстен. Внешние сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1898, май, отд. II, стр. 66—67.

Под нажимом народных масс Украины Ю. Хмельницкий вынужден был восстановить присоединение Украины к России, что и было оформлено в Переяславских статьях 1659 г.

В первые месяцы 1660 г. военная обстановка на Украине складывалась благоприятно для России. Русское правительство предполагало вести наступательные операции против польско-литовских войск. Главному русскому воеводе на Украине. В. Б. Шереметеву были посланы значительные подкрепления. Чтобы не дать возможности крымским татарам оказать помощь Польше, на Крым предполагалось двинуть донских казаков. Военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии значительно активизировались. 15 января русские войска нанесли поражение отряду полковника М. Обуховича из войск П. Сапеги в местечке Малчах, от Бреста в 80 верстах. В январе 1660 г. войска И. А. Хованского взяли Брест. Хованский должен был стоять до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши, в Люблин и Варшаву. В марте И. А. Хованский отошел от Бреста, подошел к Ляховичам, владению П. Сапеги, и осадил город, но приступ окончился неудачно.

В связи с неудачей этого приступа русским воеводам было дано указание относительно тактики при осаде неприятельских городов — ратных людей «к городам на приступы без нашего указу не посылать, а над польскими и литовскими городами промысел чинить всякими вымыслы, оприч приступов, чтобы нашим ратным людем в том потери впредь не было». Людей в войсках И. А. Хованского было недостаточно. Для усиления его войск в конце апреля из Могилева был отправлен отряд под начальством С. Змеева. В 15 верстах от Слуцка русские ратные люди сошлись с неприятелем, «побили многих и поимали, а гоняли и побивали 15 верст от Слуцка». Отряд Змеева пришел к Хованскому под Ляховичи в конце мая и был направлен на осаду Несвижа.

Сознавая трудность войны и испытывая все нараставшие осложнения внутри государства, русское правительство возобновило мирные переговоры со Швецией и Польшей. В октябре — ноябре 1659 г. по поручению правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным Горном (недалеко от Дерпта). Но точки зрения сторон оказались непримиримыми. А. Л. Ордин-Нащокин, страстный поборник разрешения балтийского вопроса, допускал соглашение на условиях Тявзинского мира (1595 г.) и добивался возвращения России Ингерманландии, хотя бы ценой значительного вознаграждения. Шведы ультимативно потребовали восстановления границ, существовавших до войны. Безрезультатными остались переговоры и в январе 1660 г. [37].

---

[37] См. Г. В. Форстен. Внешние сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1898, май, отд. II, стр. 66—67.

Под нажимом народных масс Украины Ю. Хмельницкий вынужден был восстановить присоединение Украины к России, что и было оформлено в Переяславских статьях 1659 г.

В первые месяцы 1660 г. военная обстановка на Украине складывалась благоприятно для России. Русское правительство предполагало вести наступательные операции против польско-литовских войск. Главному русскому воеводе на Украине. В. Б. Шереметеву были посланы значительные подкрепления. Чтобы не дать возможности крымским татарам оказать помощь Польше, на Крым предполагалось двинуть донских казаков. Военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии значительно активизировались. 15 января русские войска нанесли поражение отряду полковника М. Обуховича из войск П. Сапеги в местечке Малчах, от Бреста в 80 верстах. В январе 1660 г. войска И. А. Хованского взяли Брест. Хованский должен был стоять до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши, в Люблин и Варшаву. В марте И. А. Хованский отошел от Бреста, подошел к Ляховичам, владению П. Сапеги, и осадил город, но приступ окончился неудачно.

В связи с неудачей этого приступа русским воеводам было дано указание относительно тактики при осаде неприятельских городов — ратных людей «к городам на приступы без нашего указу не посылать, а над польскими и литовскими городами промысел чинить всякими вымыслы, оприч приступов, чтобы нашим ратным людем в том потери впредь не было». Людей в войсках И. А. Хованского было недостаточно. Для усиления его войск в конце апреля из Могилева был отправлен отряд под начальством С. Змеева. В 15 верстах от Слуцка русские ратные люди сошлись с неприятелем, «побили многих и поймали, а гоняли и побивали 15 верст от Слуцка». Отряд Змеева пришел к Хованскому под Ляховичи в конце мая и был направлен на осаду Несвижа.

Сознавая трудность войны и испытывая все нараставшие осложнения внутри государства, русское правительство возобновило мирные переговоры со Швецией и Польшей. В октябре — ноябре 1659 г. по поручению правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным Горном (недалеко от Дерпта). Но точки зрения сторон оказались непримиримыми. А. Л. Ордин-Нащокин, страстный поборник разрешения балтийского вопроса, допускал соглашение на условиях Тявзинского мира (1595 г.) и добивался возвращения России Ингерманландии, хотя бы ценой значительного вознаграждения. Шведы ультимативно потребовали восстановления границ, существовавших до войны. Безрезультатными остались переговоры и в январе 1660 г. [37].

---

[37] См. Г. В. Форстен. Внешние сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1898, май, отд. II, стр. 66—67.

Под нажимом народных масс Украины Ю. Хмельницкий вынужден был восстановить присоединение Украины к России, что и было оформлено в Переяславских статьях 1659 г.

В первые месяцы 1660 г. военная обстановка на Украине складывалась благоприятно для России. Русское правительство предполагало вести наступательные операции против польско-литовских войск. Главному русскому воеводе на Украине. В. Б. Шереметеву были посланы значительные подкрепления. Чтобы не дать возможности крымским татарам оказать помощь Польше, на Крым предполагалось двинуть донских казаков. Военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии значительно активизировались. 15 января русские войска нанесли поражение отряду полковника М. Обуховича из войск П. Сапеги в местечке Малчах, от Бреста в 80 верстах. В январе 1660 г. войска И. А. Хованского взяли Брест. Хованский должен был стоять до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши, в Люблин и Варшаву. В марте И. А. Хованский отошел от Бреста, подошел к Ляховичам, владению П. Сапеги, и осадил город, но приступ окончился неудачно.

В связи с неудачей этого приступа русским воеводам было дано указание относительно тактики при осаде неприятельских городов — ратных людей «к городам на приступы без нашего указу не посылать, а над польскими и литовскими городами промысел чинить всякими вымыслы, оприч приступов, чтобы нашим ратным людем в том потери впредь не было». Людей в войсках И. А. Хованского было недостаточно. Для усиления его войск в конце апреля из Могилева был отправлен отряд под начальством С. Змеева. В 15 верстах от Слуцка русские ратные люди сошлись с неприятелем, «побили многих и поймали, а гоняли и побивали 15 верст от Слуцка». Отряд Змеева пришел к Хованскому под Ляховичи в конце мая и был направлен на осаду Несвижа.

Сознавая трудность войны и испытывая все нараставшие осложнения внутри государства, русское правительство возобновило мирные переговоры со Швецией и Польшей. В октябре — ноябре 1659 г. по поручению правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным Горном (недалеко от Дерпта). Но точки зрения сторон оказались непримиримыми. А. Л. Ордин-Нащокин, страстный поборник разрешения балтийского вопроса, допускал соглашение на условиях Тявзинского мира (1595 г.) и добивался возвращения России Ингерманландии, хотя бы ценой значительного вознаграждения. Шведы ультимативно потребовали восстановления границ, существовавших до войны. Безрезультатными остались переговоры и в январе 1660 г. [37].

---

[37] См. Г. В. Форстен. Внешние сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1898, май, отд. II, стр. 66—67.

Под нажимом народных масс Украины Ю. Хмельницкий вынужден был восстановить присоединение Украины к России, что и было оформлено в Переяславских статьях 1659 г.

В первые месяцы 1660 г. военная обстановка на Украине складывалась благоприятно для России. Русское правительство предполагало вести наступательные операции против польско-литовских войск. Главному русскому воеводе на Украине. В. Б. Шереметеву были посланы значительные подкрепления. Чтобы не дать возможности крымским татарам оказать помощь Польше, на Крым предполагалось двинуть донских казаков. Военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии значительно активизировались. 15 января русские войска нанесли поражение отряду полковника М. Обуховича из войск П. Сапеги в местечке Малчах, от Бреста в 80 верстах. В январе 1660 г. войска И. А. Хованского взяли Брест. Хованский должен был стоять до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши, в Люблин и Варшаву. В марте И. А. Хованский отошел от Бреста, подошел к Ляховичам, владению П. Сапеги, и осадил город, но приступ окончился неудачно.

В связи с неудачей этого приступа русским воеводам было дано указание относительно тактики при осаде неприятельских городов — ратных людей «к городам на приступы без нашего указу не посылать, а над польскими и литовскими городами промысел чинить всякими вымыслы, оприч приступов, чтобы нашим ратным людем в том потери впредь не было». Людей в войсках И. А. Хованского было недостаточно. Для усиления его войск в конце апреля из Могилева был отправлен отряд под начальством С. Змеева. В 15 верстах от Слуцка русские ратные люди сошлись с неприятелем, «побили многих и поимали, а гоняли и побивали 15 верст от Слуцка». Отряд Змеева пришел к Хованскому под Ляховичи в конце мая и был направлен на осаду Несвижа.

Сознавая трудность войны и испытывая все нараставшие осложнения внутри государства, русское правительство возобновило мирные переговоры со Швецией и Польшей. В октябре — ноябре 1659 г. по поручению правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным Горном (недалеко от Дерпта). Но точки зрения сторон оказались непримиримыми. А. Л. Ордин-Нащокин, страстный поборник разрешения балтийского вопроса, допускал соглашение на условиях Тявзинского мира (1595 г.) и добивался возвращения России Ингерманландии, хотя бы ценой значительного вознаграждения. Шведы ультимативно потребовали восстановления границ, существовавших до войны. Безрезультатными остались переговоры и в январе 1660 г. [37].

---

[37] См. Г. В. Форстен. Внешние сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1898, май, отд. II, стр. 66—67.

Под нажимом народных масс Украины Ю. Хмельницкий вынужден был восстановить присоединение Украины к России, что и было оформлено в Переяславских статьях 1659 г.

В первые месяцы 1660 г. военная обстановка на Украине складывалась благоприятно для России. Русское правительство предполагало вести наступательные операции против польско-литовских войск. Главному русскому воеводе на Украине. В. Б. Шереметеву были посланы значительные подкрепления. Чтобы не дать возможности крымским татарам оказать помощь Польше, на Крым предполагалось двинуть донских казаков. Военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии значительно активизировались. 15 января русские войска нанесли поражение отряду полковника М. Обуховича из войск П. Сапеги в местечке Малчах, от Бреста в 80 верстах. В январе 1660 г. войска И. А. Хованского взяли Брест. Хованский должен был стоять до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши, в Люблин и Варшаву. В марте И. А. Хованский отошел от Бреста, подошел к Ляховичам, владению П. Сапеги, и осадил город, но приступ окончился неудачно.

В связи с неудачей этого приступа русским воеводам было дано указание относительно тактики при осаде неприятельских городов — ратных людей «к городам на приступы без нашего указу не посылать, а над польскими и литовскими городами промысел чинить всякими вымыслы, оприч приступов, чтобы нашим ратным людем в том потери впредь не было». Людей в войсках И. А. Хованского было недостаточно. Для усиления его войск в конце апреля из Могилева был отправлен отряд под начальством С. Змеева. В 15 верстах от Слуцка русские ратные люди сошлись с неприятелем, «побили многих и поймали, а гоняли и побивали 15 верст от Слуцка». Отряд Змеева пришел к Хованскому под Ляховичи в конце мая и был направлен на осаду Несвижа.

Сознавая трудность войны и испытывая все нараставшие осложнения внутри государства, русское правительство возобновило мирные переговоры со Швецией и Польшей. В октябре — ноябре 1659 г. по поручению правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным Горном (недалеко от Дерпта). Но точки зрения сторон оказались непримиримыми. А. Л. Ордин-Нащокин, страстный поборник разрешения балтийского вопроса, допускал соглашение на условиях Тявзинского мира (1595 г.) и добивался возвращения России Ингерманландии, хотя бы ценой значительного вознаграждения. Шведы ультимативно потребовали восстановления границ, существовавших до войны. Безрезультатными остались переговоры и в январе 1660 г.[37].

---

[37] См. Г. В. Форстен. Внешние сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1898, май, отд. II, стр. 66—67.

Под нажимом народных масс Украины Ю. Хмельницкий вынужден был восстановить присоединение Украины к России, что и было оформлено в Переяславских статьях 1659 г.

В первые месяцы 1660 г. военная обстановка на Украине складывалась благоприятно для России. Русское правительство предполагало вести наступательные операции против польско-литовских войск. Главному русскому воеводе на Украине. В. Б. Шереметеву были посланы значительные подкрепления. Чтобы не дать возможности крымским татарам оказать помощь Польше, на Крым предполагалось двинуть донских казаков. Военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии значительно активизировались. 15 января русские войска нанесли поражение отряду полковника М. Обуховича из войск П. Сапеги в местечке Малчах, от Бреста в 80 верстах. В январе 1660 г. войска И. А. Хованского взяли Брест. Хованский должен был стоять до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши, в Люблин и Варшаву. В марте И. А. Хованский отошел от Бреста, подошел к Ляховичам, владению П. Сапеги, и осадил город, но приступ окончился неудачно.

В связи с неудачей этого приступа русским воеводам было дано указание относительно тактики при осаде неприятельских городов — ратных людей «к городам на приступы без нашего указу не посылать, а над польскими и литовскими городами промысел чинить всякими вымыслы, оприч приступов, чтобы нашим ратным людем в том потери впредь не было». Людей в войсках И. А. Хованского было недостаточно. Для усиления его войск в конце апреля из Могилева был отправлен отряд под начальством С. Змеева. В 15 верстах от Слуцка русские ратные люди сошлись с неприятелем, «побили многих и поймали, а гоняли и побивали 15 верст от Слуцка». Отряд Змеева пришел к Хованскому под Ляховичи в конце мая и был направлен на осаду Несвижа.

Сознавая трудность войны и испытывая все нараставшие осложнения внутри государства, русское правительство возобновило мирные переговоры со Швецией и Польшей. В октябре — ноябре 1659 г. по поручению правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным Горном (недалеко от Дерпта). Но точки зрения сторон оказались непримиримыми. А. Л. Ордин-Нащокин, страстный поборник разрешения балтийского вопроса, допускал соглашение на условиях Тявзинского мира (1595 г.) и добивался возвращения России Ингерманландии, хотя бы ценой значительного вознаграждения. Шведы ультимативно потребовали восстановления границ, существовавших до войны. Безрезультатными остались переговоры и в январе 1660 г. [37].

[37] См. Г. В. Форстен. Внешние сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1898, май, отд. II, стр. 66—67.

Под нажимом народных масс Украины Ю. Хмельницкий вынужден был восстановить присоединение Украины к России, что и было оформлено в Переяславских статьях 1659 г.

В первые месяцы 1660 г. военная обстановка на Украине складывалась благоприятно для России. Русское правительство предполагало вести наступательные операции против польско-литовских войск. Главному русскому воеводе на Украине. В. Б. Шереметеву были посланы значительные подкрепления. Чтобы не дать возможности крымским татарам оказать помощь Польше, на Крым предполагалось двинуть донских казаков. Военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии значительно активизировались. 15 января русские войска нанесли поражение отряду полковника М. Обуховича из войск П. Сапеги в местечке Малчах, от Бреста в 80 верстах. В январе 1660 г. войска И. А. Хованского взяли Брест. Хованский должен был стоять до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши, в Люблин и Варшаву. В марте И. А. Хованский отошел от Бреста, подошел к Ляховичам, владению П. Сапеги, и осадил город, но приступ окончился неудачно.

В связи с неудачей этого приступа русским воеводам было дано указание относительно тактики при осаде неприятельских городов — ратных людей «к городам на приступы без нашего указу не посылать, а над польскими и литовскими городами промысел чинить всякими вымыслы, оприч приступов, чтобы нашим ратным людем в том потери впредь не было». Людей в войсках И. А. Хованского было недостаточно. Для усиления его войск в конце апреля из Могилева был отправлен отряд под начальством С. Змеева. В 15 верстах от Слуцка русские ратные люди сошлись с неприятелем, «побили многих и поимали, а гоняли и побивали 15 верст от Слуцка». Отряд Змеева пришел к Хованскому под Ляховичи в конце мая и был направлен на осаду Несвижа.

Сознавая трудность войны и испытывая все нараставшие осложнения внутри государства, русское правительство возобновило мирные переговоры со Швецией и Польшей. В октябре — ноябре 1659 г. по поручению правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным Горном (недалеко от Дерпта). Но точки зрения сторон оказались непримиримыми. А. Л. Ордин-Нащокин, страстный поборник разрешения балтийского вопроса, допускал соглашение на условиях Тявзинского мира (1595 г.) и добивался возвращения России Ингерманландии, хотя бы ценой значительного вознаграждения. Шведы ультимативно потребовали восстановления границ, существовавших до войны. Безрезультатными остались переговоры и в январе 1660 г. [37].

---

[37] См. Г. В. Форстен. Внешние сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1898, май, отд. II, стр. 66—67.

ЧАСТЬ II

ПОЛИТИКА РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В БЕЛОРУССИИ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

Под нажимом народных масс Украины Ю. Хмельницкий вынужден был восстановить присоединение Украины к России, что и было оформлено в Переяславских статьях 1659 г.

В первые месяцы 1660 г. военная обстановка на Украине складывалась благоприятно для России. Русское правительство предполагало вести наступательные операции против польско-литовских войск. Главному русскому воеводе на Украине. В. Б. Шереметеву были посланы значительные подкрепления. Чтобы не дать возможности крымским татарам оказать помощь Польше, на Крым предполагалось двинуть донских казаков. Военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии значительно активизировались. 15 января русские войска нанесли поражение отряду полковника М. Обуховича из войск П. Сапеги в местечке Малчах, от Бреста в 80 верстах. В январе 1660 г. войска И. А. Хованского взяли Брест. Хованский должен был стоять до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши, в Люблин и Варшаву. В марте И. А. Хованский отошел от Бреста, подошел к Ляховичам, владению П. Сапеги, и осадил город, но приступ окончился неудачно.

В связи с неудачей этого приступа русским воеводам было дано указание относительно тактики при осаде неприятельских городов — ратных людей «к городам на приступы без нашего указу не посылать, а над польскими и литовскими городами промысел чинить всякими вымыслы, оприч приступов, чтобы нашим ратным людем в том потери впредь не было». Людей в войсках И. А. Хованского было недостаточно. Для усиления его войск в конце апреля из Могилева был отправлен отряд под начальством С. Змеева. В 15 верстах от Слуцка русские ратные люди сошлись с неприятелем, «побили многих и поимали, а гоняли и побивали 15 верст от Слуцка». Отряд Змеева пришел к Хованскому под Ляховичи в конце мая и был направлен на осаду Несвижа.

Сознавая трудность войны и испытывая все нараставшие осложнения внутри государства, русское правительство возобновило мирные переговоры со Швецией и Польшей. В октябре — ноябре 1659 г. по поручению правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным Горном (недалеко от Дерпта). Но точки зрения сторон оказались непримиримыми. А. Л. Ордин-Нащокин, страстный поборник разрешения балтийского вопроса, допускал соглашение на условиях Тявзинского мира (1595 г.) и добивался возвращения России Ингерманландии, хотя бы ценой значительного вознаграждения. Шведы ультимативно потребовали восстановления границ, существовавших до войны. Безрезультатными остались переговоры и в январе 1660 г. [37].

---

[37] См. Г. В. Форстен. Внешние сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1898, май, отд. II, стр. 66—67.

Под нажимом народных масс Украины Ю. Хмельницкий вынужден был восстановить присоединение Украины к России, что и было оформлено в Переяславских статьях 1659 г.

В первые месяцы 1660 г. военная обстановка на Украине складывалась благоприятно для России. Русское правительство предполагало вести наступательные операции против польско-литовских войск. Главному русскому воеводе на Украине. В. Б. Шереметеву были посланы значительные подкрепления. Чтобы не дать возможности крымским татарам оказать помощь Польше, на Крым предполагалось двинуть донских казаков. Военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии значительно активизировались. 15 января русские войска нанесли поражение отряду полковника М. Обуховича из войск П. Сапеги в местечке Малчах, от Бреста в 80 верстах. В январе 1660 г. войска И. А. Хованского взяли Брест. Хованский должен был стоять до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши, в Люблин и Варшаву. В марте И. А. Хованский отошел от Бреста, подошел к Ляховичам, владению П. Сапеги, и осадил город, но приступ окончился неудачно.

В связи с неудачей этого приступа русским воеводам было дано указание относительно тактики при осаде неприятельских городов — ратных людей «к городам на приступы без нашего указу не посылать, а над польскими и литовскими городами промысел чинить всякими вымыслы, оприч приступов, чтобы нашим ратным людем в том потери впредь не было». Людей в войсках И. А. Хованского было недостаточно. Для усиления его войск в конце апреля из Могилева был отправлен отряд под начальством С. Змеева. В 15 верстах от Слуцка русские ратные люди сошлись с неприятелем, «побили многих и поймали, а гоняли и побивали 15 верст от Слуцка». Отряд Змеева пришел к Хованскому под Ляховичи в конце мая и был направлен на осаду Несвижа.

Сознавая трудность войны и испытывая все нараставшие осложнения внутри государства, русское правительство возобновило мирные переговоры со Швецией и Польшей. В октябре — ноябре 1659 г. по поручению правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным Горном (недалеко от Дерпта). Но точки зрения сторон оказались непримиримыми. А. Л. Ордин-Нащокин, страстный поборник разрешения балтийского вопроса, допускал соглашение на условиях Тявзинского мира (1595 г.) и добивался возвращения России Ингерманландии, хотя бы ценой значительного вознаграждения. Шведы ультимативно потребовали восстановления границ, существовавших до войны. Безрезультатными остались переговоры и в январе 1660 г. [37].

---

[37] См. Г. В. Форстен. Внешние сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1898, май, отд. II, стр. 66—67.

Под нажимом народных масс Украины Ю. Хмельницкий вынужден был восстановить присоединение Украины к России, что и было оформлено в Переяславских статьях 1659 г.

В первые месяцы 1660 г. военная обстановка на Украине складывалась благоприятно для России. Русское правительство предполагало вести наступательные операции против польско-литовских войск. Главному русскому воеводе на Украине. В. Б. Шереметеву были посланы значительные подкрепления. Чтобы не дать возможности крымским татарам оказать помощь Польше, на Крым предполагалось двинуть донских казаков. Военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии значительно активизировались. 15 января русские войска нанесли поражение отряду полковника М. Обуховича из войск П. Сапеги в местечке Малчах, от Бреста в 80 верстах. В январе 1660 г. войска И. А. Хованского взяли Брест. Хованский должен был стоять до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши, в Люблин и Варшаву. В марте И. А. Хованский отошел от Бреста, подошел к Ляховичам, владению П. Сапеги, и осадил город, но приступ окончился неудачно.

В связи с неудачей этого приступа русским воеводам было дано указание относительно тактики при осаде неприятельских городов — ратных людей «к городам на приступы без нашего указу не посылать, а над польскими и литовскими городами промысел чинить всякими вымыслы, оприч приступов, чтобы нашим ратным людем в том потери впредь не было». Людей в войсках И. А. Хованского было недостаточно. Для усиления его войск в конце апреля из Могилева был отправлен отряд под начальством С. Змеева. В 15 верстах от Слуцка русские ратные люди сошлись с неприятелем, «побили многих и поимали, а гоняли и побивали 15 верст от Слуцка». Отряд Змеева пришел к Хованскому под Ляховичи в конце мая и был направлен на осаду Несвижа.

Сознавая трудность войны и испытывая все нараставшие осложнения внутри государства, русское правительство возобновило мирные переговоры со Швецией и Польшей. В октябре — ноябре 1659 г. по поручению правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным Горном (недалеко от Дерпта). Но точки зрения сторон оказались непримиримыми. А. Л. Ордин-Нащокин, страстный поборник разрешения балтийского вопроса, допускал соглашение на условиях Тявзинского мира (1595 г.) и добивался возвращения России Ингерманландии, хотя бы ценой значительного вознаграждения. Шведы ультимативно потребовали восстановления границ, существовавших до войны. Безрезультатными остались переговоры и в январе 1660 г. [37].

---

[37] См. Г. В. Форстен. Внешние сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1898, май, отд. II, стр. 66—67.

Под нажимом народных масс Украины Ю. Хмельницкий вынужден был восстановить присоединение Украины к России, что и было оформлено в Переяславских статьях 1659 г.

В первые месяцы 1660 г. военная обстановка на Украине складывалась благоприятно для России. Русское правительство предполагало вести наступательные операции против польско-литовских войск. Главному русскому воеводе на Украине. В. Б. Шереметеву были посланы значительные подкрепления. Чтобы не дать возможности крымским татарам оказать помощь Польше, на Крым предполагалось двинуть донских казаков. Военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии значительно активизировались. 15 января русские войска нанесли поражение отряду полковника М. Обуховича из войск П. Сапеги в местечке Малчах, от Бреста в 80 верстах. В январе 1660 г. войска И. А. Хованского взяли Брест. Хованский должен был стоять до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши, в Люблин и Варшаву. В марте И. А. Хованский отошел от Бреста, подошел к Ляховичам, владению П. Сапеги, и осадил город, но приступ окончился неудачно.

В связи с неудачей этого приступа русским воеводам было дано указание относительно тактики при осаде неприятельских городов — ратных людей «к городам на приступы без нашего указу не посылать, а над польскими и литовскими городами промысел чинить всякими вымыслы, оприч приступов, чтобы нашим ратным людем в том потери впредь не было». Людей в войсках И. А. Хованского было недостаточно. Для усиления его войск в конце апреля из Могилева был отправлен отряд под начальством С. Змеева. В 15 верстах от Слуцка русские ратные люди сошлись с неприятелем, «побили многих и поймали, а гоняли и побивали 15 верст от Слуцка». Отряд Змеева пришел к Хованскому под Ляховичи в конце мая и был направлен на осаду Несвижа.

Сознавая трудность войны и испытывая все нараставшие осложнения внутри государства, русское правительство возобновило мирные переговоры со Швецией и Польшей. В октябре — ноябре 1659 г. по поручению правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным Горном (недалеко от Дерпта). Но точки зрения сторон оказались непримиримыми. А. Л. Ордин-Нащокин, страстный поборник разрешения балтийского вопроса, допускал соглашение на условиях Тявзинского мира (1595 г.) и добивался возвращения России Ингерманландии, хотя бы ценой значительного вознаграждения. Шведы ультимативно потребовали восстановления границ, существовавших до войны. Безрезультатными остались переговоры и в январе 1660 г. [37].

---

[37] См. Г. В. Форстен. Внешние сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1898, май, отд. II, стр. 66—67.

Под нажимом народных масс Украины Ю. Хмельницкий вынужден был восстановить присоединение Украины к России, что и было оформлено в Переяславских статьях 1659 г.

В первые месяцы 1660 г. военная обстановка на Украине складывалась благоприятно для России. Русское правительство предполагало вести наступательные операции против польско-литовских войск. Главному русскому воеводе на Украине. В. Б. Шереметеву были посланы значительные подкрепления. Чтобы не дать возможности крымским татарам оказать помощь Польше, на Крым предполагалось двинуть донских казаков. Военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии значительно активизировались. 15 января русские войска нанесли поражение отряду полковника М. Обуховича из войск П. Сапеги в местечке Малчах, от Бреста в 80 верстах. В январе 1660 г. войска И. А. Хованского взяли Брест. Хованский должен был стоять до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши, в Люблин и Варшаву. В марте И. А. Хованский отошел от Бреста, подошел к Ляховичам, владению П. Сапеги, и осадил город, но приступ окончился неудачно.

В связи с неудачей этого приступа русским воеводам было дано указание относительно тактики при осаде неприятельских городов — ратных людей «к городам на приступы без нашего указу не посылать, а над польскими и литовскими городами промысел чинить всякими вымыслы, оприч приступов, чтобы нашим ратным людем в том потери впредь не было». Людей в войсках И. А. Хованского было недостаточно. Для усиления его войск в конце апреля из Могилева был отправлен отряд под начальством С. Змеева. В 15 верстах от Слуцка русские ратные люди сошлись с неприятелем, «побили многих и поимали, а гоняли и побивали 15 верст от Слуцка». Отряд Змеева пришел к Хованскому под Ляховичи в конце мая и был направлен на осаду Несвижа.

Сознавая трудность войны и испытывая все нараставшие осложнения внутри государства, русское правительство возобновило мирные переговоры со Швецией и Польшей. В октябре — ноябре 1659 г. по поручению правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным Горном (недалеко от Дерпта). Но точки зрения сторон оказались непримиримыми. А. Л. Ордин-Нащокин, страстный поборник разрешения балтийского вопроса, допускал соглашение на условиях Тявзинского мира (1595 г.) и добивался возвращения России Ингерманландии, хотя бы ценой значительного вознаграждения. Шведы ультимативно потребовали восстановления границ, существовавших до войны. Безрезультатными остались переговоры и в январе 1660 г. [37].

---

[37] См. Г. В. Форстен. Внешние сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1898, май, отд. II, стр. 66—67.

Под нажимом народных масс Украины Ю. Хмельницкий вынужден был восстановить присоединение Украины к России, что и было оформлено в Переяславских статьях 1659 г.

В первые месяцы 1660 г. военная обстановка на Украине складывалась благоприятно для России. Русское правительство предполагало вести наступательные операции против польско-литовских войск. Главному русскому воеводе на Украине. В. Б. Шереметеву были посланы значительные подкрепления. Чтобы не дать возможности крымским татарам оказать помощь Польше, на Крым предполагалось двинуть донских казаков. Военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии значительно активизировались. 15 января русские войска нанесли поражение отряду полковника М. Обуховича из войск П. Сапеги в местечке Малчах, от Бреста в 80 верстах. В январе 1660 г. войска И. А. Хованского взяли Брест. Хованский должен был стоять до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши, в Люблин и Варшаву. В марте И. А. Хованский отошел от Бреста, подошел к Ляховичам, владению П. Сапеги, и осадил город, но приступ окончился неудачно.

В связи с неудачей этого приступа русским воеводам было дано указание относительно тактики при осаде неприятельских городов — ратных людей «к городам на приступы без нашего указу не посылать, а над польскими и литовскими городами промысел чинить всякими вымыслы, оприч приступов, чтобы нашим ратным людем в том потери впредь не было». Людей в войсках И. А. Хованского было недостаточно. Для усиления его войск в конце апреля из Могилева был отправлен отряд под начальством С. Змеева. В 15 верстах от Слуцка русские ратные люди сошлись с неприятелем, «побили многих и поймали, а гоняли и побивали 15 верст от Слуцка». Отряд Змеева пришел к Хованскому под Ляховичи в конце мая и был направлен на осаду Несвижа.

Сознавая трудность войны и испытывая все нараставшие осложнения внутри государства, русское правительство возобновило мирные переговоры со Швецией и Польшей. В октябре — ноябре 1659 г. по поручению правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным Горном (недалеко от Дерпта). Но точки зрения сторон оказались непримиримыми. А. Л. Ордин-Нащокин, страстный поборник разрешения балтийского вопроса, допускал соглашение на условиях Тявзинского мира (1595 г.) и добивался возвращения России Ингерманландии, хотя бы ценой значительного вознаграждения. Шведы ультимативно потребовали восстановления границ, существовавших до войны. Безрезультатными остались переговоры и в январе 1660 г.[37].

---

[37] См. Г. В. Форстен. Внешние сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1898, май, отд. II, стр. 66—67.

Под нажимом народных масс Украины Ю. Хмельницкий вынужден был восстановить присоединение Украины к России, что и было оформлено в Переяславских статьях 1659 г.

В первые месяцы 1660 г. военная обстановка на Украине складывалась благоприятно для России. Русское правительство предполагало вести наступательные операции против польско-литовских войск. Главному русскому воеводе на Украине. В. Б. Шереметеву были посланы значительные подкрепления. Чтобы не дать возможности крымским татарам оказать помощь Польше, на Крым предполагалось двинуть донских казаков. Военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии значительно активизировались. 15 января русские войска нанесли поражение отряду полковника М. Обуховича из войск П. Сапеги в местечке Малчах, от Бреста в 80 верстах. В январе 1660 г. войска И. А. Хованского взяли Брест. Хованский должен был стоять до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши, в Люблин и Варшаву. В марте И. А. Хованский отошел от Бреста, подошел к Ляховичам, владению П. Сапеги, и осадил город, но приступ окончился неудачно.

В связи с неудачей этого приступа русским воеводам было дано указание относительно тактики при осаде неприятельских городов — ратных людей «к городам на приступы без нашего указу не посылать, а над польскими и литовскими городами промысел чинить всякими вымыслы, оприч приступов, чтобы нашим ратным людем в том потери впредь не было». Людей в войсках И. А. Хованского было недостаточно. Для усиления его войск в конце апреля из Могилева был отправлен отряд под начальством С. Змеева. В 15 верстах от Слуцка русские ратные люди сошлись с неприятелем, «побили многих и поймали, а гоняли и побивали 15 верст от Слуцка». Отряд Змеева пришел к Хованскому под Ляховичи в конце мая и был направлен на осаду Несвижа.

Сознавая трудность войны и испытывая все нараставшие осложнения внутри государства, русское правительство возобновило мирные переговоры со Швецией и Польшей. В октябре — ноябре 1659 г. по поручению правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным Горном (недалеко от Дерпта). Но точки зрения сторон оказались непримиримыми. А. Л. Ордин-Нащокин, страстный поборник разрешения балтийского вопроса, допускал соглашение на условиях Тявзинского мира (1595 г.) и добивался возвращения России Ингерманландии, хотя бы ценой значительного вознаграждения. Шведы ультимативно потребовали восстановления границ, существовавших до войны. Безрезультатными остались переговоры и в январе 1660 г. [37].

---

[37] См. Г. В. Форстен. Внешние сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1898, май, отд. II, стр. 66—67.

Под нажимом народных масс Украины Ю. Хмельницкий вынужден был восстановить присоединение Украины к России, что и было оформлено в Переяславских статьях 1659 г.

В первые месяцы 1660 г. военная обстановка на Украине складывалась благоприятно для России. Русское правительство предполагало вести наступательные операции против польско-литовских войск. Главному русскому воеводе на Украине. В. Б. Шереметеву были посланы значительные подкрепления. Чтобы не дать возможности крымским татарам оказать помощь Польше, на Крым предполагалось двинуть донских казаков. Военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии значительно активизировались. 15 января русские войска нанесли поражение отряду полковника М. Обуховича из войск П. Сапеги в местечке Малчах, от Бреста в 80 верстах. В январе 1660 г. войска И. А. Хованского взяли Брест. Хованский должен был стоять до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши, в Люблин и Варшаву. В марте И. А. Хованский отошел от Бреста, подошел к Ляховичам, владению П. Сапеги, и осадил город, но приступ окончился неудачно.

В связи с неудачей этого приступа русским воеводам было дано указание относительно тактики при осаде неприятельских городов — ратных людей «к городам на приступы без нашего указу не посылать, а над польскими и литовскими городами промысел чинить всякими вымыслы, оприч приступов, чтобы нашим ратным людем в том потери впредь не было». Людей в войсках И. А. Хованского было недостаточно. Для усиления его войск в конце апреля из Могилева был отправлен отряд под начальством С. Змеева. В 15 верстах от Слуцка русские ратные люди сошлись с неприятелем, «побили многих и поймали, а гоняли и побивали 15 верст от Слуцка». Отряд Змеева пришел к Хованскому под Ляховичи в конце мая и был направлен на осаду Несвижа.

Сознавая трудность войны и испытывая все нараставшие осложнения внутри государства, русское правительство возобновило мирные переговоры со Швецией и Польшей. В октябре — ноябре 1659 г. по поручению правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным Горном (недалеко от Дерпта). Но точки зрения сторон оказались непримиримыми. А. Л. Ордин-Нащокин, страстный поборник разрешения балтийского вопроса, допускал соглашение на условиях Тявзинского мира (1595 г.) и добивался возвращения России Ингерманландии, хотя бы ценой значительного вознаграждения. Шведы ультимативно потребовали восстановления границ, существовавших до войны. Безрезультатными остались переговоры и в январе 1660 г. [37].

---

[37] См. Г. В. Форстен. Внешние сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1898, май, отд. II, стр. 66—67.

за вдову молдавского господаря Василия Лупола, «княгину Радивилову, памятуя службы отца ее Василия, воеводы бывшего земли Молдавской», чтобы ее маетности (Заблудов и другие) были ей сохранены.

Что касается раздачи новых земельных владений, то русское правительство шло навстречу лишь православным церквям и монастырям и лишь в некоторых случаях отдельным белорусским шляхтичам. Последним жаловались так называемые изменничьи маетности. Так, в царской грамоте от 1655 г. витебским воеводам говорилось, что бил челом витебский шляхтич И. В. Гранашков, поместье которого в Стародубском уезде казаки разорили и пожгли, а крестьян посекли, «а в Витебску у нево поместья нет, нашие службы служить ему не с чево, и нам бы ево пожаловать, вместо тех ево разоренных в Витебском уезде Андреевским и Степановским поместьем Лукиных деревнями со всеми угодьями» [26].

Фонд изменничьих маетностей составлялся из земельных владений белорусской и литовской шляхты, служивших в польско-литовском войске, а также из маетностей тех шляхтичей, которые после присяги России снова переметнулись на сторону Речи Посполитой. Условно в этот же фонд можно отнести также земельные владения литовских магнатов, в подавляющем большинстве находившихся в рядах польско-литовского войска, земельные владения короля, так называемые крулевщизны, земельные владения униатской церкви и земельные владения католической церкви, расположенные на определенной территории — восточнее р. Березины.

Перешедшим на сторону России шляхтичам, если их маетности были разорены, давались также и так называемые приставства, т. е. предоставлялось право собирать с населения соответствующих селений продовольствие и денежные средства на свое прокормление. В грамотах на предоставление приставства подразумевалось, что они даются шляхтичу на сравнительно короткий срок, хотя сам этот срок не указывался.

Просьбы шляхты о новых земельных пожалованиях на первых порах, как правило, отклонялись. Русское правительство предпочитало откладывать вопрос о земельных пожалованиях до более подходящего момента, когда будут присланы царские писцы, которые опишут землю. В своей политике по отношению к белорусской шляхте русское правительство было гораздо строже и последовательнее в 1654—1655 гг., чем позднее, когда изменилась военно-политическая обстановка, и дальнейший рост крестьянского движения заставлял его идти на значительные уступки шляхте, в частности, по вопросу о новых земельных пожалованиях.

Следует отметить, что и шляхта уже с конца 1655 г. выступала с весьма широкими претензиями. Немалый интерес представляют с этой точки зрения так называемые «статьи князя С. А. Урусова».

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 561.

за вдову молдавского господаря Василия Лупола, «княгину Радивилову, памятуя службы отца ее Василия, воеводы бывшего земли Молдавской», чтобы ее маетности (Заблудов и другие) были ей сохранены.

Что касается раздачи новых земельных владений, то русское правительство шло навстречу лишь православным церквям и монастырям и лишь в некоторых случаях отдельным белорусским шляхтичам. Последним жаловались так называемые изменничьи маетности. Так, в царской грамоте от 1655 г. витебским воеводам говорилось, что бил челом витебский шляхтич И. В. Гранашков, поместье которого в Стародубском уезде казаки разорили и пожгли, а крестьян посекли, «а в Витебску у нево поместья нет, нашие службы служить ему не с чево, и нам бы ево пожаловать, вместо тех ево разоренных в Витебском уезде Андреевским и Степановским поместьем Лукиных деревнями со всеми угодьями» [26].

Фонд изменничьих маетностей составлялся из земельных владений белорусской и литовской шляхты, служивших в польско-литовском войске, а также из маетностей тех шляхтичей, которые после присяги России снова переметнулись на сторону Речи Посполитой. Условно в этот же фонд можно отнести также земельные владения литовских магнатов, в подавляющем большинстве находившихся в рядах польско-литовского войска, земельные владения короля, так называемые крулевщизны, земельные владения униатской церкви и земельные владения католической церкви, расположенные на определенной территории — восточнее р. Березины.

Перешедшим на сторону России шляхтичам, если их маетности были разорены, давались также и так называемые приставства, т. е. предоставлялось право собирать с населения соответствующих селений продовольствие и денежные средства на свое прокормление. В грамотах на предоставление приставства подразумевалось, что они даются шляхтичу на сравнительно короткий срок, хотя сам этот срок не указывался.

Просьбы шляхты о новых земельных пожалованиях на первых порах, как правило, отклонялись. Русское правительство предпочитало откладывать вопрос о земельных пожалованиях до более подходящего момента, когда будут присланы царские писцы, которые опишут землю. В своей политике по отношению к белорусской шляхте русское правительство было гораздо строже и последовательнее в 1654—1655 гг., чем позднее, когда изменилась военно-политическая обстановка, и дальнейший рост крестьянского движения заставлял его идти на значительные уступки шляхте, в частности, по вопросу о новых земельных пожалованиях.

Следует отметить, что и шляхта уже с конца 1655 г. выступала с весьма широкими претензиями. Немалый интерес представляют с этой точки зрения так называемые «статьи князя С. А. Урусова».

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 561.

за вдову молдавского господаря Василия Лупола, «княгину Радивилову, памятуя службы отца ее Василия, воеводы бывшего земли Молдавской», чтобы ее маетности (Заблудов и другие) были ей сохранены.

Что касается раздачи новых земельных владений, то русское правительство шло навстречу лишь православным церквям и монастырям и лишь в некоторых случаях отдельным белорусским шляхтичам. Последним жаловались так называемые изменничьи маетности. Так, в царской грамоте от 1655 г. витебским воеводам говорилось, что бил челом витебский шляхтич И. В. Гранашков, поместье которого в Стародубском уезде казаки разорили и пожгли, а крестьян посекли, «а в Витебску у нево поместья нет, нашие службы служить ему не с чево, и нам бы ево пожаловать, вместо тех ево разоренных в Витебском уезде Андреевским и Степановским поместьем Лукиных деревнями со всеми угодьями» [26].

Фонд изменничьих маетностей составлялся из земельных владений белорусской и литовской шляхты, служивших в польско-литовском войске, а также из маетностей тех шляхтичей, которые после присяги России снова переметнулись на сторону Речи Посполитой. Условно в этот же фонд можно отнести также земельные владения литовских магнатов, в подавляющем большинстве находившихся в рядах польско-литовского войска, земельные владения короля, так называемые крулевщизны, земельные владения униатской церкви и земельные владения католической церкви, расположенные на определенной территории — восточнее р. Березины.

Перешедшим на сторону России шляхтичам, если их маетности были разорены, давались также и так называемые приставства, т. е. предоставлялось право собирать с населения соответствующих селений продовольствие и денежные средства на свое прокормление. В грамотах на предоставление приставства подразумевалось, что они даются шляхтичу на сравнительно короткий срок, хотя сам этот срок не указывался.

Просьбы шляхты о новых земельных пожалованиях на первых порах, как правило, отклонялись. Русское правительство предпочитало откладывать вопрос о земельных пожалованиях до более подходящего момента, когда будут присланы царские писцы, которые опишут землю. В своей политике по отношению к белорусской шляхте русское правительство было гораздо строже и последовательнее в 1654—1655 гг., чем позднее, когда изменилась военно-политическая обстановка, и дальнейший рост крестьянского движения заставлял его идти на значительные уступки шляхте, в частности, по вопросу о новых земельных пожалованиях.

Следует отметить, что и шляхта уже с конца 1655 г. выступала с весьма широкими претензиями. Немалый интерес представляют с этой точки зрения так называемые «статьи князя С. А. Урусова».

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 561.

за вдову молдавского господаря Василия Лупола, «княгину Радивилову, памятуя службы отца ее Василия, воеводы бывшего земли Молдавской», чтобы ее маетности (Заблудов и другие) были ей сохранены.

Что касается раздачи новых земельных владений, то русское правительство шло навстречу лишь православным церквям и монастырям и лишь в некоторых случаях отдельным белорусским шляхтичам. Последним жаловались так называемые изменничьи маетности. Так, в царской грамоте от 1655 г. витебским воеводам говорилось, что бил челом витебский шляхтич И. В. Гранашков, поместье которого в Стародубском уезде казаки разорили и пожгли, а крестьян посекли, «а в Витебску у нево поместья нет, нашие службы служить ему не с чево, и нам бы ево пожаловать, вместо тех ево разоренных в Витебском уезде Андреевским и Степановским поместьем Лукиных деревнями со всеми угодьями» [26].

Фонд изменничьих маетностей составлялся из земельных владений белорусской и литовской шляхты, служивших в польско-литовском войске, а также из маетностей тех шляхтичей, которые после присяги России снова переметнулись на сторону Речи Посполитой. Условно в этот же фонд можно отнести также земельные владения литовских магнатов, в подавляющем большинстве находившихся в рядах польско-литовского войска, земельные владения короля, так называемые крулевщизны, земельные владения униатской церкви и земельные владения католической церкви, расположенные на определенной территории — восточнее р. Березины.

Перешедшим на сторону России шляхтичам, если их маетности были разорены, давались также и так называемые приставства, т. е. предоставлялось право собирать с населения соответствующих селений продовольствие и денежные средства на свое прокормление. В грамотах на предоставление приставства подразумевалось, что они даются шляхтичу на сравнительно короткий срок, хотя сам этот срок не указывался.

Просьбы шляхты о новых земельных пожалованиях на первых порах, как правило, отклонялись. Русское правительство предпочитало откладывать вопрос о земельных пожалованиях до более подходящего момента, когда будут присланы царские писцы, которые опишут землю. В своей политике по отношению к белорусской шляхте русское правительство было гораздо строже и последовательнее в 1654—1655 гг., чем позднее, когда изменилась военно-политическая обстановка, и дальнейший рост крестьянского движения заставлял его идти на значительные уступки шляхте, в частности, по вопросу о новых земельных пожалованиях.

Следует отметить, что и шляхта уже с конца 1655 г. выступала с весьма широкими претензиями. Немалый интерес представляют с этой точки зрения так называемые «статьи князя С. А. Урусова».

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 561.

за вдову молдавского господаря Василия Лупола, «княгину Радивилову, памятуя службы отца ее Василия, воеводы бывшего земли Молдавской», чтобы ее маетности (Заблудов и другие) были ей сохранены.

Что касается раздачи новых земельных владений, то русское правительство шло навстречу лишь православным церквям и монастырям и лишь в некоторых случаях отдельным белорусским шляхтичам. Последним жаловались так называемые изменничьи маетности. Так, в царской грамоте от 1655 г. витебским воеводам говорилось, что бил челом витебский шляхтич И. В. Гранашков, поместье которого в Стародубском уезде казаки разорили и пожгли, а крестьян посекли, «а в Витебску у нево поместья нет, нашие службы служить ему не с чево, и нам бы ево пожаловать, вместо тех ево разоренных в Витебском уезде Андреевским и Степановским поместьем Лукиных деревнями со всеми угодьями» [26].

Фонд изменничьих маетностей составлялся из земельных владений белорусской и литовской шляхты, служивших в польско-литовском войске, а также из маетностей тех шляхтичей, которые после присяги России снова переметнулись на сторону Речи Посполитой. Условно в этот же фонд можно отнести также земельные владения литовских магнатов, в подавляющем большинстве находившихся в рядах польско-литовского войска, земельные владения короля, так называемые крулевщизны, земельные владения униатской церкви и земельные владения католической церкви, расположенные на определенной территории — восточнее р. Березины.

Перешедшим на сторону России шляхтичам, если их маетности были разорены, давались также и так называемые приставства, т. е. предоставлялось право собирать с населения соответствующих селений продовольствие и денежные средства на свое прокормление. В грамотах на предоставление приставства подразумевалось, что они даются шляхтичу на сравнительно короткий срок, хотя сам этот срок не указывался.

Просьбы шляхты о новых земельных пожалованиях на первых порах, как правило, отклонялись. Русское правительство предпочитало откладывать вопрос о земельных пожалованиях до более подходящего момента, когда будут присланы царские писцы, которые опишут землю. В своей политике по отношению к белорусской шляхте русское правительство было гораздо строже и последовательнее в 1654—1655 гг., чем позднее, когда изменилась военно-политическая обстановка, и дальнейший рост крестьянского движения заставлял его идти на значительные уступки шляхте, в частности, по вопросу о новых земельных пожалованиях.

Следует отметить, что и шляхта уже с конца 1655 г. выступала с весьма широкими претензиями. Немалый интерес представляют с этой точки зрения так называемые «статьи князя С. А. Урусова».

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 561.

за вдову молдавского господаря Василия Лупола, «княгину Радивилову, памятуя службы отца ее Василия, воеводы бывшего земли Молдавской», чтобы ее маетности (Заблудов и другие) были ей сохранены.

Что касается раздачи новых земельных владений, то русское правительство шло навстречу лишь православным церквям и монастырям и лишь в некоторых случаях отдельным белорусским шляхтичам. Последним жаловались так называемые изменничьи маетности. Так, в царской грамоте от 1655 г. витебским воеводам говорилось, что бил челом витебский шляхтич И. В. Гранашков, поместье которого в Стародубском уезде казаки разорили и пожгли, а крестьян посекли, «а в Витебску у нево поместья нет, нашие службы служить ему не с чево, и нам бы ево пожаловать, вместо тех ево разоренных в Витебском уезде Андреевским и Степановским поместьем Лукиных деревнями со всеми угодьями» [26].

Фонд изменничьих маетностей составлялся из земельных владений белорусской и литовской шляхты, служивших в польско-литовском войске, а также из маетностей тех шляхтичей, которые после присяги России снова переметнулись на сторону Речи Посполитой. Условно в этот же фонд можно отнести также земельные владения литовских магнатов, в подавляющем большинстве находившихся в рядах польско-литовского войска, земельные владения короля, так называемые крулевщизны, земельные владения униатской церкви и земельные владения католической церкви, расположенные на определенной территории — восточнее р. Березины.

Перешедшим на сторону России шляхтичам, если их маетности были разорены, давались также и так называемые приставства, т. е. предоставлялось право собирать с населения соответствующих селений продовольствие и денежные средства на свое прокормление. В грамотах на предоставление приставства подразумевалось, что они даются шляхтичу на сравнительно короткий срок, хотя сам этот срок не указывался.

Просьбы шляхты о новых земельных пожалованиях на первых порах, как правило, отклонялись. Русское правительство предпочитало откладывать вопрос о земельных пожалованиях до более подходящего момента, когда будут присланы царские писцы, которые опишут землю. В своей политике по отношению к белорусской шляхте русское правительство было гораздо строже и последовательнее в 1654—1655 гг., чем позднее, когда изменилась военно-политическая обстановка, и дальнейший рост крестьянского движения заставлял его идти на значительные уступки шляхте, в частности, по вопросу о новых земельных пожалованиях.

Следует отметить, что и шляхта уже с конца 1655 г. выступала с весьма широкими претензиями. Немалый интерес представляют с этой точки зрения так называемые «статьи князя С. А. Урусова».

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 561.

за вдову молдавского господаря Василия Лупола, «княгину Радивилову, памятуя службы отца ее Василия, воеводы бывшего земли Молдавской», чтобы ее маетности (Заблудов и другие) были ей сохранены.

Что касается раздачи новых земельных владений, то русское правительство шло навстречу лишь православным церквям и монастырям и лишь в некоторых случаях отдельным белорусским шляхтичам. Последним жаловались так называемые изменничьи маетности. Так, в царской грамоте от 1655 г. витебским воеводам говорилось, что бил челом витебский шляхтич И. В. Гранашков, поместье которого в Стародубском уезде казаки разорили и пожгли, а крестьян посекли, «а в Витебску у нево поместья нет, нашие службы служить ему не с чево, и нам бы ево пожаловать, вместо тех ево разоренных в Витебском уезде Андреевским и Степановским поместьем Лукиных деревнями со всеми угодьями» [26].

Фонд изменничьих маетностей составлялся из земельных владений белорусской и литовской шляхты, служивших в польско-литовском войске, а также из маетностей тех шляхтичей, которые после присяги России снова переметнулись на сторону Речи Посполитой. Условно в этот же фонд можно отнести также земельные владения литовских магнатов, в подавляющем большинстве находившихся в рядах польско-литовского войска, земельные владения короля, так называемые крулевщизны, земельные владения униатской церкви и земельные владения католической церкви, расположенные на определенной территории — восточнее р. Березины.

Перешедшим на сторону России шляхтичам, если их маетности были разорены, давались также и так называемые приставства, т. е. предоставлялось право собирать с населения соответствующих селений продовольствие и денежные средства на свое прокормление. В грамотах на предоставление приставства подразумевалось, что они даются шляхтичу на сравнительно короткий срок, хотя сам этот срок не указывался.

Просьбы шляхты о новых земельных пожалованиях на первых порах, как правило, отклонялись. Русское правительство предпочитало откладывать вопрос о земельных пожалованиях до более подходящего момента, когда будут присланы царские писцы, которые опишут землю. В своей политике по отношению к белорусской шляхте русское правительство было гораздо строже и последовательнее в 1654—1655 гг., чем позднее, когда изменилась военно-политическая обстановка, и дальнейший рост крестьянского движения заставлял его идти на значительные уступки шляхте, в частности, по вопросу о новых земельных пожалованиях.

Следует отметить, что и шляхта уже с конца 1655 г. выступала с весьма широкими претензиями. Немалый интерес представляют с этой точки зрения так называемые «статьи князя С. А. Урусова».

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 561.

за вдову молдавского господаря Василия Лупола, «княгину Радивилову, памятуя службы отца ее Василия, воеводы бывшего земли Молдавской», чтобы ее маетности (Заблудов и другие) были ей сохранены.

Что касается раздачи новых земельных владений, то русское правительство шло навстречу лишь православным церквям и монастырям и лишь в некоторых случаях отдельным белорусским шляхтичам. Последним жаловались так называемые изменничьи маетности. Так, в царской грамоте от 1655 г. витебским воеводам говорилось, что бил челом витебский шляхтич И. В. Гранашков, поместье которого в Стародубском уезде казаки разорили и пожгли, а крестьян посекли, «а в Витебску у нево поместья нет, нашие службы служить ему не с чево, и нам бы ево пожаловать, вместо тех ево разоренных в Витебском уезде Андреевским и Степановским поместьем Лукиных деревнями со всеми угодьями» [26].

Фонд изменничьих маетностей составлялся из земельных владений белорусской и литовской шляхты, служивших в польско-литовском войске, а также из маетностей тех шляхтичей, которые после присяги России снова переметнулись на сторону Речи Посполитой. Условно в этот же фонд можно отнести также земельные владения литовских магнатов, в подавляющем большинстве находившихся в рядах польско-литовского войска, земельные владения короля, так называемые крулевщизны, земельные владения униатской церкви и земельные владения католической церкви, расположенные на определенной территории — восточнее р. Березины.

Перешедшим на сторону России шляхтичам, если их маетности были разорены, давались также и так называемые приставства, т. е. предоставлялось право собирать с населения соответствующих селений продовольствие и денежные средства на свое прокормление. В грамотах на предоставление приставства подразумевалось, что они даются шляхтичу на сравнительно короткий срок, хотя сам этот срок не указывался.

Просьбы шляхты о новых земельных пожалованиях на первых порах, как правило, отклонялись. Русское правительство предпочитало откладывать вопрос о земельных пожалованиях до более подходящего момента, когда будут присланы царские писцы, которые опишут землю. В своей политике по отношению к белорусской шляхте русское правительство было гораздо строже и последовательнее в 1654—1655 гг., чем позднее, когда изменилась военно-политическая обстановка, и дальнейший рост крестьянского движения заставлял его идти на значительные уступки шляхте, в частности, по вопросу о новых земельных пожалованиях.

Следует отметить, что и шляхта уже с конца 1655 г. выступала с весьма широкими претензиями. Немалый интерес представляют с этой точки зрения так называемые «статьи князя С. А. Урусова».

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 561.

за вдову молдавского господаря Василия Лупола, «княгину Радивилову, памятуя службы отца ее Василия, воеводы бывшего земли Молдавской», чтобы ее маетности (Заблудов и другие) были ей сохранены.

Что касается раздачи новых земельных владений, то русское правительство шло навстречу лишь православным церквям и монастырям и лишь в некоторых случаях отдельным белорусским шляхтичам. Последним жаловались так называемые изменничьи маетности. Так, в царской грамоте от 1655 г. витебским воеводам говорилось, что бил челом витебский шляхтич И. В. Гранашков, поместье которого в Стародубском уезде казаки разорили и пожгли, а крестьян посекли, «а в Витебску у нево поместья нет, нашие службы служить ему не с чево, и нам бы ево пожаловать, вместо тех ево разоренных в Витебском уезде Андреевским и Степановским поместьем Лукиных деревнями со всеми угодьями» [26].

Фонд изменничьих маетностей составлялся из земельных владений белорусской и литовской шляхты, служивших в польско-литовском войске, а также из маетностей тех шляхтичей, которые после присяги России снова переметнулись на сторону Речи Посполитой. Условно в этот же фонд можно отнести также земельные владения литовских магнатов, в подавляющем большинстве находившихся в рядах польско-литовского войска, земельные владения короля, так называемые крулевщизны, земельные владения униатской церкви и земельные владения католической церкви, расположенные на определенной территории — восточнее р. Березины.

Перешедшим на сторону России шляхтичам, если их маетности были разорены, давались также и так называемые приставства, т. е. предоставлялось право собирать с населения соответствующих селений продовольствие и денежные средства на свое прокормление. В грамотах на предоставление приставства подразумевалось, что они даются шляхтичу на сравнительно короткий срок, хотя сам этот срок не указывался.

Просьбы шляхты о новых земельных пожалованиях на первых порах, как правило, отклонялись. Русское правительство предпочитало откладывать вопрос о земельных пожалованиях до более подходящего момента, когда будут присланы царские писцы, которые опишут землю. В своей политике по отношению к белорусской шляхте русское правительство было гораздо строже и последовательнее в 1654—1655 гг., чем позднее, когда изменилась военно-политическая обстановка, и дальнейший рост крестьянского движения заставлял его идти на значительные уступки шляхте, в частности, по вопросу о новых земельных пожалованиях.

Следует отметить, что и шляхта уже с конца 1655 г. выступала с весьма широкими претензиями. Немалый интерес представляют с этой точки зрения так называемые «статьи князя С. А. Урусова».

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 561.

за вдову молдавского господаря Василия Лупола, «княгину Радивилову, памятуя службы отца ее Василия, воеводы бывшего земли Молдавской», чтобы ее маетности (Заблудов и другие) были ей сохранены.

Что касается раздачи новых земельных владений, то русское правительство шло навстречу лишь православным церквям и монастырям и лишь в некоторых случаях отдельным белорусским шляхтичам. Последним жаловались так называемые изменничьи маетности. Так, в царской грамоте от 1655 г. витебским воеводам говорилось, что бил челом витебский шляхтич И. В. Гранашков, поместье которого в Стародубском уезде казаки разорили и пожгли, а крестьян посекли, «а в Витебску у нево поместья нет, нашие службы служить ему не с чево, и нам бы ево пожаловать, вместо тех ево разоренных в Витебском уезде Андреевским и Степановским поместьем Лукиных деревнями со всеми угодьями» [26].

Фонд изменничьих маетностей составлялся из земельных владений белорусской и литовской шляхты, служивших в польско-литовском войске, а также из маетностей тех шляхтичей, которые после присяги России снова переметнулись на сторону Речи Посполитой. Условно в этот же фонд можно отнести также земельные владения литовских магнатов, в подавляющем большинстве находившихся в рядах польско-литовского войска, земельные владения короля, так называемые крулевщизны, земельные владения униатской церкви и земельные владения католической церкви, расположенные на определенной территории — восточнее р. Березины.

Перешедшим на сторону России шляхтичам, если их маетности были разорены, давались также и так называемые приставства, т. е. предоставлялось право собирать с населения соответствующих селений продовольствие и денежные средства на свое прокормление. В грамотах на предоставление приставства подразумевалось, что они даются шляхтичу на сравнительно короткий срок, хотя сам этот срок не указывался.

Просьбы шляхты о новых земельных пожалованиях на первых порах, как правило, отклонялись. Русское правительство предпочитало откладывать вопрос о земельных пожалованиях до более подходящего момента, когда будут присланы царские писцы, которые опишут землю. В своей политике по отношению к белорусской шляхте русское правительство было гораздо строже и последовательнее в 1654—1655 гг., чем позднее, когда изменилась военно-политическая обстановка, и дальнейший рост крестьянского движения заставлял его идти на значительные уступки шляхте, в частности, по вопросу о новых земельных пожалованиях.

Следует отметить, что и шляхта уже с конца 1655 г. выступала с весьма широкими претензиями. Немалый интерес представляют с этой точки зрения так называемые «статьи князя С. А. Урусова».

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 561.

за вдову молдавского господаря Василия Лупола, «княгину Радивилову, памятуя службы отца ее Василия, воеводы бывшего земли Молдавской», чтобы ее маетности (Заблудов и другие) были ей сохранены.

Что касается раздачи новых земельных владений, то русское правительство шло навстречу лишь православным церквям и монастырям и лишь в некоторых случаях отдельным белорусским шляхтичам. Последним жаловались так называемые изменничьи маетности. Так, в царской грамоте от 1655 г. витебским воеводам говорилось, что бил челом витебский шляхтич И. В. Гранашков, поместье которого в Стародубском уезде казаки разорили и пожгли, а крестьян посекли, «а в Витебску у нево поместья нет, нашие службы служить ему не с чево, и нам бы ево пожаловать, вместо тех ево разоренных в Витебском уезде Андреевским и Степановским поместьем Лукиных деревнями со всеми угодьями» [26].

Фонд изменничьих маетностей составлялся из земельных владений белорусской и литовской шляхты, служивших в польско-литовском войске, а также из маетностей тех шляхтичей, которые после присяги России снова переметнулись на сторону Речи Посполитой. Условно в этот же фонд можно отнести также земельные владения литовских магнатов, в подавляющем большинстве находившихся в рядах польско-литовского войска, земельные владения короля, так называемые крулевщизны, земельные владения униатской церкви и земельные владения католической церкви, расположенные на определенной территории — восточнее р. Березины.

Перешедшим на сторону России шляхтичам, если их маетности были разорены, давались также и так называемые приставства, т. е. предоставлялось право собирать с населения соответствующих селений продовольствие и денежные средства на свое прокормление. В грамотах на предоставление приставства подразумевалось, что они даются шляхтичу на сравнительно короткий срок, хотя сам этот срок не указывался.

Просьбы шляхты о новых земельных пожалованиях на первых порах, как правило, отклонялись. Русское правительство предпочитало откладывать вопрос о земельных пожалованиях до более подходящего момента, когда будут присланы царские писцы, которые опишут землю. В своей политике по отношению к белорусской шляхте русское правительство было гораздо строже и последовательнее в 1654—1655 гг., чем позднее, когда изменилась военно-политическая обстановка, и дальнейший рост крестьянского движения заставлял его идти на значительные уступки шляхте, в частности, по вопросу о новых земельных пожалованиях.

Следует отметить, что и шляхта уже с конца 1655 г. выступала с весьма широкими претензиями. Немалый интерес представляют с этой точки зрения так называемые «статьи князя С. А. Урусова».

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 561.

за вдову молдавского господаря Василия Лупола, «княгину Радивилову, памятуя службы отца ее Василия, воеводы бывшего земли Молдавской», чтобы ее маетности (Заблудов и другие) были ей сохранены.

Что касается раздачи новых земельных владений, то русское правительство шло навстречу лишь православным церквям и монастырям и лишь в некоторых случаях отдельным белорусским шляхтичам. Последним жаловались так называемые изменничьи маетности. Так, в царской грамоте от 1655 г. витебским воеводам говорилось, что бил челом витебский шляхтич И. В. Гранашков, поместье которого в Стародубском уезде казаки разорили и пожгли, а крестьян посекли, «а в Витебску у нево поместья нет, нашие службы служить ему не с чево, и нам бы ево пожаловать, вместо тех ево разоренных в Витебском уезде Андреевским и Степановским поместьем Лукиных деревнями со всеми угодьями»[26].

Фонд изменничьих маетностей составлялся из земельных владений белорусской и литовской шляхты, служивших в польско-литовском войске, а также из маетностей тех шляхтичей, которые после присяги России снова переметнулись на сторону Речи Посполитой. Условно в этот же фонд можно отнести также земельные владения литовских магнатов, в подавляющем большинстве находившихся в рядах польско-литовского войска, земельные владения короля, так называемые крулевщизны, земельные владения униатской церкви и земельные владения католической церкви, расположенные на определенной территории — восточнее р. Березины.

Перешедшим на сторону России шляхтичам, если их маетности были разорены, давались также и так называемые приставства, т. е. предоставлялось право собирать с населения соответствующих селений продовольствие и денежные средства на свое прокормление. В грамотах на предоставление приставства подразумевалось, что они даются шляхтичу на сравнительно короткий срок, хотя сам этот срок не указывался.

Просьбы шляхты о новых земельных пожалованиях на первых порах, как правило, отклонялись. Русское правительство предпочитало откладывать вопрос о земельных пожалованиях до более подходящего момента, когда будут присланы царские писцы, которые опишут землю. В своей политике по отношению к белорусской шляхте русское правительство было гораздо строже и последовательнее в 1654—1655 гг., чем позднее, когда изменилась военно-политическая обстановка, и дальнейший рост крестьянского движения заставлял его идти на значительные уступки шляхте, в частности, по вопросу о новых земельных пожалованиях.

Следует отметить, что и шляхта уже с конца 1655 г. выступала с весьма широкими претензиями. Немалый интерес представляют с этой точки зрения так называемые «статьи князя С. А. Урусова».

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 561.

за вдову молдавского господаря Василия Лупола, «княгину Радивилову, памятуя службы отца ее Василия, воеводы бывшего земли Молдавской», чтобы ее маетности (Заблудов и другие) были ей сохранены.

Что касается раздачи новых земельных владений, то русское правительство шло навстречу лишь православным церквям и монастырям и лишь в некоторых случаях отдельным белорусским шляхтичам. Последним жаловались так называемые изменничьи маетности. Так, в царской грамоте от 1655 г. витебским воеводам говорилось, что бил челом витебский шляхтич И. В. Гранашков, поместье которого в Стародубском уезде казаки разорили и пожгли, а крестьян посекли, «а в Витебску у нево поместья нет, нашие службы служить ему не с чево, и нам бы ево пожаловать, вместо тех ево разоренных в Витебском уезде Андреевским и Степановским поместьем Лукиных деревнями со всеми угодьями» [26].

Фонд изменничьих маетностей составлялся из земельных владений белорусской и литовской шляхты, служивших в польско-литовском войске, а также из маетностей тех шляхтичей, которые после присяги России снова переметнулись на сторону Речи Посполитой. Условно в этот же фонд можно отнести также земельные владения литовских магнатов, в подавляющем большинстве находившихся в рядах польско-литовского войска, земельные владения короля, так называемые крулевщизны, земельные владения униатской церкви и земельные владения католической церкви, расположенные на определенной территории — восточнее р. Березины.

Перешедшим на сторону России шляхтичам, если их маетности были разорены, давались также и так называемые приставства, т. е. предоставлялось право собирать с населения соответствующих селений продовольствие и денежные средства на свое прокормление. В грамотах на предоставление приставства подразумевалось, что они даются шляхтичу на сравнительно короткий срок, хотя сам этот срок не указывался.

Просьбы шляхты о новых земельных пожалованиях на первых порах, как правило, отклонялись. Русское правительство предпочитало откладывать вопрос о земельных пожалованиях до более подходящего момента, когда будут присланы царские писцы, которые опишут землю. В своей политике по отношению к белорусской шляхте русское правительство было гораздо строже и последовательнее в 1654—1655 гг., чем позднее, когда изменилась военно-политическая обстановка, и дальнейший рост крестьянского движения заставлял его идти на значительные уступки шляхте, в частности, по вопросу о новых земельных пожалованиях.

Следует отметить, что и шляхта уже с конца 1655 г. выступала с весьма широкими претензиями. Немалый интерес представляют с этой точки зрения так называемые «статьи князя С. А. Урусова».

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 561.

за вдову молдавского господаря Василия Лупола, «княгину Радивилову, памятуя службы отца ее Василия, воеводы бывшего земли Молдавской», чтобы ее маетности (Заблудов и другие) были ей сохранены.

Что касается раздачи новых земельных владений, то русское правительство шло навстречу лишь православным церквям и монастырям и лишь в некоторых случаях отдельным белорусским шляхтичам. Последним жаловались так называемые изменничьи маетности. Так, в царской грамоте от 1655 г. витебским воеводам говорилось, что бил челом витебский шляхтич И. В. Гранашков, поместье которого в Стародубском уезде казаки разорили и пожгли, а крестьян посекли, «а в Витебску у нево поместья нет, нашие службы служить ему не с чево, и нам бы ево пожаловать, вместо тех ево разоренных в Витебском уезде Андреевским и Степановским поместьем Лукиных деревнями со всеми угодьями» [26].

Фонд изменничьих маетностей составлялся из земельных владений белорусской и литовской шляхты, служивших в польско-литовском войске, а также из маетностей тех шляхтичей, которые после присяги России снова переметнулись на сторону Речи Посполитой. Условно в этот же фонд можно отнести также земельные владения литовских магнатов, в подавляющем большинстве находившихся в рядах польско-литовского войска, земельные владения короля, так называемые крулевщизны, земельные владения униатской церкви и земельные владения католической церкви, расположенные на определенной территории — восточнее р. Березины.

Перешедшим на сторону России шляхтичам, если их маетности были разорены, давались также и так называемые приставства, т. е. предоставлялось право собирать с населения соответствующих селений продовольствие и денежные средства на свое прокормление. В грамотах на предоставление приставства подразумевалось, что они даются шляхтичу на сравнительно короткий срок, хотя сам этот срок не указывался.

Просьбы шляхты о новых земельных пожалованиях на первых порах, как правило, отклонялись. Русское правительство предпочитало откладывать вопрос о земельных пожалованиях до более подходящего момента, когда будут присланы царские писцы, которые опишут землю. В своей политике по отношению к белорусской шляхте русское правительство было гораздо строже и последовательнее в 1654—1655 гг., чем позднее, когда изменилась военно-политическая обстановка, и дальнейший рост крестьянского движения заставлял его идти на значительные уступки шляхте, в частности, по вопросу о новых земельных пожалованиях.

Следует отметить, что и шляхта уже с конца 1655 г. выступала с весьма широкими претензиями. Немалый интерес представляют с этой точки зрения так называемые «статьи князя С. А. Урусова».

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 561.

за вдову молдавского господаря Василия Лупола, «княгину Радивилову, памятуя службы отца ее Василия, воеводы бывшего земли Молдавской», чтобы ее маетности (Заблудов и другие) были ей сохранены.

Что касается раздачи новых земельных владений, то русское правительство шло навстречу лишь православным церквям и монастырям и лишь в некоторых случаях отдельным белорусским шляхтичам. Последним жаловались так называемые изменничьи маетности. Так, в царской грамоте от 1655 г. витебским воеводам говорилось, что бил челом витебский шляхтич И. В. Гранашков, поместье которого в Стародубском уезде казаки разорили и пожгли, а крестьян посекли, «а в Витебску у нево поместья нет, нашие службы служить ему не с чево, и нам бы ево пожаловать, вместо тех ево разоренных в Витебском уезде Андреевским и Степановским поместьем Лукиных деревнями со всеми угодьями» [26].

Фонд изменничьих маетностей составлялся из земельных владений белорусской и литовской шляхты, служивших в польско-литовском войске, а также из маетностей тех шляхтичей, которые после присяги России снова переметнулись на сторону Речи Посполитой. Условно в этот же фонд можно отнести также земельные владения литовских магнатов, в подавляющем большинстве находившихся в рядах польско-литовского войска, земельные владения короля, так называемые крулевщизны, земельные владения униатской церкви и земельные владения католической церкви, расположенные на определенной территории — восточнее р. Березины.

Перешедшим на сторону России шляхтичам, если их маетности были разорены, давались также и так называемые приставства, т. е. предоставлялось право собирать с населения соответствующих селений продовольствие и денежные средства на свое прокормление. В грамотах на предоставление приставства подразумевалось, что они даются шляхтичу на сравнительно короткий срок, хотя сам этот срок не указывался.

Просьбы шляхты о новых земельных пожалованиях на первых порах, как правило, отклонялись. Русское правительство предпочитало откладывать вопрос о земельных пожалованиях до более подходящего момента, когда будут присланы царские писцы, которые опишут землю. В своей политике по отношению к белорусской шляхте русское правительство было гораздо строже и последовательнее в 1654—1655 гг., чем позднее, когда изменилась военно-политическая обстановка, и дальнейший рост крестьянского движения заставлял его идти на значительные уступки шляхте, в частности, по вопросу о новых земельных пожалованиях.

Следует отметить, что и шляхта уже с конца 1655 г. выступала с весьма широкими претензиями. Немалый интерес представляют с этой точки зрения так называемые «статьи князя С. А. Урусова».

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 561.

за вдову молдавского господаря Василия Лупола, «княгину Радивилову, памятуя службы отца ее Василия, воеводы бывшего земли Молдавской», чтобы ее маетности (Заблудов и другие) были ей сохранены.

Что касается раздачи новых земельных владений, то русское правительство шло навстречу лишь православным церквям и монастырям и лишь в некоторых случаях отдельным белорусским шляхтичам. Последним жаловались так называемые изменничьи маетности. Так, в царской грамоте от 1655 г. витебским воеводам говорилось, что бил челом витебский шляхтич И. В. Гранашков, поместье которого в Стародубском уезде казаки разорили и пожгли, а крестьян посекли, «а в Витебску у нево поместья нет, нашие службы служить ему не с чево, и нам бы ево пожаловать, вместо тех ево разоренных в Витебском уезде Андреевским и Степановским поместьем Лукиных деревнями со всеми угодьями» [26].

Фонд изменничьих маетностей составлялся из земельных владений белорусской и литовской шляхты, служивших в польско-литовском войске, а также из маетностей тех шляхтичей, которые после присяги России снова переметнулись на сторону Речи Посполитой. Условно в этот же фонд можно отнести также земельные владения литовских магнатов, в подавляющем большинстве находившихся в рядах польско-литовского войска, земельные владения короля, так называемые крулевщизны, земельные владения униатской церкви и земельные владения католической церкви, расположенные на определенной территории — восточнее р. Березины.

Перешедшим на сторону России шляхтичам, если их маетности были разорены, давались также и так называемые приставства, т. е. предоставлялось право собирать с населения соответствующих селений продовольствие и денежные средства на свое прокормление. В грамотах на предоставление приставства подразумевалось, что они даются шляхтичу на сравнительно короткий срок, хотя сам этот срок не указывался.

Просьбы шляхты о новых земельных пожалованиях на первых порах, как правило, отклонялись. Русское правительство предпочитало откладывать вопрос о земельных пожалованиях до более подходящего момента, когда будут присланы царские писцы, которые опишут землю. В своей политике по отношению к белорусской шляхте русское правительство было гораздо строже и последовательнее в 1654—1655 гг., чем позднее, когда изменилась военно-политическая обстановка, и дальнейший рост крестьянского движения заставлял его идти на значительные уступки шляхте, в частности, по вопросу о новых земельных пожалованиях.

Следует отметить, что и шляхта уже с конца 1655 г. выступала с весьма широкими претензиями. Немалый интерес представляют с этой точки зрения так называемые «статьи князя С. А. Урусова».

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 561.

за вдову молдавского господаря Василия Лупола, «княгину Радивилову, памятуя службы отца ее Василия, воеводы бывшего земли Молдавской», чтобы ее маетности (Заблудов и другие) были ей сохранены.

Что касается раздачи новых земельных владений, то русское правительство шло навстречу лишь православным церквям и монастырям и лишь в некоторых случаях отдельным белорусским шляхтичам. Последним жаловались так называемые изменничьи маетности. Так, в царской грамоте от 1655 г. витебским воеводам говорилось, что бил челом витебский шляхтич И. В. Гранашков, поместье которого в Стародубском уезде казаки разорили и пожгли, а крестьян посекли, «а в Витебску у нево поместья нет, нашие службы служить ему не с чево, и нам бы ево пожаловать, вместо тех ево разоренных в Витебском уезде Андреевским и Степановским поместьем Лукиных деревнями со всеми угодьями»[26].

Фонд изменничьих маетностей составлялся из земельных владений белорусской и литовской шляхты, служивших в польско-литовском войске, а также из маетностей тех шляхтичей, которые после присяги России снова переметнулись на сторону Речи Посполитой. Условно в этот же фонд можно отнести также земельные владения литовских магнатов, в подавляющем большинстве находившихся в рядах польско-литовского войска, земельные владения короля, так называемые крулевщизны, земельные владения униатской церкви и земельные владения католической церкви, расположенные на определенной территории — восточнее р. Березины.

Перешедшим на сторону России шляхтичам, если их маетности были разорены, давались также и так называемые приставства, т. е. предоставлялось право собирать с населения соответствующих селений продовольствие и денежные средства на свое прокормление. В грамотах на предоставление приставства подразумевалось, что они даются шляхтичу на сравнительно короткий срок, хотя сам этот срок не указывался.

Просьбы шляхты о новых земельных пожалованиях на первых порах, как правило, отклонялись. Русское правительство предпочитало откладывать вопрос о земельных пожалованиях до более подходящего момента, когда будут присланы царские писцы, которые опишут землю. В своей политике по отношению к белорусской шляхте русское правительство было гораздо строже и последовательнее в 1654—1655 гг., чем позднее, когда изменилась военно-политическая обстановка, и дальнейший рост крестьянского движения заставлял его идти на значительные уступки шляхте, в частности, по вопросу о новых земельных пожалованиях.

Следует отметить, что и шляхта уже с конца 1655 г. выступала с весьма широкими претензиями. Немалый интерес представляют с этой точки зрения так называемые «статьи князя С. А. Урусова».

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 561.

за вдову молдавского господаря Василия Лупола, «княгину Радивилову, памятуя службы отца ее Василия, воеводы бывшего земли Молдавской», чтобы ее маетности (Заблудов и другие) были ей сохранены.

Что касается раздачи новых земельных владений, то русское правительство шло навстречу лишь православным церквям и монастырям и лишь в некоторых случаях отдельным белорусским шляхтичам. Последним жаловались так называемые изменничьи маетности. Так, в царской грамоте от 1655 г. витебским воеводам говорилось, что бил челом витебский шляхтич И. В. Гранашков, поместье которого в Стародубском уезде казаки разорили и пожгли, а крестьян посекли, «а в Витебску у нево поместья нет, нашие службы служить ему не с чево, и нам бы ево пожаловать, вместо тех ево разоренных в Витебском уезде Андреевским и Степановским поместьем Лукиных деревнями со всеми угодьями» [26].

Фонд изменничьих маетностей составлялся из земельных владений белорусской и литовской шляхты, служивших в польско-литовском войске, а также из маетностей тех шляхтичей, которые после присяги России снова переметнулись на сторону Речи Посполитой. Условно в этот же фонд можно отнести также земельные владения литовских магнатов, в подавляющем большинстве находившихся в рядах польско-литовского войска, земельные владения короля, так называемые крулевщизны, земельные владения униатской церкви и земельные владения католической церкви, расположенные на определенной территории — восточнее р. Березины.

Перешедшим на сторону России шляхтичам, если их маетности были разорены, давались также и так называемые приставства, т. е. предоставлялось право собирать с населения соответствующих селений продовольствие и денежные средства на свое прокормление. В грамотах на предоставление приставства подразумевалось, что они даются шляхтичу на сравнительно короткий срок, хотя сам этот срок не указывался.

Просьбы шляхты о новых земельных пожалованиях на первых порах, как правило, отклонялись. Русское правительство предпочитало откладывать вопрос о земельных пожалованиях до более подходящего момента, когда будут присланы царские писцы, которые опишут землю. В своей политике по отношению к белорусской шляхте русское правительство было гораздо строже и последовательнее в 1654—1655 гг., чем позднее, когда изменилась военно-политическая обстановка, и дальнейший рост крестьянского движения заставлял его идти на значительные уступки шляхте, в частности, по вопросу о новых земельных пожалованиях.

Следует отметить, что и шляхта уже с конца 1655 г. выступала с весьма широкими претензиями. Немалый интерес представляют с этой точки зрения так называемые «статьи князя С. А. Урусова».

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 561.

за вдову молдавского господаря Василия Лупола, «княгину Радивилову, памятуя службы отца ее Василия, воеводы бывшего земли Молдавской», чтобы ее маетности (Заблудов и другие) были ей сохранены.

Что касается раздачи новых земельных владений, то русское правительство шло навстречу лишь православным церквям и монастырям и лишь в некоторых случаях отдельным белорусским шляхтичам. Последним жаловались так называемые изменничьи маетности. Так, в царской грамоте от 1655 г. витебским воеводам говорилось, что бил челом витебский шляхтич И. В. Гранашков, поместье которого в Стародубском уезде казаки разорили и пожгли, а крестьян посекли, «а в Витебску у нево поместья нет, нашие службы служить ему не с чево, и нам бы ево пожаловать, вместо тех ево разоренных в Витебском уезде Андреевским и Степановским поместьем Лукиных деревнями со всеми угодьями» [26].

Фонд изменничьих маетностей составлялся из земельных владений белорусской и литовской шляхты, служивших в польско-литовском войске, а также из маетностей тех шляхтичей, которые после присяги России снова переметнулись на сторону Речи Посполитой. Условно в этот же фонд можно отнести также земельные владения литовских магнатов, в подавляющем большинстве находившихся в рядах польско-литовского войска, земельные владения короля, так называемые крулевщизны, земельные владения униатской церкви и земельные владения католической церкви, расположенные на определенной территории — восточнее р. Березины.

Перешедшим на сторону России шляхтичам, если их маетности были разорены, давались также и так называемые приставства, т. е. предоставлялось право собирать с населения соответствующих селений продовольствие и денежные средства на свое прокормление. В грамотах на предоставление приставства подразумевалось, что они даются шляхтичу на сравнительно короткий срок, хотя сам этот срок не указывался.

Просьбы шляхты о новых земельных пожалованиях на первых порах, как правило, отклонялись. Русское правительство предпочитало откладывать вопрос о земельных пожалованиях до более подходящего момента, когда будут присланы царские писцы, которые опишут землю. В своей политике по отношению к белорусской шляхте русское правительство было гораздо строже и последовательнее в 1654—1655 гг., чем позднее, когда изменилась военно-политическая обстановка, и дальнейший рост крестьянского движения заставлял его идти на значительные уступки шляхте, в частности, по вопросу о новых земельных пожалованиях.

Следует отметить, что и шляхта уже с конца 1655 г. выступала с весьма широкими претензиями. Немалый интерес представляют с этой точки зрения так называемые «статьи князя С. А. Урусова».

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 561.

за вдову молдавского господаря Василия Лупола, «княгину Радивилову, памятуя службы отца ее Василия, воеводы бывшего земли Молдавской», чтобы ее маетности (Заблудов и другие) были ей сохранены.

Что касается раздачи новых земельных владений, то русское правительство шло навстречу лишь православным церквям и монастырям и лишь в некоторых случаях отдельным белорусским шляхтичам. Последним жаловались так называемые изменничьи маетности. Так, в царской грамоте от 1655 г. витебским воеводам говорилось, что бил челом витебский шляхтич И. В. Гранашков, поместье которого в Стародубском уезде казаки разорили и пожгли, а крестьян посекли, «а в Витебску у нево поместья нет, нашие службы служить ему не с чево, и нам бы ево пожаловать, вместо тех ево разоренных в Витебском уезде Андреевским и Степановским поместьем Лукиных деревнями со всеми угодьями» [26].

Фонд изменничьих маетностей составлялся из земельных владений белорусской и литовской шляхты, служивших в польско-литовском войске, а также из маетностей тех шляхтичей, которые после присяги России снова переметнулись на сторону Речи Посполитой. Условно в этот же фонд можно отнести также земельные владения литовских магнатов, в подавляющем большинстве находившихся в рядах польско-литовского войска, земельные владения короля, так называемые крулевщизны, земельные владения униатской церкви и земельные владения католической церкви, расположенные на определенной территории — восточнее р. Березины.

Перешедшим на сторону России шляхтичам, если их маетности были разорены, давались также и так называемые приставства, т. е. предоставлялось право собирать с населения соответствующих селений продовольствие и денежные средства на свое прокормление. В грамотах на предоставление приставства подразумевалось, что они даются шляхтичу на сравнительно короткий срок, хотя сам этот срок не указывался.

Просьбы шляхты о новых земельных пожалованиях на первых порах, как правило, отклонялись. Русское правительство предпочитало откладывать вопрос о земельных пожалованиях до более подходящего момента, когда будут присланы царские писцы, которые опишут землю. В своей политике по отношению к белорусской шляхте русское правительство было гораздо строже и последовательнее в 1654—1655 гг., чем позднее, когда изменилась военно-политическая обстановка, и дальнейший рост крестьянского движения заставлял его идти на значительные уступки шляхте, в частности, по вопросу о новых земельных пожалованиях.

Следует отметить, что и шляхта уже с конца 1655 г. выступала с весьма широкими претензиями. Немалый интерес представляют с этой точки зрения так называемые «статьи князя С. А. Урусова».

---

[26] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 561.

архом Никоном. Полоцкий епископ Каллист, обращаясь к Никону, выражал свое недовольство и подчеркивал неизбежность деятельности католического духовенства. «Да и иные, государь, римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают, и тех наговаривают, и подтверждают, чтоб мало потерпели, покаместа в Полше справятца»[92]. Во всяком случае, если с католической церковью русское правительство иногда считалось, вынужденное обстоятельствами, то деятельность униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее земельные владения конфисковывались.

---

[92] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 134, л. 7.

архом Никоном. Полоцкий епископ Каллист, обращаясь к Никону, выражал свое недовольство и подчеркивал неизбежность деятельности католического духовенства. «Да и иные, государь, римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают, и тех наговаривают, и подтверждают, чтоб мало потерпели, покаместа в Полше справятца»[92]. Во всяком случае, если с католической церковью русское правительство иногда считалось, вынужденное обстоятельствами, то деятельность униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее земельные владения конфисковывались.

---

[92] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 134, л. 7.

архом Никоном. Полоцкий епископ Каллист, обращаясь к Никону, выражал свое недовольство и подчеркивал неизбежность деятельности католического духовенства. «Да и иные, государь, римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают, и тех наговаривают, и подтверждают, чтоб мало потерпели, покаместа в Полше справятца»[92]. Во всяком случае, если с католической церковью русское правительство иногда считалось, вынужденное обстоятельствами, то деятельность униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее земельные владения конфисковывались.

---

[92] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 134, л. 7.

архом Никоном. Полоцкий епископ Каллист, обращаясь к Никону, выражал свое недовольство и подчеркивал неизбежность деятельности католического духовенства. «Да и иные, государь, римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают, и тех наговаривают, и подтверждают, чтоб мало потерпели, покаместа в Полше справятца»[92]. Во всяком случае, если с католической церковью русское правительство иногда считалось, вынужденное обстоятельствами, то деятельность униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее земельные владения конфисковывались.

---

[92] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 134, л. 7.

архом Никоном. Полоцкий епископ Каллист, обращаясь к Никону, выражал свое недовольство и подчеркивал неизбежность деятельности католического духовенства. «Да и иные, государь, римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают, и тех наговаривают, и подтверждают, чтоб мало потерпели, покаместа в Полше справятца»[92]. Во всяком случае, если с католической церковью русское правительство иногда считалось, вынужденное обстоятельствами, то деятельность униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее земельные владения конфисковывались.

---

[92] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 134, л. 7.

архом Никоном. Полоцкий епископ Каллист, обращаясь к Никону, выражал свое недовольство и подчеркивал неизбежность деятельности католического духовенства. «Да и иные, государь, римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают, и тех наговаривают, и подтверждают, чтоб мало потерпели, покаместа в Полше справятца»[92]. Во всяком случае, если с католической церковью русское правительство иногда считалось, вынужденное обстоятельствами, то деятельность униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее земельные владения конфисковывались.

---

[92] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 134, л. 7.

архом Никоном. Полоцкий епископ Каллист, обращаясь к Никону, выражал свое недовольство и подчеркивал неизбежность деятельности католического духовенства. «Да и иные, государь, римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают, и тех наговаривают, и подтверждают, чтоб мало потерпели, покаместа в Полше справятца»[92]. Во всяком случае, если с католической церковью русское правительство иногда считалось, вынужденное обстоятельствами, то деятельность униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее земельные владения конфисковывались.

---

[92] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 134, л. 7.

архом Никоном. Полоцкий епископ Каллист, обращаясь к Никону, выражал свое недовольство и подчеркивал неизбежность деятельности католического духовенства. «Да и иные, государь, римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают, и тех наговаривают, и подтверждают, чтоб мало потерпели, покаместа в Полше справятца»[92]. Во всяком случае, если с католической церковью русское правительство иногда считалось, вынужденное обстоятельствами, то деятельность униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее земельные владения конфисковывались.

---

[92] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 134, л. 7.

архом Никоном. Полоцкий епископ Каллист, обращаясь к Никону, выражал свое недовольство и подчеркивал неизбежность деятельности католического духовенства. «Да и иные, государь, римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают, и тех наговаривают, и подтверждают, чтоб мало потерпели, покаместа в Полше справятца» [92]. Во всяком случае, если с католической церковью русское правительство иногда считалось, вынужденное обстоятельствами, то деятельность униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее земельные владения конфисковывались.

---

[92] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 134, л. 7.

архом Никоном. Полоцкий епископ Каллист, обращаясь к Никону, выражал свое недовольство и подчеркивал неизбежность деятельности католического духовенства. «Да и иные, государь, римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают, и тех наговаривают, и подтверждают, чтоб мало потерпели, покаместа в Полше справятца»[92]. Во всяком случае, если с католической церковью русское правительство иногда считалось, вынужденное обстоятельствами, то деятельность униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее земельные владения конфисковывались.

---

[92] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 134, л. 7.

архом Никоном. Полоцкий епископ Каллист, обращаясь к Никону, выражал свое недовольство и подчеркивал неизбежность деятельности католического духовенства. «Да и иные, государь, римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают, и тех наговаривают, и подтверждают, чтоб мало потерпели, покаместа в Полше справятца»[92]. Во всяком случае, если с католической церковью русское правительство иногда считалось, вынужденное обстоятельствами, то деятельность униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее земельные владения конфисковывались.

---

[92] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 134, л. 7.

архом Никоном. Полоцкий епископ Каллист, обращаясь к Никону, выражал свое недовольство и подчеркивал неизбежность деятельности католического духовенства. «Да и иные, государь, римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают, и тех наговаривают, и подтверждают, чтоб мало потерпели, покаместа в Полше справятца»[92]. Во всяком случае, если с католической церковью русское правительство иногда считалось, вынужденное обстоятельствами, то деятельность униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее земельные владения конфисковывались.

---

[92] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 134, л. 7.

архом Никоном. Полоцкий епископ Каллист, обращаясь к Никону, выражал свое недовольство и подчеркивал неизбежность деятельности католического духовенства. «Да и иные, государь, римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают, и тех наговаривают, и подтверждают, чтоб мало потерпели, покаместа в Полше справятца»[92]. Во всяком случае, если с католической церковью русское правительство иногда считалось, вынужденное обстоятельствами, то деятельность униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее земельные владения конфисковывались.

---

[92] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 134, л. 7.

архом Никоном. Полоцкий епископ Каллист, обращаясь к Никону, выражал свое недовольство и подчеркивал неизбежность деятельности католического духовенства. «Да и иные, государь, римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают, и тех наговаривают, и подтверждают, чтоб мало потерпели, покаместа в Полше справятца»[92]. Во всяком случае, если с католической церковью русское правительство иногда считалось, вынужденное обстоятельствами, то деятельность униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее земельные владения конфисковывались.

---

[92] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 134, л. 7.

архом Никоном. Полоцкий епископ Каллист, обращаясь к Никону, выражал свое недовольство и подчеркивал неизбежность деятельности католического духовенства. «Да и иные, государь, римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают, и тех наговаривают, и подтверждают, чтоб мало потерпели, покаместа в Полше справятца» [92]. Во всяком случае, если с католической церковью русское правительство иногда считалось, вынужденное обстоятельствами, то деятельность униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее земельные владения конфисковывались.

---

[92] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 134, л. 7.

архом Никоном. Полоцкий епископ Каллист, обращаясь к Никону, выражал свое недовольство и подчеркивал неизбежность деятельности католического духовенства. «Да и иные, государь, римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают, и тех наговаривают, и подтверждают, чтоб мало потерпели, покаместа в Полше справятца»[92]. Во всяком случае, если с католической церковью русское правительство иногда считалось, вынужденное обстоятельствами, то деятельность униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее земельные владения конфисковывались.

---

[92] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 134, л. 7.

архом Никоном. Полоцкий епископ Каллист, обращаясь к Никону, выражал свое недовольство и подчеркивал неизбежность деятельности католического духовенства. «Да и иные, государь, римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают, и тех наговаривают, и подтверждают, чтоб мало потерпели, покаместа в Полше справятца»[92]. Во всяком случае, если с католической церковью русское правительство иногда считалось, вынужденное обстоятельствами, то деятельность униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее земельные владения конфисковывались.

---

[92] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 134, л. 7.

архом Никоном. Полоцкий епископ Каллист, обращаясь к Никону, выражал свое недовольство и подчеркивал неизбежность деятельности католического духовенства. «Да и иные, государь, римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают, и тех наговаривают, и подтверждают, чтоб мало потерпели, покаместа в Полше справятца»[92]. Во всяком случае, если с католической церковью русское правительство иногда считалось, вынужденное обстоятельствами, то деятельность униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее земельные владения конфисковывались.

---

[92] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 134, л. 7.

архом Никоном. Полоцкий епископ Каллист, обращаясь к Никону, выражал свое недовольство и подчеркивал неизбежность деятельности католического духовенства. «Да и иные, государь, римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают, и тех наговаривают, и подтверждают, чтоб мало потерпели, покаместа в Полше справятца»[92]. Во всяком случае, если с католической церковью русское правительство иногда считалось, вынужденное обстоятельствами, то деятельность униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее земельные владения конфисковывались.

---

[92] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 134, л. 7.

архом Никоном. Полоцкий епископ Каллист, обращаясь к Никону, выражал свое недовольство и подчеркивал неизбежность деятельности католического духовенства. «Да и иные, государь, римские веры ксензы ныне ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкий уезд и в иные государевы городы и уезды. И втай меня, богомольца твоего, с шляхтою, приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают, и тех наговаривают, и подтверждают, чтоб мало потерпели, покаместа в Полше справятца»[92]. Во всяком случае, если с католической церковью русское правительство иногда считалось, вынужденное обстоятельствами, то деятельность униатской церкви повсеместно запрещалась, а ее земельные владения конфисковывались.

---

[92] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 134, л. 7.

быть беззапасным, и ружником, попом и сторожем, и всяким оборотчиком руги будет давать нечего, и впредь, государь, в Резицком уезде на себя, великого государя, хлеб, рожь и яровой и всякий хлеб, волостным крестьянам сеять ли»[16].

От конфискаций всякого рода страдали прежде всего крестьяне, но они затрагивали и интересы шляхты, так как белорусские крестьяне были в своей массе частновладельческими. Возможно, что шляхта принуждалась русскими властями и к продаже продовольствия по принудительным ценам. Русское правительство заменяло безвозмездную конфискацию продовольствия покупкой его по установленным ценам, что не могло не вызвать недовольства шляхты, так как с ней расплачивались московскими деньгами, сильно упавшими в цене.

На освобожденных западных русских землях и в Белоруссии царское правительство нередко было вынуждено прибегать к набору в русские вооруженные силы шляхетских крестьян и представителей других слоев населения.

Русские воеводы в своих операциях не раз использовали белорусских крестьян. Когда Могилев не сдавался, были мобилизованы окрестные крестьяне, которые действовали вместе с русскими войсками. В 1655 г. воевода доносил из Полоцка, что ему 12 августа стало известно, что полковник С. Лозовский стоит в Ошмянском уезде в своем поместье. Воевода послал на него новгородских стрельцов и «присяжных мужиков, которые пришли в поместье Лозовского, где произошел бой с шляхтою и челядниками». Крестьяне, поступая в стрельцы или в конные казаки, надеялись обрести свободу. Для русских военных властей такой набор был, разумеется, вынужденной мерой. Вопреки своей практике воеводы шли даже на зачисление в стрельцы, в конную казачью службу бывших беглых русских крестьян, шляхетских крестьян и др. Это осуществлялось с молчаливого согласия вышестоящих русских властей.

В 1654—1656 гг. на Дисне были записаны в казачью конную службу «вольные всяких чинов люди и которые жили на шляхетских маетностях», т. е. шляхетские крестьяне. Во время осады Дисны польско-шляхетскими войсками в 1655 г. дисенские казаки проявили стойкость и героизм (они перенесли голод, участвовали в многочисленных вылазках и т. п.). Тех казаков, которых польско-шляхетскому войску удавалось захватить в плен, «казнили злою смертью на коле, били, а инех четвертовали». Здесь проявлялась классовая ненависть панов к своим бывшим холопам. Русский воевода в Дисне вместо погибших в боях казаков записал в казачью конную службу их родственников. Все они получили денежное и хлебное жалованье и были испомещены в Дисенском уезде поместьями.

1 сентября 1655 г. в Невеле была получена царская грамота о пожаловании денежным жалованием «невельских новоприбор-

[16] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 151.

быть беззапасным, и ружником, попом и сторожем, и всяким оборотчиком руги будет давать нечего, и впредь, государь, в Резицком уезде на себя, великого государя, хлеб, рожь и яровой и всякий хлеб, волостным крестьянам сеять ли»[16].

От конфискаций всякого рода страдали прежде всего крестьяне, но они затрагивали и интересы шляхты, так как белорусские крестьяне были в своей массе частновладельческими. Возможно, что шляхта принуждалась русскими властями и к продаже продовольствия по принудительным ценам. Русское правительство заменяло безвозмездную конфискацию продовольствия покупкой его по установленным ценам, что не могло не вызвать недовольства шляхты, так как с ней расплачивались московскими деньгами, сильно упавшими в цене.

На освобожденных западных русских землях и в Белоруссии царское правительство нередко было вынуждено прибегать к набору в русские вооруженные силы шляхетских крестьян и представителей других слоев населения.

Русские воеводы в своих операциях не раз использовали белорусских крестьян. Когда Могилев не сдавался, были мобилизованы окрестные крестьяне, которые действовали вместе с русскими войсками. В 1655 г. воевода доносил из Полоцка, что ему 12 августа стало известно, что полковник С. Лозовский стоит в Ошмянском уезде в своем поместье. Воевода послал на него новгородских стрельцов и «присяжных мужиков, которые пришли в поместье Лозовского, где произошел бой с шляхтою и челядниками». Крестьяне, поступая в стрельцы или в конные казаки, надеялись обрести свободу. Для русских военных властей такой набор был, разумеется, вынужденной мерой. Вопреки своей практике воеводы шли даже на зачисление в стрельцы, в конную казачью службу бывших беглых русских крестьян, шляхетских крестьян и др. Это осуществлялось с молчаливого согласия вышестоящих русских властей.

В 1654—1656 гг. на Дисне были записаны в казачью конную службу «вольные всяких чинов люди и которые жили на шляхетских маетностях», т. е. шляхетские крестьяне. Во время осады Дисны польско-шляхетскими войсками в 1655 г. дисенские казаки проявили стойкость и героизм (они перенесли голод, участвовали в многочисленных вылазках и т. п.). Тех казаков, которых польско-шляхетскому войску удавалось захватить в плен, «казнили злою смертью на коле, били, а инех четвертовали». Здесь проявлялась классовая ненависть панов к своим бывшим холопам. Русский воевода в Дисне вместо погибших в боях казаков записал в казачью конную службу их родственников. Все они получили денежное и хлебное жалованье и были испомещены в Дисенском уезде поместьями.

1 сентября 1655 г. в Невеле была получена царская грамота о пожаловании денежным жалованием «невельских новоприбор-

---

[16] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 151.

быть беззапасным, и ружником, попом и сторожем, и всяким оборотчиком руги будет давать нечего, и впредь, государь, в Резицком уезде на себя, великого государя, хлеб, рожь и яровой и всякий хлеб, волостным крестьянам сеять ли»[16].

От конфискаций всякого рода страдали прежде всего крестьяне, но они затрагивали и интересы шляхты, так как белорусские крестьяне были в своей массе частновладельческими. Возможно, что шляхта принуждалась русскими властями и к продаже продовольствия по принудительным ценам. Русское правительство заменяло безвозмездную конфискацию продовольствия покупкой его по установленным ценам, что не могло не вызвать недовольства шляхты, так как с ней расплачивались московскими деньгами, сильно упавшими в цене.

На освобожденных западных русских землях и в Белоруссии царское правительство нередко было вынуждено прибегать к набору в русские вооруженные силы шляхетских крестьян и представителей других слоев населения.

Русские воеводы в своих операциях не раз использовали белорусских крестьян. Когда Могилев не сдавался, были мобилизованы окрестные крестьяне, которые действовали вместе с русскими войсками. В 1655 г. воевода доносил из Полоцка, что ему 12 августа стало известно, что полковник С. Лозовский стоит в Ошмянском уезде в своем поместье. Воевода послал на него новгородских стрельцов и «присяжных мужиков, которые пришли в поместье Лозовского, где произошел бой с шляхтою и челядниками». Крестьяне, поступая в стрельцы или в конные казаки, надеялись обрести свободу. Для русских военных властей такой набор был, разумеется, вынужденной мерой. Вопреки своей практике воеводы шли даже на зачисление в стрельцы, в конную казачью службу бывших беглых русских крестьян, шляхетских крестьян и др. Это осуществлялось с молчаливого согласия вышестоящих русских властей.

В 1654—1656 гг. на Дисне были записаны в казачью конную службу «вольные всяких чинов люди и которые жили на шляхетских маетностях», т. е. шляхетские крестьяне. Во время осады Дисны польско-шляхетскими войсками в 1655 г. дисенские казаки проявили стойкость и героизм (они перенесли голод, участвовали в многочисленных вылазках и т. п.). Тех казаков, которых польско-шляхетскому войску удавалось захватить в плен, «казнили злою смертью на коле, били, а инех четвертовали». Здесь проявлялась классовая ненависть панов к своим бывшим холопам. Русский воевода в Дисне вместо погибших в боях казаков записал в казачью конную службу их родственников. Все они получили денежное и хлебное жалованье и были испомещены в Дисенском уезде поместьями.

1 сентября 1655 г. в Невеле была получена царская грамота о пожаловании денежным жалованием «невельских новоприбор-

---

[16] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 151.

быть беззапасным, и ружником, попом и сторожем, и всяким оборотчиком руги будет давать нечего, и впредь, государь, в Резицком уезде на себя, великого государя, хлеб, рожь и яровой и всякий хлеб, волостным крестьянам сеять ли»[16].

От конфискаций всякого рода страдали прежде всего крестьяне, но они затрагивали и интересы шляхты, так как белорусские крестьяне были в своей массе частновладельческими. Возможно, что шляхта принуждалась русскими властями и к продаже продовольствия по принудительным ценам. Русское правительство заменяло безвозмездную конфискацию продовольствия покупкой его по установленным ценам, что не могло не вызвать недовольства шляхты, так как с ней расплачивались московскими деньгами, сильно упавшими в цене.

На освобожденных западных русских землях и в Белоруссии царское правительство нередко было вынуждено прибегать к набору в русские вооруженные силы шляхетских крестьян и представителей других слоев населения.

Русские воеводы в своих операциях не раз использовали белорусских крестьян. Когда Могилев не сдавался, были мобилизованы окрестные крестьяне, которые действовали вместе с русскими войсками. В 1655 г. воевода доносил из Полоцка, что ему 12 августа стало известно, что полковник С. Лозовский стоит в Ошмянском уезде в своем поместье. Воевода послал на него новгородских стрельцов и «присяжных мужиков, которые пришли в поместье Лозовского, где произошел бой с шляхтою и челядниками». Крестьяне, поступая в стрельцы или в конные казаки, надеялись обрести свободу. Для русских военных властей такой набор был, разумеется, вынужденной мерой. Вопреки своей практике воеводы шли даже на зачисление в стрельцы, в конную казачью службу бывших беглых русских крестьян, шляхетских крестьян и др. Это осуществлялось с молчаливого согласия вышестоящих русских властей.

В 1654—1656 гг. на Дисне были записаны в казачью конную службу «вольные всяких чинов люди и которые жили на шляхетских маетностях», т. е. шляхетские крестьяне. Во время осады Дисны польско-шляхетскими войсками в 1655 г. дисенские казаки проявили стойкость и героизм (они перенесли голод, участвовали в многочисленных вылазках и т. п.). Тех казаков, которых польско-шляхетскому войску удавалось захватить в плен, «казнили злою смертью на коле, били, а инех четвертовали». Здесь проявлялась классовая ненависть панов к своим бывшим холопам. Русский воевода в Дисне вместо погибших в боях казаков записал в казачью конную службу их родственников. Все они получили денежное и хлебное жалованье и были испомещены в Дисенском уезде поместьями.

1 сентября 1655 г. в Невеле была получена царская грамота о пожаловании денежным жалованием «невельских новоприбор-

---

[16] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 151.

быть беззапасным, и ружником, попом и сторожем, и всяким оборотчиком руги будет давать нечего, и впредь, государь, в Резицком уезде на себя, великого государя, хлеб, рожь и яровой и всякий хлеб, волостным крестьянам сеять ли»[16].

От конфискаций всякого рода страдали прежде всего крестьяне, но они затрагивали и интересы шляхты, так как белорусские крестьяне были в своей массе частновладельческими. Возможно, что шляхта принуждалась русскими властями и к продаже продовольствия по принудительным ценам. Русское правительство заменяло безвозмездную конфискацию продовольствия покупкой его по установленным ценам, что не могло не вызвать недовольства шляхты, так как с ней расплачивались московскими деньгами, сильно упавшими в цене.

На освобожденных западных русских землях и в Белоруссии царское правительство нередко было вынуждено прибегать к набору в русские вооруженные силы шляхетских крестьян и представителей других слоев населения.

Русские воеводы в своих операциях не раз использовали белорусских крестьян. Когда Могилев не сдавался, были мобилизованы окрестные крестьяне, которые действовали вместе с русскими войсками. В 1655 г. воевода доносил из Полоцка, что ему 12 августа стало известно, что полковник С. Лозовский стоит в Ошмянском уезде в своем поместье. Воевода послал на него новгородских стрельцов и «присяжных мужиков, которые пришли в поместье Лозовского, где произошел бой с шляхтою и челядниками». Крестьяне, поступая в стрельцы или в конные казаки, надеялись обрести свободу. Для русских военных властей такой набор был, разумеется, вынужденной мерой. Вопреки своей практике воеводы шли даже на зачисление в стрельцы, в конную казачью службу бывших беглых русских крестьян, шляхетских крестьян и др. Это осуществлялось с молчаливого согласия вышестоящих русских властей.

В 1654—1656 гг. на Дисне были записаны в казачью конную службу «вольные всяких чинов люди и которые жили на шляхетских маетностях», т. е. шляхетские крестьяне. Во время осады Дисны польско-шляхетскими войсками в 1655 г. дисенские казаки проявили стойкость и героизм (они перенесли голод, участвовали в многочисленных вылазках и т. п.). Тех казаков, которых польско-шляхетскому войску удавалось захватить в плен, «казнили злою смертью на коле, били, а инех четвертовали». Здесь проявлялась классовая ненависть панов к своим бывшим холопам. Русский воевода в Дисне вместо погибших в боях казаков записал в казачью конную службу их родственников. Все они получили денежное и хлебное жалованье и были испомещены в Дисенском уезде поместьями.

1 сентября 1655 г. в Невеле была получена царская грамота о пожаловании денежным жалованием «невельских новоприбор-

---

[16] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 151.

быть беззапасным, и ружником, попом и сторожем, и всяким оборотчиком руги будет давать нечего, и впредь, государь, в Резицком уезде на себя, великого государя, хлеб, рожь и яровой и всякий хлеб, волостным крестьянам сеять ли»[16].

От конфискаций всякого рода страдали прежде всего крестьяне, но они затрагивали и интересы шляхты, так как белорусские крестьяне были в своей массе частновладельческими. Возможно, что шляхта принуждалась русскими властями и к продаже продовольствия по принудительным ценам. Русское правительство заменяло безвозмездную конфискацию продовольствия покупкой его по установленным ценам, что не могло не вызвать недовольства шляхты, так как с ней расплачивались московскими деньгами, сильно упавшими в цене.

На освобожденных западных русских землях и в Белоруссии царское правительство нередко было вынуждено прибегать к набору в русские вооруженные силы шляхетских крестьян и представителей других слоев населения.

Русские воеводы в своих операциях не раз использовали белорусских крестьян. Когда Могилев не сдавался, были мобилизованы окрестные крестьяне, которые действовали вместе с русскими войсками. В 1655 г. воевода доносил из Полоцка, что ему 12 августа стало известно, что полковник С. Лозовский стоит в Ошмянском уезде в своем поместье. Воевода послал на него новгородских стрельцов и «присяжных мужиков, которые пришли в поместье Лозовского, где произошел бой с шляхтою и челядниками». Крестьяне, поступая в стрельцы или в конные казаки, надеялись обрести свободу. Для русских военных властей такой набор был, разумеется, вынужденной мерой. Вопреки своей практике воеводы шли даже на зачисление в стрельцы, в конную казачью службу бывших беглых русских крестьян, шляхетских крестьян и др. Это осуществлялось с молчаливого согласия вышестоящих русских властей.

В 1654—1656 гг. на Дисне были записаны в казачью конную службу «вольные всяких чинов люди и которые жили на шляхетских маетностях», т. е. шляхетские крестьяне. Во время осады Дисны польско-шляхетскими войсками в 1655 г. дисенские казаки проявили стойкость и героизм (они перенесли голод, участвовали в многочисленных вылазках и т. п.). Тех казаков, которых польско-шляхетскому войску удавалось захватить в плен, «казнили злою смертью на коле, били, а инех четвертовали». Здесь проявлялась классовая ненависть панов к своим бывшим холопам. Русский воевода в Дисне вместо погибших в боях казаков записал в казачью конную службу их родственников. Все они получили денежное и хлебное жалованье и были испомещены в Дисенском уезде поместьями.

1 сентября 1655 г. в Невеле была получена царская грамота о пожаловании денежным жалованием «невельских новоприбор-

[16] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 151.

быть беззапасным, и ружником, попом и сторожем, и всяким оборотчиком руги будет давать нечего, и впредь, государь, в Резицком уезде на себя, великого государя, хлеб, рожь и яровой и всякий хлеб, волостным крестьянам сеять ли»[16].

От конфискаций всякого рода страдали прежде всего крестьяне, но они затрагивали и интересы шляхты, так как белорусские крестьяне были в своей массе частновладельческими. Возможно, что шляхта принуждалась русскими властями и к продаже продовольствия по принудительным ценам. Русское правительство заменяло безвозмездную конфискацию продовольствия покупкой его по установленным ценам, что не могло не вызвать недовольства шляхты, так как с ней расплачивались московскими деньгами, сильно упавшими в цене.

На освобожденных западных русских землях и в Белоруссии царское правительство нередко было вынуждено прибегать к набору в русские вооруженные силы шляхетских крестьян и представителей других слоев населения.

Русские воеводы в своих операциях не раз использовали белорусских крестьян. Когда Могилев не сдавался, были мобилизованы окрестные крестьяне, которые действовали вместе с русскими войсками. В 1655 г. воевода доносил из Полоцка, что ему 12 августа стало известно, что полковник С. Лозовский стоит в Ошмянском уезде в своем поместье. Воевода послал на него новгородских стрельцов и «присяжных мужиков, которые пришли в поместье Лозовского, где произошел бой с шляхтою и челядниками». Крестьяне, поступая в стрельцы или в конные казаки, надеялись обрести свободу. Для русских военных властей такой набор был, разумеется, вынужденной мерой. Вопреки своей практике воеводы шли даже на зачисление в стрельцы, в конную казачью службу бывших беглых русских крестьян, шляхетских крестьян и др. Это осуществлялось с молчаливого согласия вышестоящих русских властей.

В 1654—1656 гг. на Дисне были записаны в казачью конную службу «вольные всяких чинов люди и которые жили на шляхетских маетностях», т. е. шляхетские крестьяне. Во время осады Дисны польско-шляхетскими войсками в 1655 г. дисенские казаки проявили стойкость и героизм (они перенесли голод, участвовали в многочисленных вылазках и т. п.). Тех казаков, которых польско-шляхетскому войску удавалось захватить в плен, «казнили злою смертью на коле, били, а инех четвертовали». Здесь проявлялась классовая ненависть панов к своим бывшим холопам. Русский воевода в Дисне вместо погибших в боях казаков записал в казачью конную службу их родственников. Все они получили денежное и хлебное жалованье и были испомещены в Дисенском уезде поместьями.

1 сентября 1655 г. в Невеле была получена царская грамота о пожаловании денежным жалованием «невельских новоприбор-

---

[16] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 151.

быть беззапасным, и ружником, попом и сторожем, и всяким оборотчиком руги будет давать нечего, и впредь, государь, в Резицком уезде на себя, великого государя, хлеб, рожь и яровой и всякий хлеб, волостным крестьянам сеять ли» [16].

От конфискаций всякого рода страдали прежде всего крестьяне, но они затрагивали и интересы шляхты, так как белорусские крестьяне были в своей массе частновладельческими. Возможно, что шляхта принуждалась русскими властями и к продаже продовольствия по принудительным ценам. Русское правительство заменяло безвозмездную конфискацию продовольствия покупкой его по установленным ценам, что не могло не вызвать недовольства шляхты, так как с ней расплачивались московскими деньгами, сильно упавшими в цене.

На освобожденных западных русских землях и в Белоруссии царское правительство нередко было вынуждено прибегать к набору в русские вооруженные силы шляхетских крестьян и представителей других слоев населения.

Русские воеводы в своих операциях не раз использовали белорусских крестьян. Когда Могилев не сдавался, были мобилизованы окрестные крестьяне, которые действовали вместе с русскими войсками. В 1655 г. воевода доносил из Полоцка, что ему 12 августа стало известно, что полковник С. Лозовский стоит в Ошмянском уезде в своем поместье. Воевода послал на него новгородских стрельцов и «присяжных мужиков, которые пришли в поместье Лозовского, где произошел бой с шляхтою и челядниками». Крестьяне, поступая в стрельцы или в конные казаки, надеялись обрести свободу. Для русских военных властей такой набор был, разумеется, вынужденной мерой. Вопреки своей практике воеводы шли даже на зачисление в стрельцы, в конную казачью службу бывших беглых русских крестьян, шляхетских крестьян и др. Это осуществлялось с молчаливого согласия вышестоящих русских властей.

В 1654—1656 гг. на Дисне были записаны в казачью конную службу «вольные всяких чинов люди и которые жили на шляхетских маетностях», т. е. шляхетские крестьяне. Во время осады Дисны польско-шляхетскими войсками в 1655 г. дисенские казаки проявили стойкость и героизм (они перенесли голод, участвовали в многочисленных вылазках и т. п.). Тех казаков, которых польско-шляхетскому войску удавалось захватить в плен, «казнили злою смертью на коле, били, а инех четвертовали». Здесь проявлялась классовая ненависть панов к своим бывшим холопам. Русский воевода в Дисне вместо погибших в боях казаков записал в казачью конную службу их родственников. Все они получили денежное и хлебное жалованье и были испомещены в Дисенском уезде поместьями.

1 сентября 1655 г. в Невеле была получена царская грамота о пожаловании денежным жалованием «невельских новоприбор-

---

[16] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 151.

быть беззапасным, и ружником, попом и сторожем, и всяким оборотчиком руги будет давать нечего, и впредь, государь, в Резицком уезде на себя, великого государя, хлеб, рожь и яровой и всякий хлеб, волостным крестьянам сеять ли»[16].

От конфискаций всякого рода страдали прежде всего крестьяне, но они затрагивали и интересы шляхты, так как белорусские крестьяне были в своей массе частновладельческими. Возможно, что шляхта принуждалась русскими властями и к продаже продовольствия по принудительным ценам. Русское правительство заменяло безвозмездную конфискацию продовольствия покупкой его по установленным ценам, что не могло не вызвать недовольства шляхты, так как с ней расплачивались московскими деньгами, сильно упавшими в цене.

На освобожденных западных русских землях и в Белоруссии царское правительство нередко было вынуждено прибегать к набору в русские вооруженные силы шляхетских крестьян и представителей других слоев населения.

Русские воеводы в своих операциях не раз использовали белорусских крестьян. Когда Могилев не сдавался, были мобилизованы окрестные крестьяне, которые действовали вместе с русскими войсками. В 1655 г. воевода доносил из Полоцка, что ему 12 августа стало известно, что полковник С. Лозовский стоит в Ошмянском уезде в своем поместье. Воевода послал на него новгородских стрельцов и «присяжных мужиков, которые пришли в поместье Лозовского, где произошел бой с шляхтою и челядниками». Крестьяне, поступая в стрельцы или в конные казаки, надеялись обрести свободу. Для русских военных властей такой набор был, разумеется, вынужденной мерой. Вопреки своей практике воеводы шли даже на зачисление в стрельцы, в конную казачью службу бывших беглых русских крестьян, шляхетских крестьян и др. Это осуществлялось с молчаливого согласия вышестоящих русских властей.

В 1654—1656 гг. на Дисне были записаны в казачью конную службу «вольные всяких чинов люди и которые жили на шляхетских маетностях», т. е. шляхетские крестьяне. Во время осады Дисны польско-шляхетскими войсками в 1655 г. дисенские казаки проявили стойкость и героизм (они перенесли голод, участвовали в многочисленных вылазках и т. п.). Тех казаков, которых польско-шляхетскому войску удавалось захватить в плен, «казнили злою смертью на коле, били, а инех четвертовали». Здесь проявлялась классовая ненависть панов к своим бывшим холопам. Русский воевода в Дисне вместо погибших в боях казаков записал в казачью конную службу их родственников. Все они получили денежное и хлебное жалованье и были испомещены в Дисенском уезде поместьями.

1 сентября 1655 г. в Невеле была получена царская грамота о пожаловании денежным жалованием «невельских новоприбор-

---

[16] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 151.

Невельского уезда «велено мне, холопу твоему, с них посопной хлеб имать в Московскую и таможенную меру, а литовская мера велено отставить». Таким образом, царское правительство разрешило принимать у крестьян дворцовых волостей Невельского уезда посопной хлеб в московскую меру, «в девять пуд четверть»[45].

Если в 1655 г. при воеводе Н. Сумарокове в царские житницы было принято с дворцовых сел Невельского уезда «ржи 501 чети с осминою, да овса 475 чети с осминою» в «государеву казенную меру в верх», то на 1656 г. намерения были гораздо более широкие. Осенью 1656 г. невельский воевода получил распоряжение из Москвы собирать посопной хлеб «по чети с двора в московскую таможенную меру» при условии, что за год с крестьян Подгородного стану с дворцовой Никольской Плиской волости Невельского уезда будет собрано 5 тыс. четвертей зерна. Если же при сборе с двора по одной четверти такого количества хлеба не будет собрано, то указывалось с каждого крестьянского двора собирать по две четверти хлеба[46]. Крестьяне Никольской, Плиской волости, Топоровской и Ловецкой волостей, Пуповского стану отсыпного хлеба с жильцов платить не стали, ссылаясь на бедность и разорение. После того как воевода велел править с них царский отсыпной хлеб «большим правежом нещадно», крестьяне стали платить в царские житницы отсыпной хлеб, рожь и овес «на прошлой 164-й год против прошлого 162-го и 163-го году в литовскую меру службы по полубочки ржи, по полубочки овса в верх». Эталон — «казенная осмина», которая была прислана с Великих Лук на Невель при Н. Сумарокове, представляла собой заорленую кадку «и в тое меру полубочки чети с осьминою верх».

По данным Приказа Большого Дворца в середине января 1657 г. в Никольской, Плиской, Топоровской, Ловецкой дворцовых волостях было 268 крестьян и бобылей, «а посопного хлеба заплатили они двести сорок две четверти без четверика ржи, двести тридцать шесть с полуосьминою овса», т. е. всего округлено 478 четвертей. От взимания такого количества хлеба, как писал Г. Хомутов, крестьяне «вконец погибли». Многие из них подверглись правежу, другие посажены были в тюрьму и за приставов.

Летом же 1656 г. минский воевода Ф. Арсеньев получил указание собирать хлеб с крестьян дворцовых волостей, расположенных в Минском уезде и принадлежавших ранее одному из крупнейших литовских магнатов, великому гетману княжества Литовского Янушу Радзивиллу. С волоки собиралось «хлеба по бочки ржи, по бочки овса, по четверику круп»[47]. В бочке должно было находить-

---

[45] ЦГАДА, ПДСЛ, № 57, л. 10. Невельский воевода Г. Хомутов запрашивал у правительства разъяснений: «по кольку четвертей и какова хлеба в девять пут в чети, ржи или овса... с двора ли или службы? А пятин, государь, в твое великое государя дворцовой волости в Невельском уезде нет, а имеют твой государев посопной хлеб (со) служеб».

[46] ЦГАДА, ПДСЛ, № 57, лл. 16—37.

[47] Волока — 21,37 га.

быть беззапасным, и ружником, попом и сторожем, и всяким оборотчиком руги будет давать нечего, и впредь, государь, в Резицком уезде на себя, великого государя, хлеб, рожь и яровой и всякий хлеб, волостным крестьянам сеять ли» [16].

От конфискаций всякого рода страдали прежде всего крестьяне, но они затрагивали и интересы шляхты, так как белорусские крестьяне были в своей массе частновладельческими. Возможно, что шляхта принуждалась русскими властями и к продаже продовольствия по принудительным ценам. Русское правительство заменяло безвозмездную конфискацию продовольствия покупкой его по установленным ценам, что не могло не вызвать недовольства шляхты, так как с ней расплачивались московскими деньгами, сильно упавшими в цене.

На освобожденных западных русских землях и в Белоруссии царское правительство нередко было вынуждено прибегать к набору в русские вооруженные силы шляхетских крестьян и представителей других слоев населения.

Русские воеводы в своих операциях не раз использовали белорусских крестьян. Когда Могилев не сдавался, были мобилизованы окрестные крестьяне, которые действовали вместе с русскими войсками. В 1655 г. воевода доносил из Полоцка, что ему 12 августа стало известно, что полковник С. Лозовский стоит в Ошмянском уезде в своем поместье. Воевода послал на него новгородских стрельцов и «присяжных мужиков, которые пришли в поместье Лозовского, где произошел бой с шляхтою и челядниками». Крестьяне, поступая в стрельцы или в конные казаки, надеялись обрести свободу. Для русских военных властей такой набор был, разумеется, вынужденной мерой. Вопреки своей практике воеводы шли даже на зачисление в стрельцы, в конную казачью службу бывших беглых русских крестьян, шляхетских крестьян и др. Это осуществлялось с молчаливого согласия вышестоящих русских властей.

В 1654—1656 гг. на Дисне были записаны в казачью конную службу «вольные всяких чинов люди и которые жили на шляхетских маетностях», т. е. шляхетские крестьяне. Во время осады Дисны польско-шляхетскими войсками в 1655 г. дисенские казаки проявили стойкость и героизм (они перенесли голод, участвовали в многочисленных вылазках и т. п.). Тех казаков, которых польско-шляхетскому войску удавалось захватить в плен, «казнили злою смертью на коле, били, а инех четвертовали». Здесь проявлялась классовая ненависть панов к своим бывшим холопам. Русский воевода в Дисне вместо погибших в боях казаков записал в казачью конную службу их родственников. Все они получили денежное и хлебное жалованье и были испомещены в Дисенском уезде поместьями.

1 сентября 1655 г. в Невеле была получена царская грамота о пожаловании денежным жалованием «невельских новоприбор-

---

[16] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 151.

быть беззапасным, и ружником, попом и сторожем, и всяким оборотчиком руги будет давать нечего, и впредь, государь, в Резицком уезде на себя, великого государя, хлеб, рожь и яровой и всякий хлеб, волостным крестьянам сеять ли»[16].

От конфискаций всякого рода страдали прежде всего крестьяне, но они затрагивали и интересы шляхты, так как белорусские крестьяне были в своей массе частновладельческими. Возможно, что шляхта принуждалась русскими властями и к продаже продовольствия по принудительным ценам. Русское правительство заменяло безвозмездную конфискацию продовольствия покупкой его по установленным ценам, что не могло не вызвать недовольства шляхты, так как с ней расплачивались московскими деньгами, сильно упавшими в цене.

На освобожденных западных русских землях и в Белоруссии царское правительство нередко было вынуждено прибегать к набору в русские вооруженные силы шляхетских крестьян и представителей других слоев населения.

Русские воеводы в своих операциях не раз использовали белорусских крестьян. Когда Могилев не сдавался, были мобилизованы окрестные крестьяне, которые действовали вместе с русскими войсками. В 1655 г. воевода доносил из Полоцка, что ему 12 августа стало известно, что полковник С. Лозовский стоит в Ошмянском уезде в своем поместье. Воевода послал на него новгородских стрельцов и «присяжных мужиков, которые пришли в поместье Лозовского, где произошел бой с шляхтою и челядниками». Крестьяне, поступая в стрельцы или в конные казаки, надеялись обрести свободу. Для русских военных властей такой набор был, разумеется, вынужденной мерой. Вопреки своей практике воеводы шли даже на зачисление в стрельцы, в конную казачью службу бывших беглых русских крестьян, шляхетских крестьян и др. Это осуществлялось с молчаливого согласия вышестоящих русских властей.

В 1654—1656 гг. на Дисне были записаны в казачью конную службу «вольные всяких чинов люди и которые жили на шляхетских маетностях», т. е. шляхетские крестьяне. Во время осады Дисны польско-шляхетскими войсками в 1655 г. дисенские казаки проявили стойкость и героизм (они перенесли голод, участвовали в многочисленных вылазках и т. п.). Тех казаков, которых польско-шляхетскому войску удавалось захватить в плен, «казнили злою смертью на коле, били, а инех четвертовали». Здесь проявлялась классовая ненависть панов к своим бывшим холопам. Русский воевода в Дисне вместо погибших в боях казаков записал в казачью конную службу их родственников. Все они получили денежное и хлебное жалованье и были испомещены в Дисенском уезде поместьями.

1 сентября 1655 г. в Невеле была получена царская грамота о пожаловании денежным жалованием «невельских новоприбор-

---

[16] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 151.

быть беззапасным, и ружником, попом и сторожем, и всяким оборотчиком руги будет давать нечего, и впредь, государь, в Резицком уезде на себя, великого государя, хлеб, рожь и яровой и всякий хлеб, волостным крестьянам сеять ли»[16].

От конфискаций всякого рода страдали прежде всего крестьяне, но они затрагивали и интересы шляхты, так как белорусские крестьяне были в своей массе частновладельческими. Возможно, что шляхта принуждалась русскими властями и к продаже продовольствия по принудительным ценам. Русское правительство заменяло безвозмездную конфискацию продовольствия покупкой его по установленным ценам, что не могло не вызвать недовольства шляхты, так как с ней расплачивались московскими деньгами, сильно упавшими в цене.

На освобожденных западных русских землях и в Белоруссии царское правительство нередко было вынуждено прибегать к набору в русские вооруженные силы шляхетских крестьян и представителей других слоев населения.

Русские воеводы в своих операциях не раз использовали белорусских крестьян. Когда Могилев не сдавался, были мобилизованы окрестные крестьяне, которые действовали вместе с русскими войсками. В 1655 г. воевода доносил из Полоцка, что ему 12 августа стало известно, что полковник С. Лозовский стоит в Ошмянском уезде в своем поместье. Воевода послал на него новгородских стрельцов и «присяжных мужиков, которые пришли в поместье Лозовского, где произошел бой с шляхтою и челядниками». Крестьяне, поступая в стрельцы или в конные казаки, надеялись обрести свободу. Для русских военных властей такой набор был, разумеется, вынужденной мерой. Вопреки своей практике воеводы шли даже на зачисление в стрельцы, в конную казачью службу бывших беглых русских крестьян, шляхетских крестьян и др. Это осуществлялось с молчаливого согласия вышестоящих русских властей.

В 1654—1656 гг. на Дисне были записаны в казачью конную службу «вольные всяких чинов люди и которые жили на шляхетских маетностях», т. е. шляхетские крестьяне. Во время осады Дисны польско-шляхетскими войсками в 1655 г. дисенские казаки проявили стойкость и героизм (они перенесли голод, участвовали в многочисленных вылазках и т. п.). Тех казаков, которых польско-шляхетскому войску удавалось захватить в плен, «казнили злою смертью на коле, били, а инех четвертовали». Здесь проявлялась классовая ненависть панов к своим бывшим холопам. Русский воевода в Дисне вместо погибших в боях казаков записал в казачью конную службу их родственников. Все они получили денежное и хлебное жалованье и были испомещены в Дисенском уезде поместьями.

1 сентября 1655 г. в Невеле была получена царская грамота о пожаловании денежным жалованием «невельских новоприбор-

[16] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 151.

быть беззапасным, и ружником, попом и сторожем, и всяким оборотчиком руги будет давать нечего, и впредь, государь, в Резицком уезде на себя, великого государя, хлеб, рожь и яровой и всякий хлеб, волостным крестьянам сеять ли»[16].

От конфискаций всякого рода страдали прежде всего крестьяне, но они затрагивали и интересы шляхты, так как белорусские крестьяне были в своей массе частновладельческими. Возможно, что шляхта принуждалась русскими властями и к продаже продовольствия по принудительным ценам. Русское правительство заменяло безвозмездную конфискацию продовольствия покупкой его по установленным ценам, что не могло не вызвать недовольства шляхты, так как с ней расплачивались московскими деньгами, сильно упавшими в цене.

На освобожденных западных русских землях и в Белоруссии царское правительство нередко было вынуждено прибегать к набору в русские вооруженные силы шляхетских крестьян и представителей других слоев населения.

Русские воеводы в своих операциях не раз использовали белорусских крестьян. Когда Могилев не сдавался, были мобилизованы окрестные крестьяне, которые действовали вместе с русскими войсками. В 1655 г. воевода доносил из Полоцка, что ему 12 августа стало известно, что полковник С. Лозовский стоит в Ошмянском уезде в своем поместье. Воевода послал на него новгородских стрельцов и «присяжных мужиков, которые пришли в поместье Лозовского, где произошел бой с шляхтою и челядниками». Крестьяне, поступая в стрельцы или в конные казаки, надеялись обрести свободу. Для русских военных властей такой набор был, разумеется, вынужденной мерой. Вопреки своей практике воеводы шли даже на зачисление в стрельцы, в конную казачью службу бывших беглых русских крестьян, шляхетских крестьян и др. Это осуществлялось с молчаливого согласия вышестоящих русских властей.

В 1654—1656 гг. на Дисне были записаны в казачью конную службу «вольные всяких чинов люди и которые жили на шляхетских маетностях», т. е. шляхетские крестьяне. Во время осады Дисны польско-шляхетскими войсками в 1655 г. дисенские казаки проявили стойкость и героизм (они перенесли голод, участвовали в многочисленных вылазках и т. п.). Тех казаков, которых польско-шляхетскому войску удавалось захватить в плен, «казнили злою смертью на коле, били, а инех четвертовали». Здесь проявлялась классовая ненависть панов к своим бывшим холопам. Русский воевода в Дисне вместо погибших в боях казаков записал в казачью конную службу их родственников. Все они получили денежное и хлебное жалованье и были испомещены в Дисенском уезде поместьями.

1 сентября 1655 г. в Невеле была получена царская грамота о пожаловании денежным жалованием «невельских новоприбор-

[16] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 151.

быть беззапасным, и ружником, попом и сторожем, и всяким оборотчиком руги будет давать нечего, и впредь, государь, в Резицком уезде на себя, великого государя, хлеб, рожь и яровой и всякий хлеб, волостным крестьянам сеять ли»[16].

От конфискаций всякого рода страдали прежде всего крестьяне, но они затрагивали и интересы шляхты, так как белорусские крестьяне были в своей массе частновладельческими. Возможно, что шляхта принуждалась русскими властями и к продаже продовольствия по принудительным ценам. Русское правительство заменяло безвозмездную конфискацию продовольствия покупкой его по установленным ценам, что не могло не вызвать недовольства шляхты, так как с ней расплачивались московскими деньгами, сильно упавшими в цене.

На освобожденных западных русских землях и в Белоруссии царское правительство нередко было вынуждено прибегать к набору в русские вооруженные силы шляхетских крестьян и представителей других слоев населения.

Русские воеводы в своих операциях не раз использовали белорусских крестьян. Когда Могилев не сдавался, были мобилизованы окрестные крестьяне, которые действовали вместе с русскими войсками. В 1655 г. воевода доносил из Полоцка, что ему 12 августа стало известно, что полковник С. Лозовский стоит в Ошмянском уезде в своем поместье. Воевода послал на него новгородских стрельцов и «присяжных мужиков, которые пришли в поместье Лозовского, где произошел бой с шляхтою и челядниками». Крестьяне, поступая в стрельцы или в конные казаки, надеялись обрести свободу. Для русских военных властей такой набор был, разумеется, вынужденной мерой. Вопреки своей практике воеводы шли даже на зачисление в стрельцы, в конную казачью службу бывших беглых русских крестьян, шляхетских крестьян и др. Это осуществлялось с молчаливого согласия вышестоящих русских властей.

В 1654—1656 гг. на Дисне были записаны в казачью конную службу «вольные всяких чинов люди и которые жили на шляхетских маетностях», т. е. шляхетские крестьяне. Во время осады Дисны польско-шляхетскими войсками в 1655 г. дисенские казаки проявили стойкость и героизм (они перенесли голод, участвовали в многочисленных вылазках и т. п.). Тех казаков, которых польско-шляхетскому войску удавалось захватить в плен, «казнили злою смертью на коле, били, а инех четвертовали». Здесь проявлялась классовая ненависть панов к своим бывшим холопам. Русский воевода в Дисне вместо погибших в боях казаков записал в казачью конную службу их родственников. Все они получили денежное и хлебное жалованье и были испомещены в Дисенском уезде поместьями.

1 сентября 1655 г. в Невеле была получена царская грамота о пожаловании денежным жалованием «невельских новоприбор-

[16] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 151.

быть беззапасным, и ружником, попом и сторожем, и всяким оборотчиком руги будет давать нечего, и впредь, государь, в Резицком уезде на себя, великого государя, хлеб, рожь и яровой и всякий хлеб, волостным крестьянам сеять ли»[16].

От конфискаций всякого рода страдали прежде всего крестьяне, но они затрагивали и интересы шляхты, так как белорусские крестьяне были в своей массе частновладельческими. Возможно, что шляхта принуждалась русскими властями и к продаже продовольствия по принудительным ценам. Русское правительство заменяло безвозмездную конфискацию продовольствия покупкой его по установленным ценам, что не могло не вызвать недовольства шляхты, так как с ней расплачивались московскими деньгами, сильно упавшими в цене.

На освобожденных западных русских землях и в Белоруссии царское правительство нередко было вынуждено прибегать к набору в русские вооруженные силы шляхетских крестьян и представителей других слоев населения.

Русские воеводы в своих операциях не раз использовали белорусских крестьян. Когда Могилев не сдавался, были мобилизованы окрестные крестьяне, которые действовали вместе с русскими войсками. В 1655 г. воевода доносил из Полоцка, что ему 12 августа стало известно, что полковник С. Лозовский стоит в Ошмянском уезде в своем поместье. Воевода послал на него новгородских стрельцов и «присяжных мужиков, которые пришли в поместье Лозовского, где произошел бой с шляхтою и челядниками». Крестьяне, поступая в стрельцы или в конные казаки, надеялись обрести свободу. Для русских военных властей такой набор был, разумеется, вынужденной мерой. Вопреки своей практике воеводы шли даже на зачисление в стрельцы, в конную казачью службу бывших беглых русских крестьян, шляхетских крестьян и др. Это осуществлялось с молчаливого согласия вышестоящих русских властей.

В 1654—1656 гг. на Дисне были записаны в казачью конную службу «вольные всяких чинов люди и которые жили на шляхетских маетностях», т. е. шляхетские крестьяне. Во время осады Дисны польско-шляхетскими войсками в 1655 г. дисенские казаки проявили стойкость и героизм (они перенесли голод, участвовали в многочисленных вылазках и т. п.). Тех казаков, которых польско-шляхетскому войску удавалось захватить в плен, «казнили злою смертью на коле, били, а инех четвертовали». Здесь проявлялась классовая ненависть панов к своим бывшим холопам. Русский воевода в Дисне вместо погибших в боях казаков записал в казачью конную службу их родственников. Все они получили денежное и хлебное жалованье и были испомещены в Дисенском уезде поместьями.

1 сентября 1655 г. в Невеле была получена царская грамота о пожаловании денежным жалованием «невельских новоприбор-

---

[16] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 151.

быть беззапасным, и ружником, попом и сторожем, и всяким оборотчиком руги будет давать нечего, и впредь, государь, в Резицком уезде на себя, великого государя, хлеб, рожь и яровой и всякий хлеб, волостным крестьянам сеять ли»[16].

От конфискаций всякого рода страдали прежде всего крестьяне, но они затрагивали и интересы шляхты, так как белорусские крестьяне были в своей массе частновладельческими. Возможно, что шляхта принуждалась русскими властями и к продаже продовольствия по принудительным ценам. Русское правительство заменяло безвозмездную конфискацию продовольствия покупкой его по установленным ценам, что не могло не вызвать недовольства шляхты, так как с ней расплачивались московскими деньгами, сильно упавшими в цене.

На освобожденных западных русских землях и в Белоруссии царское правительство нередко было вынуждено прибегать к набору в русские вооруженные силы шляхетских крестьян и представителей других слоев населения.

Русские воеводы в своих операциях не раз использовали белорусских крестьян. Когда Могилев не сдавался, были мобилизованы окрестные крестьяне, которые действовали вместе с русскими войсками. В 1655 г. воевода доносил из Полоцка, что ему 12 августа стало известно, что полковник С. Лозовский стоит в Ошмянском уезде в своем поместье. Воевода послал на него новгородских стрельцов и «присяжных мужиков, которые пришли в поместье Лозовского, где произошел бой с шляхтою и челядниками». Крестьяне, поступая в стрельцы или в конные казаки, надеялись обрести свободу. Для русских военных властей такой набор был, разумеется, вынужденной мерой. Вопреки своей практике воеводы шли даже на зачисление в стрельцы, в конную казачью службу бывших беглых русских крестьян, шляхетских крестьян и др. Это осуществлялось с молчаливого согласия вышестоящих русских властей.

В 1654—1656 гг. на Дисне были записаны в казачью конную службу «вольные всяких чинов люди и которые жили на шляхетских маетностях», т. е. шляхетские крестьяне. Во время осады Дисны польско-шляхетскими войсками в 1655 г. дисенские казаки проявили стойкость и героизм (они перенесли голод, участвовали в многочисленных вылазках и т. п.). Тех казаков, которых польско-шляхетскому войску удавалось захватить в плен, «казнили злою смертью на коле, били, а инех четвертовали». Здесь проявлялась классовая ненависть панов к своим бывшим холопам. Русский воевода в Дисне вместо погибших в боях казаков записал в казачью конную службу их родственников. Все они получили денежное и хлебное жалованье и были испомещены в Дисенском уезде поместьями.

1 сентября 1655 г. в Невеле была получена царская грамота о пожаловании денежным жалованием «невельских новоприбор-

---

[16] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 151.

ману к Богдану Хмельницкому, а со своей братьи пишут, что будто сулят им черкасы маетности»[8]. Простые люди считали, что на Украине они могут обрести свободу и получить землю. Это весьма примечательное известие лишний раз свидетельствует об отношении широких масс русского народа к освободительной борьбе на Украине. На начавшееся весной 1655 г. массовое бегство зависимых людей от дворян и детей боярских, находившихся на военной службе, царское правительство ответило суровыми указами, разосланными воеводам по городам, о поимке беглых холопов, казни их через повешение и о расстановке виселиц на перекрестках дорог.

Одновременно в западных уездах России продолжались выступления крестьян против шляхты и русских помещиков.

Антифеодальная борьба русского крестьянства западных уездов имела свои особенности. Западные уезды России чрезвычайно серьезно пострадали в результате Ливонской войны, польско-шведской интервенции начала XVII в. и Смоленской войны 1630-х годов. Хозяйственное разорение этих районов тягчайшим бременем легло на крестьянские плечи. На Западе России господствовало мелкое и среднее дворянское землевладение. Стремление дворян и детей боярских переложить на крестьян все тяготы военного разорения вызывало усиление феодально-крепостнического гнета и обострение классовой борьбы. Этому способствовала и политика закрепощения крестьян, проводившаяся царизмом.

В первой половине XVII в. государственная граница между Россией и Речью Посполитой проходила поблизости от Торопца, Зубцова, Вязьмы.

В первой половине XVII в. в России и в Речи Посполитой шел интенсивный процесс закрепощения крестьян. Господствующие классы обоих государств, несмотря на наличие острых противоречий по многим вопросам, сравнительно легко достигали между собой соглашения, когда речь шла об обеспечении классовых интересов.

Надеясь на улучшение своего положения, русские крестьяне бежали за рубеж. Как свидетельствовали торопецкие, холмские, зубцовские, ржевские дворяне и дети боярские в своих челобитных, поданных на имя царя Алексея Михайловича летом 1648 г., их крестьяне «бегают за рубеж безпрестани», отчего поместья запустели.

Перед побегами за рубеж со своими семьями, скарбом крестьяне разоряли владения помещиков, жгли помещичьи дворы, забирали с собой их имущество, а самих помещиков били и «вязали». Дело этим не ограничилось. Беглые крестьяне возвращались из-за рубежа в поместья своих бывших господ «с литовскими порубеж-

---

[8] ЦГАДА, Разряд, Белгородский стол, ст. 389, л. 155; см. также «Вопросы истории», 1962, № 1, стр. 152.

быть беззапасным, и ружником, попом и сторожем, и всяким оборотчиком руги будет давать нечего, и впредь, государь, в Резицком уезде на себя, великого государя, хлеб, рожь и яровой и всякий хлеб, волостным крестьянам сеять ли»[16].

От конфискаций всякого рода страдали прежде всего крестьяне, но они затрагивали и интересы шляхты, так как белорусские крестьяне были в своей массе частновладельческими. Возможно, что шляхта принуждалась русскими властями и к продаже продовольствия по принудительным ценам. Русское правительство заменяло безвозмездную конфискацию продовольствия покупкой его по установленным ценам, что не могло не вызвать недовольства шляхты, так как с ней расплачивались московскими деньгами, сильно упавшими в цене.

На освобожденных западных русских землях и в Белоруссии царское правительство нередко было вынуждено прибегать к набору в русские вооруженные силы шляхетских крестьян и представителей других слоев населения.

Русские воеводы в своих операциях не раз использовали белорусских крестьян. Когда Могилев не сдавался, были мобилизованы окрестные крестьяне, которые действовали вместе с русскими войсками. В 1655 г. воевода доносил из Полоцка, что ему 12 августа стало известно, что полковник С. Лозовский стоит в Ошмянском уезде в своем поместье. Воевода послал на него новгородских стрельцов и «присяжных мужиков, которые пришли в поместье Лозовского, где произошел бой с шляхтою и челядниками». Крестьяне, поступая в стрельцы или в конные казаки, надеялись обрести свободу. Для русских военных властей такой набор был, разумеется, вынужденной мерой. Вопреки своей практике воеводы шли даже на зачисление в стрельцы, в конную казачью службу бывших беглых русских крестьян, шляхетских крестьян и др. Это осуществлялось с молчаливого согласия вышестоящих русских властей.

В 1654—1656 гг. на Дисне были записаны в казачью конную службу «вольные всяких чинов люди и которые жили на шляхетских маетностях», т. е. шляхетские крестьяне. Во время осады Дисны польско-шляхетскими войсками в 1655 г. дисенские казаки проявили стойкость и героизм (они перенесли голод, участвовали в многочисленных вылазках и т. п.). Тех казаков, которых польско-шляхетскому войску удавалось захватить в плен, «казнили злою смертью на коле, били, а инех четвертовали». Здесь проявлялась классовая ненависть панов к своим бывшим холопам. Русский воевода в Дисне вместо погибших в боях казаков записал в казачью конную службу их родственников. Все они получили денежное и хлебное жалованье и были испомещены в Дисенском уезде поместьями.

1 сентября 1655 г. в Невеле была получена царская грамота о пожаловании денежным жалованием «невельских новоприбор-

[16] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 151.

быть беззапасным, и ружником, попом и сторожем, и всяким оборотчиком руги будет давать нечего, и впредь, государь, в Резицком уезде на себя, великого государя, хлеб, рожь и яровой и всякий хлеб, волостным крестьянам сеять ли»[16].

От конфискаций всякого рода страдали прежде всего крестьяне, но они затрагивали и интересы шляхты, так как белорусские крестьяне были в своей массе частновладельческими. Возможно, что шляхта принуждалась русскими властями и к продаже продовольствия по принудительным ценам. Русское правительство заменяло безвозмездную конфискацию продовольствия покупкой его по установленным ценам, что не могло не вызвать недовольства шляхты, так как с ней расплачивались московскими деньгами, сильно упавшими в цене.

На освобожденных западных русских землях и в Белоруссии царское правительство нередко было вынуждено прибегать к набору в русские вооруженные силы шляхетских крестьян и представителей других слоев населения.

Русские воеводы в своих операциях не раз использовали белорусских крестьян. Когда Могилев не сдавался, были мобилизованы окрестные крестьяне, которые действовали вместе с русскими войсками. В 1655 г. воевода доносил из Полоцка, что ему 12 августа стало известно, что полковник С. Лозовский стоит в Ошмянском уезде в своем поместье. Воевода послал на него новгородских стрельцов и «присяжных мужиков, которые пришли в поместье Лозовского, где произошел бой с шляхтою и челядниками». Крестьяне, поступая в стрельцы или в конные казаки, надеялись обрести свободу. Для русских военных властей такой набор был, разумеется, вынужденной мерой. Вопреки своей практике воеводы шли даже на зачисление в стрельцы, в конную казачью службу бывших беглых русских крестьян, шляхетских крестьян и др. Это осуществлялось с молчаливого согласия вышестоящих русских властей.

В 1654—1656 гг. на Дисне были записаны в казачью конную службу «вольные всяких чинов люди и которые жили на шляхетских маетностях», т. е. шляхетские крестьяне. Во время осады Дисны польско-шляхетскими войсками в 1655 г. дисенские казаки проявили стойкость и героизм (они перенесли голод, участвовали в многочисленных вылазках и т. п.). Тех казаков, которых польско-шляхетскому войску удавалось захватить в плен, «казнили злою смертью на коле, били, а инех четвертовали». Здесь проявлялась классовая ненависть панов к своим бывшим холопам. Русский воевода в Дисне вместо погибших в боях казаков записал в казачью конную службу их родственников. Все они получили денежное и хлебное жалованье и были испомещены в Дисенском уезде поместьями.

1 сентября 1655 г. в Невеле была получена царская грамота о пожаловании денежным жалованием «невельских новоприбор-

---

[16] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 254, л. 151.

движения на территории самого Русского государства, тем более, что в недавнее еще время восстания крестьян происходили одновременно с городскими восстаниями, как это имело место в Псковской земле в 1650 г.[11]. Народные волнения происходили и в Москве во время морового поветрия 1654 г.[12]. Новгородские дворяне, которые должны были быть в 1654 г. на службе с воеводой В. П. Шереметевым, писали, что «поместья у нас у многих разорены ото псковских воров и жены и дети побиты»[13]. Последнее свидетельство примечательно как новое подтверждение совместной борьбы псковичей и крестьянства во время восстания 1650 г. в Пскове. Дворяне и дети боярские Великих Лук, Торопца и Холма жаловались, что крестьяне с семьями из их поместий со всем имуществом бежали за рубеж в Бельский, Велижский, Усвятский и Невельский уезды и в иные литовские города. Летом 1654 г. торопецкие и холмские дворяне и дети боярские писали, что из их поместий, расположенных по литовскому рубежу, в сопредельных поветах Бельском, Велижском, Усвятском многие крестьяне от непосильных повинностей и платежей «в твои государевы городы бредут врознь, а иные за рубеж в Литву»[14]. Уже летом 1654 г. Бельский, Усвятский, Велижский (кроме города Велижа), Невельский, Себежский и другие поветы были освобождены русскими войсками. После занятия Невельского повета жившие там крестьяне были отданы своим прежним владельцам — луцким и пусторжевским помещикам. В Невельском уезде поместья жаловали и белорусской шляхте, причем белорусские шляхтичи отмечали, что крестьяне из их владений разбежались, владельцев не слушают и «чинятца сильны»[15]. После освобождения в 1654—1655 гг. Бельского, Усвятского, Велижского, Невельского и других русских уездов от владычества Речи Посполитой борьба крестьян не ослабла.

Царское правительство в 1655 г. официально еще не разрешало русским помещикам из порубежных уездов насильно забирать на освобожденных землях своих беглых крестьян. Фактически же оно помогало дворянам и детям боярским разыскивать беглых крестьян и дворовых людей и возвращать их с имуществом в свои владения. Уже в эти годы русские воеводы давали приставов по челобитьям помещиков, крестьяне которых в разное время бежали за рубеж. Например, боярин и воевода В. П. Шереметев указывал невельскому воеводе: «И тебе б, господине, против челобитья Алексея Бибикова дать ему по тех крестьян и по людей пристава»[16]. Весной 1656 г. на имя царя подали челобитную псковичи С. Истомин Маврин и Р. Бедринский, жаловавшиеся на бегство их кре-

---

[11] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 113 и сл.

[12] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. т. X. СПб., изд. Общественная польза, стр. 1667—1668.

[13] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 78.

[14] Там же, л. 35.

[15] Там же, л. 75; ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, лл. 2, 5; № 77, л. 16.

[16] ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, л. 9.

движения на территории самого Русского государства, тем более, что в недавнее еще время восстания крестьян происходили одновременно с городскими восстаниями, как это имело место в Псковской земле в 1650 г.[11]. Народные волнения происходили и в Москве во время морового поветрия 1654 г.[12]. Новгородские дворяне, которые должны были быть в 1654 г. на службе с воеводой В. П. Шереметевым, писали, что «поместья у нас у многих разорены ото псковских воров и жены и дети побиты»[13]. Последнее свидетельство примечательно как новое подтверждение совместной борьбы псковичей и крестьянства во время восстания 1650 г. в Пскове. Дворяне и дети боярские Великих Лук, Торопца и Холма жаловались, что крестьяне с семьями из их поместий со всем имуществом бежали за рубеж в Бельский, Велижский, Усвятский и Невельский уезды и в иные литовские города. Летом 1654 г. торопецкие и холмские дворяне и дети боярские писали, что из их поместий, расположенных по литовскому рубежу, в сопредельных поветах Бельском, Велижском, Усвятском многие крестьяне от непосильных повинностей и платежей «в твои государевы городы бредут врознь, а иные за рубеж в Литву»[14]. Уже летом 1654 г. Бельский, Усвятский, Велижский (кроме города Велижа), Невельский, Себежский и другие поветы были освобождены русскими войсками. После занятия Невельского повета жившие там крестьяне были отданы своим прежним владельцам — луцким и пусторжевским помещикам. В Невельском уезде поместья жаловали и белорусской шляхте, причем белорусские шляхтичи отмечали, что крестьяне из их владений разбежались, владельцев не слушают и «чинятца сильны»[15]. После освобождения в 1654—1655 гг. Бельского, Усвятского, Велижского, Невельского и других русских уездов от владычества Речи Посполитой борьба крестьян не ослабла.

Царское правительство в 1655 г. официально еще не разрешало русским помещикам из порубежных уездов насильно забирать на освобожденных землях своих беглых крестьян. Фактически же оно помогало дворянам и детям боярским разыскивать беглых крестьян и дворовых людей и возвращать их с имуществом в свои владения. Уже в эти годы русские воеводы давали приставов по челобитьям помещиков, крестьяне которых в разное время бежали за рубеж. Например, боярин и воевода В. П. Шереметев указывал невельскому воеводе: «И тебе б, господине, против челобитья Алексея Бибикова дать ему по тех крестьян и по людей пристава»[16]. Весной 1656 г. на имя царя подали челобитную псковичи С. Истомин Маврин и Р. Бедринский, жаловавшиеся на бегство их кре-

[11] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 113 и сл.
[12] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. т. X. СПб., изд. Общественная польза, стр. 1667—1668.
[13] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 78.
[14] Там же, л. 35.
[15] Там же, л. 75; ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, лл. 2, 5; № 77, л. 16.
[16] ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, л. 9.

движения на территории самого Русского государства, тем более, что в недавнее еще время восстания крестьян происходили одновременно с городскими восстаниями, как это имело место в Псковской земле в 1650 г.[11]. Народные волнения происходили и в Москве во время морового поветрия 1654 г.[12]. Новгородские дворяне, которые должны были быть в 1654 г. на службе с воеводой В. П. Шереметевым, писали, что «поместья у нас у многих разорены ото псковских воров и жены и дети побиты»[13]. Последнее свидетельство примечательно как новое подтверждение совместной борьбы псковичей и крестьянства во время восстания 1650 г. в Пскове. Дворяне и дети боярские Великих Лук, Торопца и Холма жаловались, что крестьяне с семьями из их поместий со всем имуществом бежали за рубеж в Бельский, Велижский, Усвятский и Невельский уезды и в иные литовские города. Летом 1654 г. торопецкие и холмские дворяне и дети боярские писали, что из их поместий, расположенных по литовскому рубежу, в сопредельных поветах Бельском, Велижском, Усвятском многие крестьяне от непосильных повинностей и платежей «в твои государевы городы бредут врознь, а иные за рубеж в Литву»[14]. Уже летом 1654 г. Бельский, Усвятский, Велижский (кроме города Велижа), Невельский, Себежский и другие поветы были освобождены русскими войсками. После занятия Невельского повета жившие там крестьяне были отданы своим прежним владельцам — луцким и пусторжевским помещикам. В Невельском уезде поместья жаловали и белорусской шляхте, причем белорусские шляхтичи отмечали, что крестьяне из их владений разбежались, владельцев не слушают и «чинятца сильны»[15]. После освобождения в 1654—1655 гг. Бельского, Усвятского, Велижского, Невельского и других русских уездов от владычества Речи Посполитой борьба крестьян не ослабла.

Царское правительство в 1655 г. официально еще не разрешало русским помещикам из порубежных уездов насильно забирать на освобожденных землях своих беглых крестьян. Фактически же оно помогало дворянам и детям боярским разыскивать беглых крестьян и дворовых людей и возвращать их с имуществом в свои владения. Уже в эти годы русские воеводы давали приставов по челобитьям помещиков, крестьяне которых в разное время бежали за рубеж. Например, боярин и воевода В. П. Шереметев указывал невельскому воеводе: «И тебе б, господине, против челобитья Алексея Бибикова дать ему по тех крестьян и по людей пристава»[16]. Весной 1656 г. на имя царя подали челобитную псковичи С. Истомин Маврин и Р. Бедринский, жаловавшиеся на бегство их кре-

---

[11] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 113 и сл.
[12] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. т. X. СПб., изд. Общественная польза, стр. 1667—1668.
[13] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 78.
[14] Там же, л. 35.
[15] Там же, л. 75; ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, лл. 2, 5; № 77, л. 16.
[16] ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, л. 9.

движения на территории самого Русского государства, тем более, что в недавнее еще время восстания крестьян происходили одновременно с городскими восстаниями, как это имело место в Псковской земле в 1650 г. [11]. Народные волнения происходили и в Москве во время морового поветрия 1654 г. [12]. Новгородские дворяне, которые должны были быть в 1654 г. на службе с воеводой В. П. Шереметевым, писали, что «поместья у нас у многих разорены ото псковских воров и жены и дети побиты» [13]. Последнее свидетельство примечательно как новое подтверждение совместной борьбы псковичей и крестьянства во время восстания 1650 г. в Пскове. Дворяне и дети боярские Великих Лук, Торопца и Холма жаловались, что крестьяне с семьями из их поместий со всем имуществом бежали за рубеж в Бельский, Велижский, Усвятский и Невельский уезды и в иные литовские города. Летом 1654 г. торопецкие и холмские дворяне и дети боярские писали, что из их поместий, расположенных по литовскому рубежу, в сопредельных поветах Бельском, Велижском, Усвятском многие крестьяне от непосильных повинностей и платежей «в твои государевы городы бредут врознь, а иные за рубеж в Литву» [14]. Уже летом 1654 г. Бельский, Усвятский, Велижский (кроме города Велижа), Невельский, Себежский и другие поветы были освобождены русскими войсками. После занятия Невельского повета жившие там крестьяне были отданы своим прежним владельцам — луцким и пусторжевским помещикам. В Невельском уезде поместья жаловали и белорусской шляхте, причем белорусские шляхтичи отмечали, что крестьяне из их владений разбежались, владельцев не слушают и «чинятца сильны» [15]. После освобождения в 1654—1655 гг. Бельского, Усвятского, Велижского, Невельского и других русских уездов от владычества Речи Посполитой борьба крестьян не ослабла.

Царское правительство в 1655 г. официально еще не разрешало русским помещикам из порубежных уездов насильно забирать на освобожденных землях своих беглых крестьян. Фактически же оно помогало дворянам и детям боярским разыскивать беглых крестьян и дворовых людей и возвращать их с имуществом в свои владения. Уже в эти годы русские воеводы давали приставов по челобитьям помещиков, крестьяне которых в разное время бежали за рубеж. Например, боярин и воевода В. П. Шереметев указывал невельскому воеводе: «И тебе б, господине, против челобитья Алексея Бибикова дать ему по тех крестьян и по людей пристава» [16]. Весной 1656 г. на имя царя подали челобитную псковичи С. Истомин Маврин и Р. Бедринский, жаловавшиеся на бегство их кре-

---

[11] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 113 и сл.
[12] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. т. X. СПб., изд. Общественная польза, стр. 1667—1668.
[13] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 78.
[14] Там же, л. 35.
[15] Там же, л. 75; ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, лл. 2, 5; № 77, л. 16.
[16] ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, л. 9.

движения на территории самого Русского государства, тем более, что в недавнее еще время восстания крестьян происходили одновременно с городскими восстаниями, как это имело место в Псковской земле в 1650 г.[11]. Народные волнения происходили и в Москве во время морового поветрия 1654 г.[12]. Новгородские дворяне, которые должны были быть в 1654 г. на службе с воеводой В. П. Шереметевым, писали, что «поместья у нас у многих разорены ото псковских воров и жены и дети побиты»[13]. Последнее свидетельство примечательно как новое подтверждение совместной борьбы псковичей и крестьянства во время восстания 1650 г. в Пскове. Дворяне и дети боярские Великих Лук, Торопца и Холма жаловались, что крестьяне с семьями из их поместий со всем имуществом бежали за рубеж в Бельский, Велижский, Усвятский и Невельский уезды и в иные литовские города. Летом 1654 г. торопецкие и холмские дворяне и дети боярские писали, что из их поместий, расположенных по литовскому рубежу, в сопредельных поветах Бельском, Велижском, Усвятском многие крестьяне от непосильных повинностей и платежей «в твои государевы городы бредут врознь, а иные за рубеж в Литву»[14]. Уже летом 1654 г. Бельский, Усвятский, Велижский (кроме города Велижа), Невельский, Себежский и другие поветы были освобождены русскими войсками. После занятия Невельского повета жившие там крестьяне были отданы своим прежним владельцам — луцким и пусторжевским помещикам. В Невельском уезде поместья жаловали и белорусской шляхте, причем белорусские шляхтичи отмечали, что крестьяне из их владений разбежались, владельцев не слушают и «чинятца сильны»[15]. После освобождения в 1654—1655 гг. Бельского, Усвятского, Велижского, Невельского и других русских уездов от владычества Речи Посполитой борьба крестьян не ослабла.

Царское правительство в 1655 г. официально еще не разрешало русским помещикам из порубежных уездов насильно забирать на освобожденных землях своих беглых крестьян. Фактически же оно помогало дворянам и детям боярским разыскивать беглых крестьян и дворовых людей и возвращать их с имуществом в свои владения. Уже в эти годы русские воеводы давали приставов по челобитьям помещиков, крестьяне которых в разное время бежали за рубеж. Например, боярин и воевода В. П. Шереметев указывал невельскому воеводе: «И тебе б, господине, против челобитья Алексея Бибикова дать ему по тех крестьян и по людей пристава»[16]. Весной 1656 г. на имя царя подали челобитную псковичи С. Истомин Маврин и Р. Бедринский, жаловавшиеся на бегство их кре-

[11] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 113 и сл.
[12] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. т. X. СПб., изд. Общественная польза, стр. 1667—1668.
[13] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 78.
[14] Там же, л. 35.
[15] Там же, л. 75; ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, лл. 2, 5; № 77, л. 16.
[16] ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, л. 9.

движения на территории самого Русского государства, тем более, что в недавнее еще время восстания крестьян происходили одновременно с городскими восстаниями, как это имело место в Псковской земле в 1650 г.[11]. Народные волнения происходили и в Москве во время морового поветрия 1654 г.[12]. Новгородские дворяне, которые должны были быть в 1654 г. на службе с воеводой В. П. Шереметевым, писали, что «поместья у нас у многих разорены ото псковских воров и жены и дети побиты»[13]. Последнее свидетельство примечательно как новое подтверждение совместной борьбы псковичей и крестьянства во время восстания 1650 г. в Пскове. Дворяне и дети боярские Великих Лук, Торопца и Холма жаловались, что крестьяне с семьями из их поместий со всем имуществом бежали за рубеж в Бельский, Велижский, Усвятский и Невельский уезды и в иные литовские города. Летом 1654 г. торопецкие и холмские дворяне и дети боярские писали, что из их поместий, расположенных по литовскому рубежу, в сопредельных поветах Бельском, Велижском, Усвятском многие крестьяне от непосильных повинностей и платежей «в твои государевы городы бредут врознь, а иные за рубеж в Литву»[14]. Уже летом 1654 г. Бельский, Усвятский, Велижский (кроме города Велижа), Невельский, Себежский и другие поветы были освобождены русскими войсками. После занятия Невельского повета жившие там крестьяне были отданы своим прежним владельцам — луцким и пусторжевским помещикам. В Невельском уезде поместья жаловали и белорусской шляхте, причем белорусские шляхтичи отмечали, что крестьяне из их владений разбежались, владельцев не слушают и «чинятца сильны»[15]. После освобождения в 1654—1655 гг. Бельского, Усвятского, Велижского, Невельского и других русских уездов от владычества Речи Посполитой борьба крестьян не ослабла.

Царское правительство в 1655 г. официально еще не разрешало русским помещикам из порубежных уездов насильно забирать на освобожденных землях своих беглых крестьян. Фактически же оно помогало дворянам и детям боярским разыскивать беглых крестьян и дворовых людей и возвращать их с имуществом в свои владения. Уже в эти годы русские воеводы давали приставов по челобитьям помещиков, крестьяне которых в разное время бежали за рубеж. Например, боярин и воевода В. П. Шереметев указывал невельскому воеводе: «И тебе б, господине, против челобитья Алексея Бибикова дать ему по тех крестьян и по людей пристава»[16]. Весной 1656 г. на имя царя подали челобитную псковичи С. Истомин Маврин и Р. Бедринский, жаловавшиеся на бегство их кре-

[11] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 113 и сл.
[12] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. т. X. СПб., изд. Общественная польза, стр. 1667—1668.
[13] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 78.
[14] Там же, л. 35.
[15] Там же, л. 75; ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, лл. 2, 5; № 77, л. 16.
[16] ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, л. 9.

Таким образом, вопреки распоряжению казацко-старшинской администрации, жители города Стародуба не позволили русскому помещику забрать своих беглых крестьян и открыто выступили против полкового уряда. В этом и подобных случаях находила выражение совместная борьба русского и украинского народов против феодально-крепостнического строя.

Украинские крестьяне и мещане не только препятствовали выдаче беглых русских крестьян их помещикам, но, случалось, и силой отбивали полоняников, которые обычно были белорусскими или русскими крестьянами. Так, в 1655 г. у поместных казаков из Новгород-Северского, отпущенных из полков по домам из-под Дубровны, в Чернавской слободе того же Новгород-Северского уезда украинское население отбило, «полону купленого шесть мужиков, да четыре девки»[34]. Можно предположить, что в освобождении полоняников вместе с украинцами принимали участие и беглые русские и белорусские крестьяне, так как в украинских пограничных землях было много беглого люда. Освобождение полоняников с применением силы свидетельствовало о единстве классовых интересов, о взаимной поддержке русского и украинского трудового народа. Купить пленных могли не рядовые, а зажиточные казаки, возможно, представители старшины. В челобитной царскому правительству поместные казаки изобразили все это как обычный грабеж. Однако сами челобитчики указывали, что у них нападавшие забрали только одну лошадь и на 15 руб. разного добра, которое могло принадлежать и пленникам.

Бежавшие на Украину русские крестьяне из южных уездов селились в сопредельных, смежных районах и не уходили, как правило, далеко. Русские крестьяне и до 1654 г., спасаясь от крепостнического гнета, бежали на Украину. У оставшихся на прежних местах жительства крестьян сохранялись определенные связи с беглыми. У бежавших крестьян на прежнем месте жительства могли остаться посевы, там у них были угодья. Кроме того, в деревнях оставались их родственники, близкие. Поэтому, когда новые группы русских крестьян бежали от своих помещиков на Украину, они старались поселиться недалеко от своих односельчан.

После присоединения Украины к России, казалось бы, никаких трудностей в отношении сыска беглых крестьян для помещиков не должно было быть. На практике дело обстояло по-иному. На территории Украины русские помещики не могли действовать так, как бы им этого хотелось. Там в результате освободительной войны феодальный гнет был ослаблен, продолжало существовать полковое устройство. Полковой уряд не мог не считаться с настроением широких масс украинского населения. Численно казацкое войско значительно увеличилось за счет поступивших в казаки украинских крестьян и мещан. Между казацкой старшиной и рядовыми казаками шла острая классовая борьба.

[34] АЮЗР, т. III, № 347, стр. 510—511.

движения на территории самого Русского государства, тем более, что в недавнее еще время восстания крестьян происходили одновременно с городскими восстаниями, как это имело место в Псковской земле в 1650 г.[11]. Народные волнения происходили и в Москве во время морового поветрия 1654 г.[12]. Новгородские дворяне, которые должны были быть в 1654 г. на службе с воеводой В. П. Шереметевым, писали, что «поместья у нас у многих разорены ото псковских воров и жены и дети побиты»[13]. Последнее свидетельство примечательно как новое подтверждение совместной борьбы псковичей и крестьянства во время восстания 1650 г. в Пскове. Дворяне и дети боярские Великих Лук, Торопца и Холма жаловались, что крестьяне с семьями из их поместий со всем имуществом бежали за рубеж в Бельский, Велижский, Усвятский и Невельский уезды и в иные литовские города. Летом 1654 г. торопецкие и холмские дворяне и дети боярские писали, что из их поместий, расположенных по литовскому рубежу, в сопредельных поветах Бельском, Велижском, Усвятском многие крестьяне от непосильных повинностей и платежей «в твои государевы городы бредут врознь, а иные за рубеж в Литву»[14]. Уже летом 1654 г. Бельский, Усвятский, Велижский (кроме города Велижа), Невельский, Себежский и другие поветы были освобождены русскими войсками. После занятия Невельского повета жившие там крестьяне были отданы своим прежним владельцам — луцким и пусторжевским помещикам. В Невельском уезде поместья жаловали и белорусской шляхте, причем белорусские шляхтичи отмечали, что крестьяне из их владений разбежались, владельцев не слушают и «чинятца сильны»[15]. После освобождения в 1654—1655 гг. Бельского, Усвятского, Велижского, Невельского и других русских уездов от владычества Речи Посполитой борьба крестьян не ослабла.

Царское правительство в 1655 г. официально еще не разрешало русским помещикам из порубежных уездов насильно забирать на освобожденных землях своих беглых крестьян. Фактически же оно помогало дворянам и детям боярским разыскивать беглых крестьян и дворовых людей и возвращать их с имуществом в свои владения. Уже в эти годы русские воеводы давали приставов по челобитьям помещиков, крестьяне которых в разное время бежали за рубеж. Например, боярин и воевода В. П. Шереметев указывал невельскому воеводе: «И тебе б, господине, против челобитья Алексея Бибикова дать ему по тех крестьян и по людей пристава»[16]. Весной 1656 г. на имя царя подали челобитную псковичи С. Истомин Маврин и Р. Бедринский, жаловавшиеся на бегство их кре-

---

[11] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 113 и сл.
[12] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. т. X. СПб., изд. Общественная польза, стр. 1667—1668.
[13] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 78.
[14] Там же, л. 35.
[15] Там же, л. 75; ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, лл. 2, 5; № 77, л. 16.
[16] ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, л. 9.

движения на территории самого Русского государства, тем более, что в недавнее еще время восстания крестьян происходили одновременно с городскими восстаниями, как это имело место в Псковской земле в 1650 г.[11]. Народные волнения происходили и в Москве во время морового поветрия 1654 г.[12]. Новгородские дворяне, которые должны были быть в 1654 г. на службе с воеводой В. П. Шереметевым, писали, что «поместья у нас у многих разорены ото псковских воров и жены и дети побиты»[13]. Последнее свидетельство примечательно как новое подтверждение совместной борьбы псковичей и крестьянства во время восстания 1650 г. в Пскове. Дворяне и дети боярские Великих Лук, Торопца и Холма жаловались, что крестьяне с семьями из их поместий со всем имуществом бежали за рубеж в Бельский, Велижский, Усвятский и Невельский уезды и в иные литовские города. Летом 1654 г. торопецкие и холмские дворяне и дети боярские писали, что из их поместий, расположенных по литовскому рубежу, в сопредельных поветах Бельском, Велижском, Усвятском многие крестьяне от непосильных повинностей и платежей «в твои государевы городы бредут врознь, а иные за рубеж в Литву»[14]. Уже летом 1654 г. Бельский, Усвятский, Велижский (кроме города Велижа), Невельский, Себежский и другие поветы были освобождены русскими войсками. После занятия Невельского повета жившие там крестьяне были отданы своим прежним владельцам — луцким и пусторжевским помещикам. В Невельском уезде поместья жаловали и белорусской шляхте, причем белорусские шляхтичи отмечали, что крестьяне из их владений разбежались, владельцев не слушают и «чинятца сильны»[15]. После освобождения в 1654—1655 гг. Бельского, Усвятского, Велижского, Невельского и других русских уездов от владычества Речи Посполитой борьба крестьян не ослабла.

Царское правительство в 1655 г. официально еще не разрешало русским помещикам из порубежных уездов насильно забирать на освобожденных землях своих беглых крестьян. Фактически же оно помогало дворянам и детям боярским разыскивать беглых крестьян и дворовых людей и возвращать их с имуществом в свои владения. Уже в эти годы русские воеводы давали приставов по челобитьям помещиков, крестьяне которых в разное время бежали за рубеж. Например, боярин и воевода В. П. Шереметев указывал невельскому воеводе: «И тебе б, господине, против челобитья Алексея Бибикова дать ему по тех крестьян и по людей пристава»[16]. Весной 1656 г. на имя царя подали челобитную псковичи С. Истомин Маврин и Р. Бедринский, жаловавшиеся на бегство их кре-

---

[11] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 113 и сл.
[12] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. т. X. СПб., изд. Общественная польза, стр. 1667—1668.
[13] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 78.
[14] Там же, л. 35.
[15] Там же, л. 75; ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, лл. 2, 5; № 77, л. 16.
[16] ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, л. 9.

движения на территории самого Русского государства, тем более, что в недавнее еще время восстания крестьян происходили одновременно с городскими восстаниями, как это имело место в Псковской земле в 1650 г. [11]. Народные волнения происходили и в Москве во время морового поветрия 1654 г. [12]. Новгородские дворяне, которые должны были быть в 1654 г. на службе с воеводой В. П. Шереметевым, писали, что «поместья у нас у многих разорены ото псковских воров и жены и дети побиты» [13]. Последнее свидетельство примечательно как новое подтверждение совместной борьбы псковичей и крестьянства во время восстания 1650 г. в Пскове. Дворяне и дети боярские Великих Лук, Торопца и Холма жаловались, что крестьяне с семьями из их поместий со всем имуществом бежали за рубеж в Бельский, Велижский, Усвятский и Невельский уезды и в иные литовские города. Летом 1654 г. торопецкие и холмские дворяне и дети боярские писали, что из их поместий, расположенных по литовскому рубежу, в сопредельных поветах Бельском, Велижском, Усвятском многие крестьяне от непосильных повинностей и платежей «в твои государевы городы бредут врознь, а иные за рубеж в Литву» [14]. Уже летом 1654 г. Бельский, Усвятский, Велижский (кроме города Велижа), Невельский, Себежский и другие поветы были освобождены русскими войсками. После занятия Невельского повета жившие там крестьяне были отданы своим прежним владельцам — луцким и пусторжевским помещикам. В Невельском уезде поместья жаловали и белорусской шляхте, причем белорусские шляхтичи отмечали, что крестьяне из их владений разбежались, владельцев не слушают и «чинятца сильны» [15]. После освобождения в 1654—1655 гг. Бельского, Усвятского, Велижского, Невельского и других русских уездов от владычества Речи Посполитой борьба крестьян не ослабла.

Царское правительство в 1655 г. официально еще не разрешало русским помещикам из порубежных уездов насильно забирать на освобожденных землях своих беглых крестьян. Фактически же оно помогало дворянам и детям боярским разыскивать беглых крестьян и дворовых людей и возвращать их с имуществом в свои владения. Уже в эти годы русские воеводы давали приставов по челобитьям помещиков, крестьяне которых в разное время бежали за рубеж. Например, боярин и воевода В. П. Шереметев указывал невельскому воеводе: «И тебе б, господине, против челобитья Алексея Бибикова дать ему по тех крестьян и по людей пристава» [16]. Весной 1656 г. на имя царя подали челобитную псковичи С. Истомин Маврин и Р. Бедринский, жаловавшиеся на бегство их кре-

---

[11] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 113 и сл.

[12] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. т. Х. СПб., изд. Общественная польза, стр. 1667—1668.

[13] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 78.

[14] Там же, л. 35.

[15] Там же, л. 75; ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, лл. 2, 5; № 77, л. 16.

[16] ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, л. 9.

движения на территории самого Русского государства, тем более, что в недавнее еще время восстания крестьян происходили одновременно с городскими восстаниями, как это имело место в Псковской земле в 1650 г.[11]. Народные волнения происходили и в Москве во время морового поветрия 1654 г.[12]. Новгородские дворяне, которые должны были быть в 1654 г. на службе с воеводой В. П. Шереметевым, писали, что «поместья у нас у многих разорены ото псковских воров и жены и дети побиты»[13]. Последнее свидетельство примечательно как новое подтверждение совместной борьбы псковичей и крестьянства во время восстания 1650 г. в Пскове. Дворяне и дети боярские Великих Лук, Торопца и Холма жаловались, что крестьяне с семьями из их поместий со всем имуществом бежали за рубеж в Бельский, Велижский, Усвятский и Невельский уезды и в иные литовские города. Летом 1654 г. торопецкие и холмские дворяне и дети боярские писали, что из их поместий, расположенных по литовскому рубежу, в сопредельных поветах Бельском, Велижском, Усвятском многие крестьяне от непосильных повинностей и платежей «в твои государевы городы бредут врознь, а иные за рубеж в Литву»[14]. Уже летом 1654 г. Бельский, Усвятский, Велижский (кроме города Велижа), Невельский, Себежский и другие поветы были освобождены русскими войсками. После занятия Невельского повета жившие там крестьяне были отданы своим прежним владельцам — луцким и пусторжевским помещикам. В Невельском уезде поместья жаловали и белорусской шляхте, причем белорусские шляхтичи отмечали, что крестьяне из их владений разбежались, владельцев не слушают и «чинятца сильны»[15]. После освобождения в 1654—1655 гг. Бельского, Усвятского, Велижского, Невельского и других русских уездов от владычества Речи Посполитой борьба крестьян не ослабла.

Царское правительство в 1655 г. официально еще не разрешало русским помещикам из порубежных уездов насильно забирать на освобожденных землях своих беглых крестьян. Фактически же оно помогало дворянам и детям боярским разыскивать беглых крестьян и дворовых людей и возвращать их с имуществом в свои владения. Уже в эти годы русские воеводы давали приставов по челобитьям помещиков, крестьяне которых в разное время бежали за рубеж. Например, боярин и воевода В. П. Шереметев указывал невельскому воеводе: «И тебе б, господине, против челобитья Алексея Бибикова дать ему по тех крестьян и по людей пристава»[16]. Весной 1656 г. на имя царя подали челобитную псковичи С. Истомин Маврин и Р. Бедринский, жаловавшиеся на бегство их кре-

---

[11] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 113 и сл.
[12] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. т. X. СПб., изд. Общественная польза, стр. 1667—1668.
[13] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 78.
[14] Там же, л. 35.
[15] Там же, л. 75; ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, лл. 2, 5; № 77, л. 16.
[16] ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, л. 9.

движения на территории самого Русского государства, тем более, что в недавнее еще время восстания крестьян происходили одновременно с городскими восстаниями, как это имело место в Псковской земле в 1650 г.[11]. Народные волнения происходили и в Москве во время морового поветрия 1654 г.[12]. Новгородские дворяне, которые должны были быть в 1654 г. на службе с воеводой В. П. Шереметевым, писали, что «поместья у нас у многих разорены ото псковских воров и жены и дети побиты»[13]. Последнее свидетельство примечательно как новое подтверждение совместной борьбы псковичей и крестьянства во время восстания 1650 г. в Пскове. Дворяне и дети боярские Великих Лук, Торопца и Холма жаловались, что крестьяне с семьями из их поместий со всем имуществом бежали за рубеж в Бельский, Велижский, Усвятский и Невельский уезды и в иные литовские города. Летом 1654 г. торопецкие и холмские дворяне и дети боярские писали, что из их поместий, расположенных по литовскому рубежу, в сопредельных поветах Бельском, Велижском, Усвятском многие крестьяне от непосильных повинностей и платежей «в твои государевы городы бредут врознь, а иные за рубеж в Литву»[14]. Уже летом 1654 г. Бельский, Усвятский, Велижский (кроме города Велижа), Невельский, Себежский и другие поветы были освобождены русскими войсками. После занятия Невельского повета жившие там крестьяне были отданы своим прежним владельцам — луцким и пусторжевским помещикам. В Невельском уезде поместья жаловали и белорусской шляхте, причем белорусские шляхтичи отмечали, что крестьяне из их владений разбежались, владельцев не слушают и «чинятца сильны»[15]. После освобождения в 1654—1655 гг. Бельского, Усвятского, Велижского, Невельского и других русских уездов от владычества Речи Посполитой борьба крестьян не ослабла.

Царское правительство в 1655 г. официально еще не разрешало русским помещикам из порубежных уездов насильно забирать на освобожденных землях своих беглых крестьян. Фактически же оно помогало дворянам и детям боярским разыскивать беглых крестьян и дворовых людей и возвращать их с имуществом в свои владения. Уже в эти годы русские воеводы давали приставов по челобитьям помещиков, крестьяне которых в разное время бежали за рубеж. Например, боярин и воевода В. П. Шереметев указывал невельскому воеводе: «И тебе б, господине, против челобитья Алексея Бибикова дать ему по тех крестьян и по людей пристава»[16]. Весной 1656 г. на имя царя подали челобитную псковичи С. Истомин Маврин и Р. Бедринский, жаловавшиеся на бегство их кре-

---

[11] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 113 и сл.
[12] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. т. X. СПб., изд. Общественная польза, стр. 1667—1668.
[13] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 78.
[14] Там же, л. 35.
[15] Там же, л. 75; ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, лл. 2, 5; № 77, л. 16.
[16] ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, л. 9.

движения на территории самого Русского государства, тем более, что в недавнее еще время восстания крестьян происходили одновременно с городскими восстаниями, как это имело место в Псковской земле в 1650 г.[11]. Народные волнения происходили и в Москве во время морового поветрия 1654 г.[12]. Новгородские дворяне, которые должны были быть в 1654 г. на службе с воеводой В. П. Шереметевым, писали, что «поместья у нас у многих разорены ото псковских воров и жены и дети побиты»[13]. Последнее свидетельство примечательно как новое подтверждение совместной борьбы псковичей и крестьянства во время восстания 1650 г. в Пскове. Дворяне и дети боярские Великих Лук, Торопца и Холма жаловались, что крестьяне с семьями из их поместий со всем имуществом бежали за рубеж в Бельский, Велижский, Усвятский и Невельский уезды и в иные литовские города. Летом 1654 г. торопецкие и холмские дворяне и дети боярские писали, что из их поместий, расположенных по литовскому рубежу, в сопредельных поветах Бельском, Велижском, Усвятском многие крестьяне от непосильных повинностей и платежей «в твои государевы городы бредут врознь, а иные за рубеж в Литву»[14]. Уже летом 1654 г. Бельский, Усвятский, Велижский (кроме города Велижа), Невельский, Себежский и другие поветы были освобождены русскими войсками. После занятия Невельского повета жившие там крестьяне были отданы своим прежним владельцам — луцким и пусторжевским помещикам. В Невельском уезде поместья жаловали и белорусской шляхте, причем белорусские шляхтичи отмечали, что крестьяне из их владений разбежались, владельцев не слушают и «чинятца сильны»[15]. После освобождения в 1654—1655 гг. Бельского, Усвятского, Велижского, Невельского и других русских уездов от владычества Речи Посполитой борьба крестьян не ослабла.

Царское правительство в 1655 г. официально еще не разрешало русским помещикам из порубежных уездов насильно забирать на освобожденных землях своих беглых крестьян. Фактически же оно помогало дворянам и детям боярским разыскивать беглых крестьян и дворовых людей и возвращать их с имуществом в свои владения. Уже в эти годы русские воеводы давали приставов по челобитьям помещиков, крестьяне которых в разное время бежали за рубеж. Например, боярин и воевода В. П. Шереметев указывал невельскому воеводе: «И тебе б, господине, против челобитья Алексея Бибикова дать ему по тех крестьян и по людей пристава»[16]. Весной 1656 г. на имя царя подали челобитную псковичи С. Истомин Маврин и Р. Бедринский, жаловавшиеся на бегство их кре-

---

[11] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 113 и сл.
[12] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. т. X. СПб., изд. Общественная польза, стр. 1667—1668.
[13] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 78.
[14] Там же, л. 35.
[15] Там же, л. 75; ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, лл. 2, 5; № 77, л. 16.
[16] ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, л. 9.

движения на территории самого Русского государства, тем более, что в недавнее еще время восстания крестьян происходили одновременно с городскими восстаниями, как это имело место в Псковской земле в 1650 г.[11]. Народные волнения происходили и в Москве во время морового поветрия 1654 г.[12]. Новгородские дворяне, которые должны были быть в 1654 г. на службе с воеводой В. П. Шереметевым, писали, что «поместья у нас у многих разорены ото псковских воров и жены и дети побиты»[13]. Последнее свидетельство примечательно как новое подтверждение совместной борьбы псковичей и крестьянства во время восстания 1650 г. в Пскове. Дворяне и дети боярские Великих Лук, Торопца и Холма жаловались, что крестьяне с семьями из их поместий со всем имуществом бежали за рубеж в Бельский, Велижский, Усвятский и Невельский уезды и в иные литовские города. Летом 1654 г. торопецкие и холмские дворяне и дети боярские писали, что из их поместий, расположенных по литовскому рубежу, в сопредельных поветах Бельском, Велижском, Усвятском многие крестьяне от непосильных повинностей и платежей «в твои государевы городы бредут врознь, а иные за рубеж в Литву»[14]. Уже летом 1654 г. Бельский, Усвятский, Велижский (кроме города Велижа), Невельский, Себежский и другие поветы были освобождены русскими войсками. После занятия Невельского повета жившие там крестьяне были отданы своим прежним владельцам — луцким и пусторжевским помещикам. В Невельском уезде поместья жаловали и белорусской шляхте, причем белорусские шляхтичи отмечали, что крестьяне из их владений разбежались, владельцев не слушают и «чинятца сильны»[15]. После освобождения в 1654—1655 гг. Бельского, Усвятского, Велижского, Невельского и других русских уездов от владычества Речи Посполитой борьба крестьян не ослабла.

Царское правительство в 1655 г. официально еще не разрешало русским помещикам из порубежных уездов насильно забирать на освобожденных землях своих беглых крестьян. Фактически же оно помогало дворянам и детям боярским разыскивать беглых крестьян и дворовых людей и возвращать их с имуществом в свои владения. Уже в эти годы русские воеводы давали приставов по челобитьям помещиков, крестьяне которых в разное время бежали за рубеж. Например, боярин и воевода В. П. Шереметев указывал невельскому воеводе: «И тебе б, господине, против челобитья Алексея Бибикова дать ему по тех крестьян и по людей пристава»[16]. Весной 1656 г. на имя царя подали челобитную псковичи С. Истомин Маврин и Р. Бедринский, жаловавшиеся на бегство их кре-

---

[11] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 113 и сл.
[12] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. т. X. СПб., изд. Общественная польза, стр. 1667—1668.
[13] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 78.
[14] Там же, л. 35.
[15] Там же, л. 75; ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, лл. 2, 5; № 77, л. 16.
[16] ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, л. 9.

движения на территории самого Русского государства, тем более, что в недавнее еще время восстания крестьян происходили одновременно с городскими восстаниями, как это имело место в Псковской земле в 1650 г.[11]. Народные волнения происходили и в Москве во время морового поветрия 1654 г.[12]. Новгородские дворяне, которые должны были быть в 1654 г. на службе с воеводой В. П. Шереметевым, писали, что «поместья у нас у многих разорены ото псковских воров и жены и дети побиты»[13]. Последнее свидетельство примечательно как новое подтверждение совместной борьбы псковичей и крестьянства во время восстания 1650 г. в Пскове. Дворяне и дети боярские Великих Лук, Торопца и Холма жаловались, что крестьяне с семьями из их поместий со всем имуществом бежали за рубеж в Бельский, Велижский, Усвятский и Невельский уезды и в иные литовские города. Летом 1654 г. торопецкие и холмские дворяне и дети боярские писали, что из их поместий, расположенных по литовскому рубежу, в сопредельных поветах Бельском, Велижском, Усвятском многие крестьяне от непосильных повинностей и платежей «в твои государевы городы бредут врознь, а иные за рубеж в Литву»[14]. Уже летом 1654 г. Бельский, Усвятский, Велижский (кроме города Велижа), Невельский, Себежский и другие поветы были освобождены русскими войсками. После занятия Невельского повета жившие там крестьяне были отданы своим прежним владельцам — луцким и пусторжевским помещикам. В Невельском уезде поместья жаловали и белорусской шляхте, причем белорусские шляхтичи отмечали, что крестьяне из их владений разбежались, владельцев не слушают и «чинятца сильны»[15]. После освобождения в 1654—1655 гг. Бельского, Усвятского, Велижского, Невельского и других русских уездов от владычества Речи Посполитой борьба крестьян не ослабла.

Царское правительство в 1655 г. официально еще не разрешало русским помещикам из порубежных уездов насильно забирать на освобожденных землях своих беглых крестьян. Фактически же оно помогало дворянам и детям боярским разыскивать беглых крестьян и дворовых людей и возвращать их с имуществом в свои владения. Уже в эти годы русские воеводы давали приставов по челобитьям помещиков, крестьяне которых в разное время бежали за рубеж. Например, боярин и воевода В. П. Шереметев указывал невельскому воеводе: «И тебе б, господине, против челобитья Алексея Бибикова дать ему по тех крестьян и по людей пристава»[16]. Весной 1656 г. на имя царя подали челобитную псковичи С. Истомин Маврин и Р. Бедринский, жаловавшиеся на бегство их кре-

---

[11] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 113 и сл.
[12] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. т. X. СПб., изд. Общественная польза, стр. 1667—1668.
[13] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 78.
[14] Там же, л. 35.
[15] Там же, л. 75; ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, лл. 2, 5; № 77, л. 16.
[16] ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, л. 9.

движения на территории самого Русского государства, тем более, что в недавнее еще время восстания крестьян происходили одновременно с городскими восстаниями, как это имело место в Псковской земле в 1650 г.[11]. Народные волнения происходили и в Москве во время морового поветрия 1654 г.[12]. Новгородские дворяне, которые должны были быть в 1654 г. на службе с воеводой В. П. Шереметевым, писали, что «поместья у нас у многих разорены ото псковских воров и жены и дети побиты»[13]. Последнее свидетельство примечательно как новое подтверждение совместной борьбы псковичей и крестьянства во время восстания 1650 г. в Пскове. Дворяне и дети боярские Великих Лук, Торопца и Холма жаловались, что крестьяне с семьями из их поместий со всем имуществом бежали за рубеж в Бельский, Велижский, Усвятский и Невельский уезды и в иные литовские города. Летом 1654 г. торопецкие и холмские дворяне и дети боярские писали, что из их поместий, расположенных по литовскому рубежу, в сопредельных поветах Бельском, Велижском, Усвятском многие крестьяне от непосильных повинностей и платежей «в твои государевы городы бредут врознь, а иные за рубеж в Литву»[14]. Уже летом 1654 г. Бельский, Усвятский, Велижский (кроме города Велижа), Невельский, Себежский и другие поветы были освобождены русскими войсками. После занятия Невельского повета жившие там крестьяне были отданы своим прежним владельцам — луцким и пусторжевским помещикам. В Невельском уезде поместья жаловали и белорусской шляхте, причем белорусские шляхтичи отмечали, что крестьяне из их владений разбежались, владельцев не слушают и «чинятца сильны»[15]. После освобождения в 1654—1655 гг. Бельского, Усвятского, Велижского, Невельского и других русских уездов от владычества Речи Посполитой борьба крестьян не ослабла.

Царское правительство в 1655 г. официально еще не разрешало русским помещикам из порубежных уездов насильно забирать на освобожденных землях своих беглых крестьян. Фактически же оно помогало дворянам и детям боярским разыскивать беглых крестьян и дворовых людей и возвращать их с имуществом в свои владения. Уже в эти годы русские воеводы давали приставов по челобитьям помещиков, крестьяне которых в разное время бежали за рубеж. Например, боярин и воевода В. П. Шереметев указывал невельскому воеводе: «И тебе б, господине, против челобитья Алексея Бибикова дать ему по тех крестьян и по людей пристава»[16]. Весной 1656 г. на имя царя подали челобитную псковичи С. Истомин Маврин и Р. Бедринский, жаловавшиеся на бегство их кре-

[11] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 113 и сл.
[12] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. т. X. СПб., изд. Общественная польза, стр. 1667—1668.
[13] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 78.
[14] Там же, л. 35.
[15] Там же, л. 75; ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, лл. 2, 5; № 77, л. 16.
[16] ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, л. 9.

движения на территории самого Русского государства, тем более, что в недавнее еще время восстания крестьян происходили одновременно с городскими восстаниями, как это имело место в Псковской земле в 1650 г.[11]. Народные волнения происходили и в Москве во время морового поветрия 1654 г.[12]. Новгородские дворяне, которые должны были быть в 1654 г. на службе с воеводой В. П. Шереметевым, писали, что «поместья у нас у многих разорены ото псковских воров и жены и дети побиты»[13]. Последнее свидетельство примечательно как новое подтверждение совместной борьбы псковичей и крестьянства во время восстания 1650 г. в Пскове. Дворяне и дети боярские Великих Лук, Торопца и Холма жаловались, что крестьяне с семьями из их поместий со всем имуществом бежали за рубеж в Бельский, Велижский, Усвятский и Невельский уезды и в иные литовские города. Летом 1654 г. торопецкие и холмские дворяне и дети боярские писали, что из их поместий, расположенных по литовскому рубежу, в сопредельных поветах Бельском, Велижском, Усвятском многие крестьяне от непосильных повинностей и платежей «в твои государевы городы бредут врознь, а иные за рубеж в Литву»[14]. Уже летом 1654 г. Бельский, Усвятский, Велижский (кроме города Велижа), Невельский, Себежский и другие поветы были освобождены русскими войсками. После занятия Невельского повета жившие там крестьяне были отданы своим прежним владельцам — луцким и пусторжевским помещикам. В Невельском уезде поместья жаловали и белорусской шляхте, причем белорусские шляхтичи отмечали, что крестьяне из их владений разбежались, владельцев не слушают и «чинятца сильны»[15]. После освобождения в 1654—1655 гг. Бельского, Усвятского, Велижского, Невельского и других русских уездов от владычества Речи Посполитой борьба крестьян не ослабла.

Царское правительство в 1655 г. официально еще не разрешало русским помещикам из порубежных уездов насильно забирать на освобожденных землях своих беглых крестьян. Фактически же оно помогало дворянам и детям боярским разыскивать беглых крестьян и дворовых людей и возвращать их с имуществом в свои владения. Уже в эти годы русские воеводы давали приставов по челобитьям помещиков, крестьяне которых в разное время бежали за рубеж. Например, боярин и воевода В. П. Шереметев указывал невельскому воеводе: «И тебе б, господине, против челобитья Алексея Бибикова дать ему по тех крестьян и по людей пристава»[16]. Весной 1656 г. на имя царя подали челобитную псковичи С. Истомин Маврин и Р. Бедринский, жаловавшиеся на бегство их кре-

---

[11] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 113 и сл.
[12] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. т. X. СПб., изд. Общественная польза, стр. 1667—1668.
[13] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 78.
[14] Там же, л. 35.
[15] Там же, л. 75; ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, лл. 2, 5; № 77, л. 16.
[16] ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, л. 9.

движения на территории самого Русского государства, тем более, что в недавнее еще время восстания крестьян происходили одновременно с городскими восстаниями, как это имело место в Псковской земле в 1650 г.[11]. Народные волнения происходили и в Москве во время морового поветрия 1654 г.[12]. Новгородские дворяне, которые должны были быть в 1654 г. на службе с воеводой В. П. Шереметевым, писали, что «поместья у нас у многих разорены ото псковских воров и жены и дети побиты»[13]. Последнее свидетельство примечательно как новое подтверждение совместной борьбы псковичей и крестьянства во время восстания 1650 г. в Пскове. Дворяне и дети боярские Великих Лук, Торопца и Холма жаловались, что крестьяне с семьями из их поместий со всем имуществом бежали за рубеж в Бельский, Велижский, Усвятский и Невельский уезды и в иные литовские города. Летом 1654 г. торопецкие и холмские дворяне и дети боярские писали, что из их поместий, расположенных по литовскому рубежу, в сопредельных поветах Бельском, Велижском, Усвятском многие крестьяне от непосильных повинностей и платежей «в твои государевы городы бредут врознь, а иные за рубеж в Литву»[14]. Уже летом 1654 г. Бельский, Усвятский, Велижский (кроме города Велижа), Невельский, Себежский и другие поветы были освобождены русскими войсками. После занятия Невельского повета жившие там крестьяне были отданы своим прежним владельцам — луцким и пусторжевским помещикам. В Невельском уезде поместья жаловали и белорусской шляхте, причем белорусские шляхтичи отмечали, что крестьяне из их владений разбежались, владельцев не слушают и «чинятца сильны»[15]. После освобождения в 1654—1655 гг. Бельского, Усвятского, Велижского, Невельского и других русских уездов от владычества Речи Посполитой борьба крестьян не ослабла.

Царское правительство в 1655 г. официально еще не разрешало русским помещикам из порубежных уездов насильно забирать на освобожденных землях своих беглых крестьян. Фактически же оно помогало дворянам и детям боярским разыскивать беглых крестьян и дворовых людей и возвращать их с имуществом в свои владения. Уже в эти годы русские воеводы давали приставов по челобитьям помещиков, крестьяне которых в разное время бежали за рубеж. Например, боярин и воевода В. П. Шереметев указывал невельскому воеводе: «И тебе б, господине, против челобитья Алексея Бибикова дать ему по тех крестьян и по людей пристава»[16]. Весной 1656 г. на имя царя подали челобитную псковичи С. Истомин Маврин и Р. Бедринский, жаловавшиеся на бегство их кре-

---

[11] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 113 и сл.
[12] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. т. X. СПб., изд. Общественная польза, стр. 1667—1668.
[13] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 78.
[14] Там же, л. 35.
[15] Там же, л. 75; ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, лл. 2, 5; № 77, л. 16.
[16] ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, л. 9.

движения на территории самого Русского государства, тем более, что в недавнее еще время восстания крестьян происходили одновременно с городскими восстаниями, как это имело место в Псковской земле в 1650 г.[11]. Народные волнения происходили и в Москве во время морового поветрия 1654 г.[12]. Новгородские дворяне, которые должны были быть в 1654 г. на службе с воеводой В. П. Шереметевым, писали, что «поместья у нас у многих разорены ото псковских воров и жены и дети побиты»[13]. Последнее свидетельство примечательно как новое подтверждение совместной борьбы псковичей и крестьянства во время восстания 1650 г. в Пскове. Дворяне и дети боярские Великих Лук, Торопца и Холма жаловались, что крестьяне с семьями из их поместий со всем имуществом бежали за рубеж в Бельский, Велижский, Усвятский и Невельский уезды и в иные литовские города. Летом 1654 г. торопецкие и холмские дворяне и дети боярские писали, что из их поместий, расположенных по литовскому рубежу, в сопредельных поветах Бельском, Велижском, Усвятском многие крестьяне от непосильных повинностей и платежей «в твои государевы городы бредут врознь, а иные за рубеж в Литву»[14]. Уже летом 1654 г. Бельский, Усвятский, Велижский (кроме города Велижа), Невельский, Себежский и другие поветы были освобождены русскими войсками. После занятия Невельского повета жившие там крестьяне были отданы своим прежним владельцам — луцким и пусторжевским помещикам. В Невельском уезде поместья жаловали и белорусской шляхте, причем белорусские шляхтичи отмечали, что крестьяне из их владений разбежались, владельцев не слушают и «чинятца сильны»[15]. После освобождения в 1654—1655 гг. Бельского, Усвятского, Велижского, Невельского и других русских уездов от владычества Речи Посполитой борьба крестьян не ослабла.

Царское правительство в 1655 г. официально еще не разрешало русским помещикам из порубежных уездов насильно забирать на освобожденных землях своих беглых крестьян. Фактически же оно помогало дворянам и детям боярским разыскивать беглых крестьян и дворовых людей и возвращать их с имуществом в свои владения. Уже в эти годы русские воеводы давали приставов по челобитьям помещиков, крестьяне которых в разное время бежали за рубеж. Например, боярин и воевода В. П. Шереметев указывал невельскому воеводе: «И тебе б, господине, против челобитья Алексея Бибикова дать ему по тех крестьян и по людей пристава»[16]. Весной 1656 г. на имя царя подали челобитную псковичи С. Истомин Маврин и Р. Бедринский, жаловавшиеся на бегство их кре-

---

[11] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 113 и сл.
[12] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. т. X. СПб., изд. Общественная польза, стр. 1667—1668.
[13] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 78.
[14] Там же, л. 35.
[15] Там же, л. 75; ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, лл. 2, 5; № 77, л. 16.
[16] ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, л. 9.

движения на территории самого Русского государства, тем более, что в недавнее еще время восстания крестьян происходили одновременно с городскими восстаниями, как это имело место в Псковской земле в 1650 г.[11]. Народные волнения происходили и в Москве во время морового поветрия 1654 г.[12]. Новгородские дворяне, которые должны были быть в 1654 г. на службе с воеводой В. П. Шереметевым, писали, что «поместья у нас у многих разорены ото псковских воров и жены и дети побиты»[13]. Последнее свидетельство примечательно как новое подтверждение совместной борьбы псковичей и крестьянства во время восстания 1650 г. в Пскове. Дворяне и дети боярские Великих Лук, Торопца и Холма жаловались, что крестьяне с семьями из их поместий со всем имуществом бежали за рубеж в Бельский, Велижский, Усвятский и Невельский уезды и в иные литовские города. Летом 1654 г. торопецкие и холмские дворяне и дети боярские писали, что из их поместий, расположенных по литовскому рубежу, в сопредельных поветах Бельском, Велижском, Усвятском многие крестьяне от непосильных повинностей и платежей «в твои государевы городы бредут врознь, а иные за рубеж в Литву»[14]. Уже летом 1654 г. Бельский, Усвятский, Велижский (кроме города Велижа), Невельский, Себежский и другие поветы были освобождены русскими войсками. После занятия Невельского повета жившие там крестьяне были отданы своим прежним владельцам — луцким и пусторжевским помещикам. В Невельском уезде поместья жаловали и белорусской шляхте, причем белорусские шляхтичи отмечали, что крестьяне из их владений разбежались, владельцев не слушают и «чинятца сильны»[15]. После освобождения в 1654—1655 гг. Бельского, Усвятского, Велижского, Невельского и других русских уездов от владычества Речи Посполитой борьба крестьян не ослабла.

Царское правительство в 1655 г. официально еще не разрешало русским помещикам из порубежных уездов насильно забирать на освобожденных землях своих беглых крестьян. Фактически же оно помогало дворянам и детям боярским разыскивать беглых крестьян и дворовых людей и возвращать их с имуществом в свои владения. Уже в эти годы русские воеводы давали приставов по челобитьям помещиков, крестьяне которых в разное время бежали за рубеж. Например, боярин и воевода В. П. Шереметев указывал невельскому воеводе: «И тебе б, господине, против челобитья Алексея Бибикова дать ему по тех крестьян и по людей пристава»[16]. Весной 1656 г. на имя царя подали челобитную псковичи С. Истомин Маврин и Р. Бедринский, жаловавшиеся на бегство их кре-

---

[11] М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 113 и сл.
[12] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. II. т. X. СПб., изд. Общественная польза, стр. 1667—1668.
[13] ЦГАДА, Разряд, Севский стол, ст. 157, л. 78.
[14] Там же, л. 35.
[15] Там же, л. 75; ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, лл. 2, 5; № 77, л. 16.
[16] ЦГАДА, ПДСЛ, № 95, л. 9.

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений [8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск [9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией попрежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин [10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов [11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест [12].

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.

[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.

[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468. 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.

[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.

[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений [8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск [9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией попрежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин [10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов [11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест [12].

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.

[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.

[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468, 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.

[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.

[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений [8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск [9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией попрежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин [10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов [11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест [12].

---

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.

[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.

[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468, 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.

[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.

[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений [8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск [9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией попрежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин [10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов [11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест [12].

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.
[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.
[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468, 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.
[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.
[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений [8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск [9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией попрежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин [10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов [11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест [12].

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.

[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.

[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468. 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.

[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.

[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений [8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск [9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией попрежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин [10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов [11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест [12].

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.

[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.

[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468. 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.

[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.

[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений [8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск [9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией попрежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин [10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов [11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест [12].

---

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.

[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.

[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468, 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.

[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.

[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений [8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск [9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией попрежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин [10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов [11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест [12].

---

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.

[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.

[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468, 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.

[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.

[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений [8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск [9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией попрежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин [10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов [11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест [12].

---

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.

[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.

[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468, 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.

[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.

[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений [8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск [9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией попрежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин [10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов [11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест [12].

---

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.

[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.

[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468. 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.

[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.

[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений [8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск [9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией по-прежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин [10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов [11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест [12].

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.

[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.

[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468. 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.

[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.

[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений [8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск [9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией попрежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин [10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов [11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест [12].

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.

[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.

[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468. 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.

[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.

[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений [8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск [9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией попрежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин [10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов [11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест [12].

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.
[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.
[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468, 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.
[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.
[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений [8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск [9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией попрежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин [10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов [11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест [12].

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.

[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.

[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468, 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.

[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.

[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений [8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск [9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией попрежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин [10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов [11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест [12].

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.

[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.

[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468, 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.

[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.

[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений [8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск [9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией попрежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин [10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов [11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест [12].

---

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.
[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.
[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468, 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.
[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.
[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений[8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск[9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией попрежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин[10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов[11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест[12].

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.

[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.

[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468, 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.

[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.

[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений [8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск [9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией попрежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин [10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов [11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест [12].

---

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.

[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.

[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468, 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.

[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.

[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений [8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск [9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией попрежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин [10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов [11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест [12].

---

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.

[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.

[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468. 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.

[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.

[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

ределен Севск, расположенный на границе с Украиной. Кроме того, в армию Бутурлина была включена часть войск, входящих в состав армии А. Н. Трубецкого и находившихся зимой 1655 г. в Брянске, поблизости от Севска. Б. Хмельницкий придавал большое значение русским войскам, которые должны были прибыть на Украину, и писал И. Золотаренко, что перейти в наступление может только при прибытии подкреплений [8].

В середине марта сам Б. Хмельницкий через патриарха Никона просил русское правительство о посылке на Украину дополнительных русских войск [9]. Обращение Б. Хмельницкого к Никону показательно тем, что патриарх являлся сторонником войны с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Перед началом летней кампании 1655 г. русское правительство провело ряд изменений в командовании русских войск. В центральной армии в большом полку товарищами Я. К. Черкасскому были назначены, вместо С. В. Прозоровского и А. Ф. Литвинова-Мосальского, стольник князь И. С. Прозоровский и окольничий Б. М. Хитрово, отличившийся при штурме Смоленска в 1654 г. В передовом полку воеводами остались Н. И. Одоевский и Ф. Ю. Хворостинин. В сторожевом полку воеводами были назначены боярин Б. А. Репнин и князь О. И. Щербатов вместо М. М. Темкина-Ростовского и В. И. Стрешнева. В ертаульном полку командовали — стольник Петр Елмурзин Черкасский и стольник П. С. Прозоровский вместо В. П. Шереметева и Т. И. Щербатова. Над артиллерией попрежнему начальствовали Ф. Б. Долматов-Карпов и П. Н. Щетинин [10]. В северной армии товарищем В. П. Шереметеву, вместо С. Л. Стрешнева, был назначен окольничий С. П. Львов [11]. В армии А. Н. Трубецкого в командном составе изменений не было.

Северная армия В. П. Шереметева должна была вести наступление из Великих Лук на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов. Под удар северной армии подпадало с востока Виленское воеводство.

На центральную армию в летней кампании 1655 г. возлагалось выполнение наиболее ответственных задач. Она должна была наступать из Смоленска на Борисов—Минск—Вильно. Вместе с ней надлежало действовать казакам И. Золотаренко. Под удар центральной армии ставилась северная половина Минского воеводства и Виленское воеводство с юго-востока. Центральная и северная армии должны были одновременно подойти к Вильно. После этого часть русских войск должна была прикрыть город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении Каунас—Гродно—Брест [12].

[8] АЮЗР, т. XIV. СПб., 1889, стр. 526—528; ЦГАДА, Малороссийские дела, 1655, № 4, лл. 4 об. — 6 об., 91.

[9] АЮЗР, т. XIV, стр. 697.

[10] Дворцовые разряды, т. III, стр. 467—468. 480; ЦГАДА, Разряд, Новгородский стол, ст. 212, л. 283.

[11] Дворцовые разряды, т. III, стр. 458.

[12] ЦГАДА, Разряд, Московский стол, ст. 262, лл. 34—36, 58, 59, 123, 160—161.

водство Новогроцкое из места Игунемя и из Минска запорожские черкасы Иванова полку Нечая и в домах шляхетцких чинят всякие неистерпимые беды и насильства, и шляхт у многих побивают». С тем же обращалась к русской делегации и шляхта Ошмянского повета, требовавшая от Нечая запрета казакам совершать насилия над ней. Глава русской делегации князь Н. И. Одоевский, особо доверенное лицо царя Алексея Михайловича, сразу же разрешил шляхте принимать необходимые меры против крестьянско-казацких отрядов, против восставших белорусских крестьян. Когда же он вернулся в Москву, то поставил об этом в известность царя. Алексей Михайлович дал указание написать об обидах, нанесенных новогрудской шляхте, полковнику И. Нечаю, чтобы он произвел сыск и наказал виновных.

Таким образом, следует придти к выводу о наличии широкого крестьянского движения в ряде районов Белоруссии в 1656 г. Вопрос об обороне шляхты от нападений крестьянско-казацких отрядов очень остро стоял уже ко времени Виленских переговоров, т. е. в августе—ноябре 1656 г.

В наказах белорусской и литовской шляхты, составленных в первой половине 1657 г. и поданных царскому правительству, содержится интересный материал о крестьянско-казацком движении в Белоруссии в 1656 г. — первой половине 1657 г.

В наказе шляхты Новогрудского воеводства отмечалось, что многие шляхтичи погибли и погибают не только от сильного голода, но «через казаков полку Мурашкиного». Весной 1657 г. казаки трижды вторгались в пределы Новогрудского воеводства. «И не в давне из-за Немна», — сообщается в наказе, — Мурашка, Станишевский снова приходили в Новогрудском воеводстве, чинили шляхте нестерпимые обиды, отбирали имущество, скот, особенно лошадей, а также хлеб, который шляхта привозила с Подляшья. Новогрудской шляхте удалось выбить крестьянско-казацкие отряды за Неман — «не могучи больше жить, по нужде совокупяся, от того нам убегаючи утеснением, для чего господь бог нас, который при невинности всегда стоит пошастил, что есмя их с такою в их людех шкотою с нашего воеводства за Неман прогнали за появлением его милости господина Одоевского»[56].

По сообщениям русского служилого человека И. Михайлова, в Новогрудский повет приходили «черкасы Нечаева полку сотники Мурашка, да Комар, да Станишевский, а с ними с полторы тысячи человек. И марта в 10 числе Новогрудского повету шляхта и которые были при Петре Вяжевиче тех черкас в розных местех побили з двесте человек, а иные черкасы перешли за Немон в Менской повет: А чают, государь, ныне на Новогрудок черкаскаго приходу вскоре и сказывают, что черкасы в зборе многие

[56] ЦГАДА, Дела польские, 1657, № 4, лл. 84—92, 234—241, 127, 266.

водство Новогроцкое из места Игунемя и из Минска запорожские черкасы Иванова полку Нечая и в домах шляхетцких чинят всякие неистерпимые беды и насильства, и шляхт у многих побивают». С тем же обращалась к русской делегации и шляхта Ошмянского повета, требовавшая от Нечая запрета казакам совершать насилия над ней. Глава русской делегации князь Н. И. Одоевский, особо доверенное лицо царя Алексея Михайловича, сразу же разрешил шляхте принимать необходимые меры против крестьянско-казацких отрядов, против восставших белорусских крестьян. Когда же он вернулся в Москву, то поставил об этом в известность царя. Алексей Михайлович дал указание написать об обидах, нанесенных новогрудской шляхте, полковнику И. Нечаю, чтобы он произвел сыск и наказал виновных.

Таким образом, следует придти к выводу о наличии широкого крестьянского движения в ряде районов Белоруссии в 1656 г. Вопрос об обороне шляхты от нападений крестьянско-казацких отрядов очень остро стоял уже ко времени Виленских переговоров, т. е. в августе—ноябре 1656 г.

В наказах белорусской и литовской шляхты, составленных в первой половине 1657 г. и поданных царскому правительству, содержится интересный материал о крестьянско-казацком движении в Белоруссии в 1656 г. — первой половине 1657 г.

В наказе шляхты Новогрудского воеводства отмечалось, что многие шляхтичи погибли и погибают не только от сильного голода, но «через казаков полку Мурашкиного». Весной 1657 г. казаки трижды вторгались в пределы Новогрудского воеводства. «И не в давне из-за Немна», — сообщается в наказе, — Мурашка, Станишевский снова приходили в Новогрудском воеводстве, чинили шляхте нестерпимые обиды, отбирали имущество, скот, особенно лошадей, а также хлеб, который шляхта привозила с Подляшья. Новогрудской шляхте удалось выбить крестьянско-казацкие отряды за Неман — «не могучи больше жить, по нужде совокупяся, от того нам убегаючи утеснением, для чего господь бог нас, который при невинности всегда стоит пошастил, что есмя их с такою в их людех шкотою с нашего воеводства за Неман прогнали за появлением его милости господина Одоевского» [56].

По сообщениям русского служилого человека И. Михайлова, в Новогрудский повет приходили «черкасы Нечаева полку сотники Мурашка, да Комар, да Станишевский, а с ними с полторы тысячи человек. И марта в 10 числе Новогрудского повету шляхта и которые были при Петре Вяжевиче тех черкас в розных местех побили з двесте человек, а иные черкасы перешли за Немон в Менской повет: А чают, государь, ныне на Новогрудок черкаскаго приходу вскоре и сказывают, что черкасы в зборе многие

---

[56] ЦГАДА, Дела польские, 1657, № 4, лл. 84—92, 234—241, 127, 266.

водство Новогроцкое из места Игунемя и из Минска запорожские черкасы Иванова полку Нечая и в домах шляхетцких чинят всякие неистерпимые беды и насильства, и шляхт у многих побивают». С тем же обращалась к русской делегации и шляхта Ошмянского повета, требовавшая от Нечая запрета казакам совершать насилия над ней. Глава русской делегации князь Н. И. Одоевский, особо доверенное лицо царя Алексея Михайловича, сразу же разрешил шляхте принимать необходимые меры против крестьянско-казацких отрядов, против восставших белорусских крестьян. Когда же он вернулся в Москву, то поставил об этом в известность царя. Алексей Михайлович дал указание написать об обидах, нанесенных новогрудской шляхте, полковнику И. Нечаю, чтобы он произвел сыск и наказал виновных.

Таким образом, следует придти к выводу о наличии широкого крестьянского движения в ряде районов Белоруссии в 1656 г. Вопрос об обороне шляхты от нападений крестьянско-казацких отрядов очень остро стоял уже ко времени Виленских переговоров, т. е. в августе—ноябре 1656 г.

В наказах белорусской и литовской шляхты, составленных в первой половине 1657 г. и поданных царскому правительству, содержится интересный материал о крестьянско-казацком движении в Белоруссии в 1656 г. — первой половине 1657 г.

В наказе шляхты Новогрудского воеводства отмечалось, что многие шляхтичи погибли и погибают не только от сильного голода, но «через казаков полку Мурашкиного». Весной 1657 г. казаки трижды вторгались в пределы Новогрудского воеводства. «И не в давне из-за Немна», — сообщается в наказе, — Мурашка, Станишевский снова приходили в Новогрудском воеводстве, чинили шляхте нестерпимые обиды, отбирали имущество, скот, особенно лошадей, а также хлеб, который шляхта привозила с Подляшья. Новогрудской шляхте удалось выбить крестьянско-казацкие отряды за Неман — «не могучи больше жить, по нужде совокупяся, от того нам убегаючи утеснением, для чего господь бог нас, который при невинности всегда стоит пошастил, что есмя их с такою в их людех шкотою с нашего воеводства за Неман прогнали за появлением его милости господина Одоевского»[56].

По сообщениям русского служилого человека И. Михайлова, в Новогрудский повет приходили «черкасы Нечаева полку сотники Мурашка, да Комар, да Станишевский, а с ними с полторы тысячи человек. И марта в 10 числе Новогрудского повету шляхта и которые были при Петре Вяжевиче тех черкас в розных местех побили з двесте человек, а иные черкасы перешли за Немон в Менской повет: А чают, государь, ныне на Новогрудок черкаскаго приходу вскоре и сказывают, что черкасы в зборе многие

---

[56] ЦГАДА, Дела польские, 1657, № 4, лл. 84—92, 234—241, 127, 266.

водство Новогроцкое из места Игунемя и из Минска запорожские черкасы Иванова полку Нечая и в домах шляхетцких чинят всякие неистерпимые беды и насильства, и шляхт у многих побивают». С тем же обращалась к русской делегации и шляхта Ошмянского повета, требовавшая от Нечая запрета казакам совершать насилия над ней. Глава русской делегации князь Н. И. Одоевский, особо доверенное лицо царя Алексея Михайловича, сразу же разрешил шляхте принимать необходимые меры против крестьянско-казацких отрядов, против восставших белорусских крестьян. Когда же он вернулся в Москву, то поставил об этом в известность царя. Алексей Михайлович дал указание написать об обидах, нанесенных новогрудской шляхте, полковнику И. Нечаю, чтобы он произвел сыск и наказал виновных.

Таким образом, следует придти к выводу о наличии широкого крестьянского движения в ряде районов Белоруссии в 1656 г. Вопрос об обороне шляхты от нападений крестьянско-казацких отрядов очень остро стоял уже ко времени Виленских переговоров, т. е. в августе—ноябре 1656 г.

В наказах белорусской и литовской шляхты, составленных в первой половине 1657 г. и поданных царскому правительству, содержится интересный материал о крестьянско-казацком движении в Белоруссии в 1656 г. — первой половине 1657 г.

В наказе шляхты Новогрудского воеводства отмечалось, что многие шляхтичи погибли и погибают не только от сильного голода, но «через казаков полку Мурашкиного». Весной 1657 г. казаки трижды вторгались в пределы Новогрудского воеводства. «И не в давне из-за Немна», — сообщается в наказе, — Мурашка, Станишевский снова приходили в Новогрудском воеводстве, чинили шляхте нестерпимые обиды, отбирали имущество, скот, особенно лошадей, а также хлеб, который шляхта привозила с Подляшья. Новогрудской шляхте удалось выбить крестьянско-казацкие отряды за Неман — «не могучи больше жить, по нужде совокупяся, от того нам убегаючи утеснением, для чего господь бог нас, который при невинности всегда стоит пошастил, что есмя их с такою в их людех шкотою с нашего воеводства за Неман прогнали за появлением его милости господина Одоевского» [56].

По сообщениям русского служилого человека И. Михайлова, в Новогрудский повет приходили «черкасы Нечаева полку сотники Мурашка, да Комар, да Станишевский, а с ними с полторы тысячи человек. И марта в 10 числе Новогрудского повету шляхта и которые были при Петре Вяжевиче тех черкас в розных местех побили з двесте человек, а иные черкасы перешли за Немон в Менской повет: А чают, государь, ныне на Новогрудок черкаскаго приходу вскоре и сказывают, что черкасы в зборе многие

[56] ЦГАДА, Дела польские, 1657, № 4, лл. 84—92, 234—241, 127, 266.

водство Новогроцкое из места Игунемя и из Минска запорожские черкасы Иванова полку Нечая и в домах шляхетцких чинят всякие неистерпимые беды и насильства, и шляхт у многих побивают». С тем же обращалась к русской делегации и шляхта Ошмянского повета, требовавшая от Нечая запрета казакам совершать насилия над ней. Глава русской делегации князь Н. И. Одоевский, особо доверенное лицо царя Алексея Михайловича, сразу же разрешил шляхте принимать необходимые меры против крестьянско-казацких отрядов, против восставших белорусских крестьян. Когда же он вернулся в Москву, то поставил об этом в известность царя. Алексей Михайлович дал указание написать об обидах, нанесенных новогрудской шляхте, полковнику И. Нечаю, чтобы он произвел сыск и наказал виновных.

Таким образом, следует придти к выводу о наличии широкого крестьянского движения в ряде районов Белоруссии в 1656 г. Вопрос об обороне шляхты от нападений крестьянско-казацких отрядов очень остро стоял уже ко времени Виленских переговоров, т. е. в августе—ноябре 1656 г.

В наказах белорусской и литовской шляхты, составленных в первой половине 1657 г. и поданных царскому правительству, содержится интересный материал о крестьянско-казацком движении в Белоруссии в 1656 г. — первой половине 1657 г.

В наказе шляхты Новогрудского воеводства отмечалось, что многие шляхтичи погибли и погибают не только от сильного голода, но «через казаков полку Мурашкиного». Весной 1657 г. казаки трижды вторгались в пределы Новогрудского воеводства. «И не в давне из-за Немна», — сообщается в наказе, — Мурашка, Станишевский снова приходили в Новогрудском воеводстве, чинили шляхте нестерпимые обиды, отбирали имущество, скот, особенно лошадей, а также хлеб, который шляхта привозила с Подляшья. Новогрудской шляхте удалось выбить крестьянско-казацкие отряды за Неман — «не могучи больше жить, по нужде совокупяся, от того нам убегаючи утеснением, для чего господь бог нас, который при невинности всегда стоит пошастил, что есмя их с такою в их людех шкотою с нашего воеводства за Неман прогнали за появлением его милости господина Одоевского» [56].

По сообщениям русского служилого человека И. Михайлова, в Новогрудский повет приходили «черкасы Нечаева полку сотники Мурашка, да Комар, да Станишевский, а с ними с полторы тысячи человек. И марта в 10 числе Новогрудского повету шляхта и которые были при Петре Вяжевиче тех черкас в розных местех побили з двесте человек, а иные черкасы перешли за Немон в Менской повет: А чают, государь, ныне на Новогрудок черкаскаго приходу вскоре и сказывают, что черкасы в зборе многие

---

[56] ЦГАДА, Дела польские, 1657, № 4, лл. 84—92, 234—241, 127, 266.

водство Новогроцкое из места Игунемя и из Минска запорожские черкасы Иванова полку Нечая и в домах шляхетцких чинят всякие неистерпимые беды и насильства, и шляхт у многих побивают». С тем же обращалась к русской делегации и шляхта Ошмянского повета, требовавшая от Нечая запрета казакам совершать насилия над ней. Глава русской делегации князь Н. И. Одоевский, особо доверенное лицо царя Алексея Михайловича, сразу же разрешил шляхте принимать необходимые меры против крестьянско-казацких отрядов, против восставших белорусских крестьян. Когда же он вернулся в Москву, то поставил об этом в известность царя. Алексей Михайлович дал указание написать об обидах, нанесенных новогрудской шляхте, полковнику И. Нечаю, чтобы он произвел сыск и наказал виновных.

Таким образом, следует придти к выводу о наличии широкого крестьянского движения в ряде районов Белоруссии в 1656 г. Вопрос об обороне шляхты от нападений крестьянско-казацких отрядов очень остро стоял уже ко времени Виленских переговоров, т. е. в августе—ноябре 1656 г.

В наказах белорусской и литовской шляхты, составленных в первой половине 1657 г. и поданных царскому правительству, содержится интересный материал о крестьянско-казацком движении в Белоруссии в 1656 г. — первой половине 1657 г.

В наказе шляхты Новогрудского воеводства отмечалось, что многие шляхтичи погибли и погибают не только от сильного голода, но «через казаков полку Мурашкиного». Весной 1657 г. казаки трижды вторгались в пределы Новогрудского воеводства. «И не в давне из-за Немна», — сообщается в наказе, — Мурашка, Станишевский снова приходили в Новогрудском воеводстве, чинили шляхте нестерпимые обиды, отбирали имущество, скот, особенно лошадей, а также хлеб, который шляхта привозила с Подляшья. Новогрудской шляхте удалось выбить крестьянско-казацкие отряды за Неман — «не могучи больше жить, по нужде совокупяся, от того нам убегаючи утеснением, для чего господь бог нас, который при невинности всегда стоит пошастил, что есмя их с такою в их людех шкотою с нашего воеводства за Неман прогнали за появлением его милости господина Одоевского» [56].

По сообщениям русского служилого человека И. Михайлова, в Новогрудский повет приходили «черкасы Нечаева полку сотники Мурашка, да Комар, да Станишевский, а с ними с полторы тысячи человек. И марта в 10 числе Новогрудского повету шляхта и которые были при Петре Вяжевиче тех черкас в розных местех побили з двесте человек, а иные черкасы перешли за Немон в Менской повет: А чают, государь, ныне на Новогрудок черкаскаго приходу вскоре и сказывают, что черкасы в зборе многие

---

[56] ЦГАДА, Дела польские, 1657, № 4, лл. 84—92, 234—241, 127, 266.

водство Новогроцкое из места Игунемя и из Минска запорожские черкасы Иванова полку Нечая и в домах шляхетцких чинят всякие неистерпимые беды и насильства, и шляхт у многих побивают». С тем же обращалась к русской делегации и шляхта Ошмянского повета, требовавшая от Нечая запрета казакам совершать насилия над ней. Глава русской делегации князь Н. И. Одоевский, особо доверенное лицо царя Алексея Михайловича, сразу же разрешил шляхте принимать необходимые меры против крестьянско-казацких отрядов, против восставших белорусских крестьян. Когда же он вернулся в Москву, то поставил об этом в известность царя. Алексей Михайлович дал указание написать об обидах, нанесенных новогрудской шляхте, полковнику И. Нечаю, чтобы он произвел сыск и наказал виновных.

Таким образом, следует придти к выводу о наличии широкого крестьянского движения в ряде районов Белоруссии в 1656 г. Вопрос об обороне шляхты от нападений крестьянско-казацких отрядов очень остро стоял уже ко времени Виленских переговоров, т. е. в августе—ноябре 1656 г.

В наказах белорусской и литовской шляхты, составленных в первой половине 1657 г. и поданных царскому правительству, содержится интересный материал о крестьянско-казацком движении в Белоруссии в 1656 г. — первой половине 1657 г.

В наказе шляхты Новогрудского воеводства отмечалось, что многие шляхтичи погибли и погибают не только от сильного голода, но «через казаков полку Мурашкиного». Весной 1657 г. казаки трижды вторгались в пределы Новогрудского воеводства. «И не в давне из-за Немна», — сообщается в наказе, — Мурашка, Станишевский снова приходили в Новогрудском воеводстве, чинили шляхте нестерпимые обиды, отбирали имущество, скот, особенно лошадей, а также хлеб, который шляхта привозила с Подляшья. Новогрудской шляхте удалось выбить крестьянско-казацкие отряды за Неман — «не могучи больше жить, по нужде совокупяся, от того нам убегаючи утеснением, для чего господь бог нас, который при невинности всегда стоит пошастил, что есмя их с такою в их людех шкотою с нашего воеводства за Неман прогнали за появлением его милости господина Одоевского» [56].

По сообщениям русского служилого человека И. Михайлова, в Новогрудский повет приходили «черкасы Нечаева полку сотники Мурашка, да Комар, да Станишевский, а с ними с полторы тысячи человек. И марта в 10 числе Новогрудского повету шляхта и которые были при Петре Вяжевиче тех черкас в розных местех побили з двесте человек, а иные черкасы перешли за Немон в Менской повет: А чают, государь, ныне на Новогрудок черкаскаго приходу вскоре и сказывают, что черкасы в зборе многие

---

[56] ЦГАДА, Дела польские, 1657, № 4, лл. 84—92, 234—241, 127, 266.

водство Новогроцкое из места Игунемя и из Минска запорожские черкасы Иванова полку Нечая и в домах шляхетцких чинят всякие неистерпимые беды и насильства, и шляхт у многих побивают». С тем же обращалась к русской делегации и шляхта Ошмянского повета, требовавшая от Нечая запрета казакам совершать насилия над ней. Глава русской делегации князь Н. И. Одоевский, особо доверенное лицо царя Алексея Михайловича, сразу же разрешил шляхте принимать необходимые меры против крестьянско-казацких отрядов, против восставших белорусских крестьян. Когда же он вернулся в Москву, то поставил об этом в известность царя. Алексей Михайлович дал указание написать об обидах, нанесенных новогрудской шляхте, полковнику И. Нечаю, чтобы он произвел сыск и наказал виновных.

Таким образом, следует придти к выводу о наличии широкого крестьянского движения в ряде районов Белоруссии в 1656 г. Вопрос об обороне шляхты от нападений крестьянско-казацких отрядов очень остро стоял уже ко времени Виленских переговоров, т. е. в августе—ноябре 1656 г.

В наказах белорусской и литовской шляхты, составленных в первой половине 1657 г. и поданных царскому правительству, содержится интересный материал о крестьянско-казацком движении в Белоруссии в 1656 г. — первой половине 1657 г.

В наказе шляхты Новогрудского воеводства отмечалось, что многие шляхтичи погибли и погибают не только от сильного голода, но «через казаков полку Мурашкиного». Весной 1657 г. казаки трижды вторгались в пределы Новогрудского воеводства. «И не в давне из-за Немна», — сообщается в наказе, — Мурашка, Станишевский снова приходили в Новогрудском воеводстве, чинили шляхте нестерпимые обиды, отбирали имущество, скот, особенно лошадей, а также хлеб, который шляхта привозила с Подляшья. Новогрудской шляхте удалось выбить крестьянско-казацкие отряды за Неман — «не могучи больше жить, по нужде совокупяся, от того нам убегаючи утеснением, для чего господь бог нас, который при невинности всегда стоит пошастил, что есмя их с такою в их людех шкотою с нашего воеводства за Неман прогнали за появлением его милости господина Одоевского» [56].

По сообщениям русского служилого человека И. Михайлова, в Новогрудский повет приходили «черкасы Нечаева полку сотники Мурашка, да Комар, да Станишевский, а с ними с полторы тысячи человек. И марта в 10 числе Новогрудского повету шляхта и которые были при Петре Вяжевиче тех черкас в розных местех побили з двесте человек, а иные черкасы перешли за Немон в Менской повет: А чают, государь, ныне на Новогрудок черкаскаго приходу вскоре и сказывают, что черкасы в зборе многие

[56] ЦГАДА, Дела польские, 1657, № 4, лл. 84—92, 234—241, 127, 266.

водство Новогроцкое из места Игунемя и из Минска запорожские черкасы Иванова полку Нечая и в домах шляхетцких чинят всякие неистерпимые беды и насильства, и шляхт у многих побивают». С тем же обращалась к русской делегации и шляхта Ошмянского повета, требовавшая от Нечая запрета казакам совершать насилия над ней. Глава русской делегации князь Н. И. Одоевский, особо доверенное лицо царя Алексея Михайловича, сразу же разрешил шляхте принимать необходимые меры против крестьянско-казацких отрядов, против восставших белорусских крестьян. Когда же он вернулся в Москву, то поставил об этом в известность царя. Алексей Михайлович дал указание написать об обидах, нанесенных новогрудской шляхте, полковнику И. Нечаю, чтобы он произвел сыск и наказал виновных.

Таким образом, следует придти к выводу о наличии широкого крестьянского движения в ряде районов Белоруссии в 1656 г. Вопрос об обороне шляхты от нападений крестьянско-казацких отрядов очень остро стоял уже ко времени Виленских переговоров, т. е. в августе—ноябре 1656 г.

В наказах белорусской и литовской шляхты, составленных в первой половине 1657 г. и поданных царскому правительству, содержится интересный материал о крестьянско-казацком движении в Белоруссии в 1656 г. — первой половине 1657 г.

В наказе шляхты Новогрудского воеводства отмечалось, что многие шляхтичи погибли и погибают не только от сильного голода, но «через казаков полку Мурашкиного». Весной 1657 г. казаки трижды вторгались в пределы Новогрудского воеводства. «И не в давне из-за Немна», — сообщается в наказе, — Мурашка, Станишевский снова приходили в Новогрудском воеводстве, чинили шляхте нестерпимые обиды, отбирали имущество, скот, особенно лошадей, а также хлеб, который шляхта привозила с Подляшья. Новогрудской шляхте удалось выбить крестьянско-казацкие отряды за Неман — «не могучи больше жить, по нужде совокупяся, от того нам убегаючи утеснением, для чего господь бог нас, который при невинности всегда стоит пошастил, что есмя их с такою в их людех шкотою с нашего воеводства за Неман прогнали за появлением его милости господина Одоевского»[56].

По сообщениям русского служилого человека И. Михайлова, в Новогрудский повет приходили «черкасы Нечаева полку сотники Мурашка, да Комар, да Станишевский, а с ними с полторы тысячи человек. И марта в 10 числе Новогрудского повету шляхта и которые были при Петре Вяжевиче тех черкас в розных местех побили з двесте человек, а иные черкасы перешли за Немон в Менской повет: А чают, государь, ныне на Новогрудок черкаскаго приходу вскоре и сказывают, что черкасы в зборе многие

---

[56] ЦГАДА, Дела польские, 1657, № 4, лл. 84—92, 234—241, 127, 266.

водство Новогроцкое из места Игунемя и из Минска запорожские черкасы Иванова полку Нечая и в домах шляхетцких чинят всякие неистерпимые беды и насильства, и шляхт у многих побивают». С тем же обращалась к русской делегации и шляхта Ошмянского повета, требовавшая от Нечая запрета казакам совершать насилия над ней. Глава русской делегации князь Н. И. Одоевский, особо доверенное лицо царя Алексея Михайловича, сразу же разрешил шляхте принимать необходимые меры против крестьянско-казацких отрядов, против восставших белорусских крестьян. Когда же он вернулся в Москву, то поставил об этом в известность царя. Алексей Михайлович дал указание написать об обидах, нанесенных новогрудской шляхте, полковнику И. Нечаю, чтобы он произвел сыск и наказал виновных.

Таким образом, следует придти к выводу о наличии широкого крестьянского движения в ряде районов Белоруссии в 1656 г. Вопрос об обороне шляхты от нападений крестьянско-казацких отрядов очень остро стоял уже ко времени Виленских переговоров, т. е. в августе—ноябре 1656 г.

В наказах белорусской и литовской шляхты, составленных в первой половине 1657 г. и поданных царскому правительству, содержится интересный материал о крестьянско-казацком движении в Белоруссии в 1656 г. — первой половине 1657 г.

В наказе шляхты Новогрудского воеводства отмечалось, что многие шляхтичи погибли и погибают не только от сильного голода, но «через казаков полку Мурашкиного». Весной 1657 г. казаки трижды вторгались в пределы Новогрудского воеводства. «И не в давне из-за Немна», — сообщается в наказе, — Мурашка, Станишевский снова приходили в Новогрудском воеводстве, чинили шляхте нестерпимые обиды, отбирали имущество, скот, особенно лошадей, а также хлеб, который шляхта привозила с Подляшья. Новогрудской шляхте удалось выбить крестьянско-казацкие отряды за Неман — «не могучи больше жить, по нужде совокупяся, от того нам убегаючи утеснением, для чего господь бог нас, который при невинности всегда стоит пошастил, что есмя их с такою в их людех шкотою с нашего воеводства за Неман прогнали за появлением его милости господина Одоевского»[56].

По сообщениям русского служилого человека И. Михайлова, в Новогрудский повет приходили «черкасы Нечаева полку сотники Мурашка, да Комар, да Станишевский, а с ними с полторы тысячи человек. И марта в 10 числе Новогрудского повету шляхта и которые были при Петре Вяжевиче тех черкас в розных местех побили з двесте человек, а иные черкасы перешли за Немон в Менской повет: А чают, государь, ныне на Новогрудок черкаскаго приходу вскоре и сказывают, что черкасы в зборе многие

[56] ЦГАДА, Дела польские, 1657, № 4, лл. 84—92, 234—241, 127, 266.

водство Новогроцкое из места Игунемя и из Минска запорожские черкасы Иванова полку Нечая и в домах шляхетцких чинят всякие неистерпимые беды и насильства, и шляхт у многих побивают». С тем же обращалась к русской делегации и шляхта Ошмянского повета, требовавшая от Нечая запрета казакам совершать насилия над ней. Глава русской делегации князь Н. И. Одоевский, особо доверенное лицо царя Алексея Михайловича, сразу же разрешил шляхте принимать необходимые меры против крестьянско-казацких отрядов, против восставших белорусских крестьян. Когда же он вернулся в Москву, то поставил об этом в известность царя. Алексей Михайлович дал указание написать об обидах, нанесенных новогрудской шляхте, полковнику И. Нечаю, чтобы он произвел сыск и наказал виновных.

Таким образом, следует придти к выводу о наличии широкого крестьянского движения в ряде районов Белоруссии в 1656 г. Вопрос об обороне шляхты от нападений крестьянско-казацких отрядов очень остро стоял уже ко времени Виленских переговоров, т. е. в августе—ноябре 1656 г.

В наказах белорусской и литовской шляхты, составленных в первой половине 1657 г. и поданных царскому правительству, содержится интересный материал о крестьянско-казацком движении в Белоруссии в 1656 г. — первой половине 1657 г.

В наказе шляхты Новогрудского воеводства отмечалось, что многие шляхтичи погибли и погибают не только от сильного голода, но «через казаков полку Мурашкиного». Весной 1657 г. казаки трижды вторгались в пределы Новогрудского воеводства. «И не в давне из-за Немна», — сообщается в наказе, — Мурашка, Станишевский снова приходили в Новогрудском воеводстве, чинили шляхте нестерпимые обиды, отбирали имущество, скот, особенно лошадей, а также хлеб, который шляхта привозила с Подляшья. Новогрудской шляхте удалось выбить крестьянско-казацкие отряды за Неман — «не могучи больше жить, по нужде совокупяся, от того нам убегаючи утеснением, для чего господь бог нас, который при невинности всегда стоит пошастил, что есмя их с такою в их людех шкотою с нашего воеводства за Неман прогнали за появлением его милости господина Одоевского» [56].

По сообщениям русского служилого человека И. Михайлова, в Новогрудский повет приходили «черкасы Нечаева полку сотники Мурашка, да Комар, да Станишевский, а с ними с полторы тысячи человек. И марта в 10 числе Новогрудского повету шляхта и которые были при Петре Вяжевиче тех черкас в розных местех побили з двесте человек, а иные черкасы перешли за Немон в Менской повет: А чают, государь, ныне на Новогрудок черкаскаго приходу вскоре и сказывают, что черкасы в зборе многие

[56] ЦГАДА, Дела польские, 1657, № 4, лл. 84—92, 234—241, 127, 266.

водство Новогроцкое из места Игунемя и из Минска запорожские черкасы Иванова полку Нечая и в домах шляхетцких чинят всякие неистерпимые беды и насильства, и шляхт у многих побивают». С тем же обращалась к русской делегации и шляхта Ошмянского повета, требовавшая от Нечая запрета казакам совершать насилия над ней. Глава русской делегации князь Н. И. Одоевский, особо доверенное лицо царя Алексея Михайловича, сразу же разрешил шляхте принимать необходимые меры против крестьянско-казацких отрядов, против восставших белорусских крестьян. Когда же он вернулся в Москву, то поставил об этом в известность царя. Алексей Михайлович дал указание написать об обидах, нанесенных новогрудской шляхте, полковнику И. Нечаю, чтобы он произвел сыск и наказал виновных.

Таким образом, следует придти к выводу о наличии широкого крестьянского движения в ряде районов Белоруссии в 1656 г. Вопрос об обороне шляхты от нападений крестьянско-казацких отрядов очень остро стоял уже ко времени Виленских переговоров, т. е. в августе—ноябре 1656 г.

В наказах белорусской и литовской шляхты, составленных в первой половине 1657 г. и поданных царскому правительству, содержится интересный материал о крестьянско-казацком движении в Белоруссии в 1656 г. — первой половине 1657 г.

В наказе шляхты Новогрудского воеводства отмечалось, что многие шляхтичи погибли и погибают не только от сильного голода, но «через казаков полку Мурашкиного». Весной 1657 г. казаки трижды вторгались в пределы Новогрудского воеводства. «И не в давне из-за Немна», — сообщается в наказе, — Мурашка, Станишевский снова приходили в Новогрудском воеводстве, чинили шляхте нестерпимые обиды, отбирали имущество, скот, особенно лошадей, а также хлеб, который шляхта привозила с Подляшья. Новогрудской шляхте удалось выбить крестьянско-казацкие отряды за Неман — «не могучи больше жить, по нужде совокупяся, от того нам убегаючи утеснением, для чего господь бог нас, который при невинности всегда стоит пошастил, что есмя их с такою в их людех шкотою с нашего воеводства за Неман прогнали за появлением его милости господина Одоевского»[56].

По сообщениям русского служилого человека И. Михайлова, в Новогрудский повет приходили «черкасы Нечаева полку сотники Мурашка, да Комар, да Станишевский, а с ними с полторы тысячи человек. И марта в 10 числе Новогрудского повету шляхта и которые были при Петре Вяжевиче тех черкас в розных местех побили з двесте человек, а иные черкасы перешли за Немон в Менской повет: А чают, государь, ныне на Новогрудок черкаскаго приходу вскоре и сказывают, что черкасы в зборе многие

[56] ЦГАДА, Дела польские, 1657, № 4, лл. 84—92, 234—241, 127, 266.

чину живет. А которые мужики или иных чинов не учнут государева указу слушать, и он князь Григорий по государеву указу на них учнет ходить и села и местечки жечь и разорять, а хто помня страх божий и государеву милость и указ и ис козаков, которые похотят ити в свои домы, и оне безо всякого опасенья и вина их отдана будет, что ане были в козаках...» [89].

Из сказанного можно сделать вывод, что царское правительство в ходе обострения классовой борьбы в Белоруссии непрерывно уступало белорусской шляхте. Но она не была удовлетворена этими мерами и продолжала выражать недовольство тем, что русский царизм не ограждал должным образом ее классовые интересы. Это в значительной степени предопределило позицию шляхты после возобновления осенью 1658 г. военных действий между Россией и Речью Посполитой.

---

[89] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 87, л. 5 об.

чину живет. А которые мужики или иных чинов не учнут государева указу слушать, и он князь Григорий по государеву указу на них учнет ходить и села и местечки жечь и разорять, а хто помня страх божий и государеву милость и указ и ис козаков, которые похотят ити в свои домы, и оне безо всякого опасенья и вина их отдана будет, что ане были в козаках...»[89].

Из сказанного можно сделать вывод, что царское правительство в ходе обострения классовой борьбы в Белоруссии непрерывно уступало белорусской шляхте. Но она не была удовлетворена этими мерами и продолжала выражать недовольство тем, что русский царизм не ограждал должным образом ее классовые интересы. Это в значительной степени предопределило позицию шляхты после возобновления осенью 1658 г. военных действий между Россией и Речью Посполитой.

---

[89] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 87, л. 5 об.

чину живет. А которые мужики или иных чинов не учнут государева указу слушать, и он князь Григорий по государеву указу на них учнет ходить и села и местечки жечь и разорять, а хто помня страх божий и государеву милость и указ и ис козаков, которые похотят ити в свои домы, и оне безо всякого опасенья и вина их отдана будет, что ане были в козаках...»[89].

Из сказанного можно сделать вывод, что царское правительство в ходе обострения классовой борьбы в Белоруссии непрерывно уступало белорусской шляхте. Но она не была удовлетворена этими мерами и продолжала выражать недовольство тем, что русский царизм не ограждал должным образом ее классовые интересы. Это в значительной степени предопределило позицию шляхты после возобновления осенью 1658 г. военных действий между Россией и Речью Посполитой.

---

[89] ЦГАДА, Гос. архив, Разряд XXVII, № 87, л. 5 об.